

Этнография
мари́йского
народа

Этнография мари́йского народа

Учебное пособие
для старших классов

*Допущено Министерством
образования Республики Марий Эл*

ЙОШКАР-ОЛА
МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2001

Федеральная программа книгоиздания России

Составитель
Г. А. СЕПЕЕВ

Рецензент кандидат педагогических наук,
профессор П. А. А п а к а е в

В книге использованы цветные иллюстрации
П. Н. В а с и л ь е в а, Г. Р. Л е в е н ш т е й н а,
Т. Л. М о л о т о в о й

Этнография марийского народа: Учебное пособие для старших
Э91 классов /Сост. Г. А. Сепеев. — Йошкар-Ола: Марийское книжное
издательство, 2001. — 184 с.; ил.

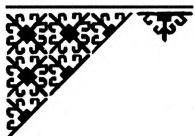
ISBN 5—7590—0604—6

Книга является первым учебным изданием по этнографии марийского народа. В ней в научно-популярной форме изложены основные этнографические сведения о марийцах: их происхождение, численность и расселение, среда обитания и занятия, поселения и жилища, костюм и пища, общественный и семейный быт, обычаи и обряды, народные знания и верования, устное народное творчество и искусство.

Рекомендуется преподавателям, студентам, учащимся старших классов и всем интересующимся этнографией марийского народа.

ISBN 5—7590—0604—6
ЛР 01.0040 от 18.02.1997

© Сепеев Г. А., составл., 2001
© Авторы статей, указанные
в оглавл., 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы в связи с процессами суверенизации автономных образований в составе России, ростом национального самосознания населяющих ее народов все более повышается интерес к вопросам их традиционной и современной культуры, быта, обрядов и обычаев, которыми занимается наука этнография (этнология). Стремление познать историческое прошлое марийского народа, его корни и истоки, своеобразный хозяйственно-культурный уклад жизни, культурно-бытовые взаимоотношения с соседними народами, изменение и развитие традиций в разные периоды под воздействием природно-экологических, социально-экономических и других факторов характерно сегодня не только для специалистов, но и широкой общественности Республики Марий Эл.

С введением в программу общеобразовательных школ и других учебных заведений республики предмета "История и культура марийского народа" в учреждения науки и образования все чаще обращаются за консультационно-методической помощью и литературой учителя и преподаватели. Вопросы традиционной культуры интересуют также работников культпросветучреждений. Подобные же вопросы все чаще поступают в средства массовой информации от читателей газет и журналов, радиослушателей и телезрителей. В библиотеках растет спрос на литературу по этнографии. Но она преимущественно представлена научными публикациями в различных малотиражных сборниках, которые трудно найти. Специальной учебной и популярной литературы по этнографии марийского народа, характеризующей материальную и духовную культуру, общественный и семейный быт, обычаи и обряды в едином комплексе, почти нет.

В конце 80 — начале 90-х годов по рекомендации Института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации в отдельных автономных республиках были осуществлены эксперименты по введению в старших классах общеобразовательных школ учебных предметов по краеведению и этнографии. В Республике Марий Эл экспериментальное обучение было проведено в X — XI классах Моркинской и Вилловатовской средних школ. Опыт эксперимента выявил интерес учителей и учащихся к

занятиям по нетрадиционным для школы предметам и показал настоятельную необходимость издания доступной учебной литературы по данным предметам.

Учитывая потребность подобного рода литературы для нужд школ и других учебных заведений, сотрудники отдела этнографии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, с привлечением специалистов из других учреждений, подготовили настоящее пособие, чтобы в определенной степени восполнить существующий пробел.

В предлагаемом издании приведены основные сведения по этнографии марийского народа. Здесь в сжатом виде упомянуты источники и история этнографического изучения марийцев в прошлом и в настоящее время, показаны численность, расселение и этнодемографическая характеристика марийского населения, прослежены основные этапы этногенеза (происхождения) и этнической истории марийцев. Основное внимание авторского коллектива уделено характеристике особенностей хозяйства и материальной культуры, общественному и семейному быту, обычаям и обрядам марийцев, различным проявлениям их духовной культуры.

Издание, ориентированное в основном на молодое поколение (учащихся и студентов), не претендует на всестороннее, в широком территориально-хронологическом охвате, освещение проблем этнографии марийцев. Тем, кто проявляет более глубокий интерес к различным сторонам быта и культуры марийцев, может оказать помощь список рекомендуемой литературы.

В подготовке учебного пособия участвовали сотрудники МарНИИ академик Г. А. Архипов, кандидаты исторических наук Т. Л. Молотова и Г. А. Сепеев, старшие научные сотрудники И. Н. Смирнов и Г. И. Соловьева, а также кандидат философских наук Ю. А. Калиев (МГПИ) и кандидат исторических наук В. Д. Шаров (Секретариат Госсобрания Республики Марий Эл).

В книге воспроизведены иллюстрации из фондов Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (г. Йошкар-Ола), Этнографического музея под открытым небом (г. Козьмодемьянск), Российского этнографического музея и Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург), из отечественных и зарубежных изданий *.

*См.: Список рекомендуемой литературы.

ВВЕДЕНИЕ

Этнография как наука. Как разнообразен мир, так разнообразны и науки, его изучающие и познающие. По мере расширения, углубления и обогащения знаний о мире, открытия и постижения ранее неведомых сведений и тайн мироздания рождались и развивались естественные, точные и гуманитарные отрасли и направления науки, от них отпочковывались и возникали новые.

Сравнительно молодой наукой является этнография (от греческого "этнос" — народ, "графо" — писать, описывать), выделившаяся из исторической науки и получившая официальное признание в качестве самостоятельной около полутора столетий назад, в середине XIX века. Основным объектом изучения этой науки являются народы (этноты) — их происхождение, характерные особенности материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта, обычаев и обрядов, которые наряду с языком и физическими (расовыми) признаками, изучаемыми соответственно языкознанием и антропологией, отличают их друг от друга, другими словами, составляют их этнический облик. Наиболее простое и емкое определение этнографической науки было дано выдающимся советским этнографом, профессором Московского университета С. А. Токаревым: это историческая наука, изучающая народы, их быт и культуру. Во многих странах эта наука называется этнологией (от греческого "логос" — изучать), что близко к термину "народоведение", который иногда употреблялся отечественными этнографами. Термин "этнология" ныне получает официальное признание и в нашей стране.

Задолго до выделения этнографии как самостоятельной науки знания о ближайших и отдаленных народах, их занятиях, нравах и обычаях фиксировались в древних и средневековых исторических, географических и других сочинениях, хрониках, летописях. Это были наблюдения и свидетельства очевидцев — ученых, путешественников-землепроходцев и мореплавателей, торговых людей, полководцев-завоевателей, дипломатов, священников-миссионеров. Эпоха Великих географических открытий (XV—XVIII вв.), явившая европейскому миру новые материки и океаны, регионы и острова, пле-

мена и народы разных уровней общественного развития, существенно обогатила этнографические сведения о последних. К началу новейшего времени, в период своего становления, этнография, опираясь на данные смежных наук, располагала определенными знаниями по большинству народов мира.

По мере своего становления и развития этнография совершенствовала методы исследования. Наряду с эмпирическими (опрос, записи, зарисовки, сборы вещевых коллекций, фотосъемка) этнографы используют методы сравнения, анализа и обобщения. Собранные в этнографических экспедициях полевые материалы изучаются с привлечением других материалов (архивных, музейных, опубликованных). Широко применяются кино- и видеосъемки, массовые анкетно-статистические обследования с последующей обработкой на электронно-вычислительных машинах, моделирование будущих явлений и процессов.

Этнографы изучают формы и явления культуры в историческом развитии, рассматривая их состояние в различные хронологические периоды, стремясь выявить время их появления, происшедшие изменения, современное состояние и прогнозируя будущее. В поисках объяснений их динамики они учитывают влияние различных факторов — экологических (изменение природной среды), социально-экономических (развитие производства, изменение социальной структуры, экономические реформы), политических (войны, революционные события, смена власти, изменение внешнеполитической обстановки), этнических (заимствование отдельных форм и элементов быта и культуры соседних народов). Не менее важным в этнографических исследованиях является привлечение данных смежных наук — истории (письменные и архивные источники), археологии (вещи и фрагменты из раскопок), языкознания и топонимики (терминология, названия населенных мест, угодий, рек, озер и т.п.), фольклора (культурно-бытовые детали, сохранившиеся в различных жанрах устного народного творчества).

Как известно, история народа сохраняется не только в письменных памятниках, она оживает и в его традициях и обычаях, в верованиях и материальных предметах, мифах и легендах, созданных в течение многих веков тем или иным этносом. У одних народов они проявляются недостаточно четко, в пережиточных формах, у других, особенно у некоторых отставших в социально-экономическом развитии племенных групп из бывших колоний, функционируют как живая реальность на уровне первобытно-общинной формации. Таким образом, этнография играет важную роль в реконструкции древней истории человечества, его бесписьменного периода, помогая собственно исторической науке в постижении пути, пройденного человечеством.

Первые попытки научного изучения народов России были предприняты в XVIII веке с учреждением Академии наук (1725 г.). Академические экспедиции 30—70-х годов, проведенные с целью изуче-

ния природных богатств страны, одновременно собирали ценные сведения о народах, населяющих различные ее регионы: об их расселении, занятиях, промыслах и средствах пропитания, жилищах и одежде, религиозных верованиях и празднествах, семейных обычаях и обрядах. Они содержатся в книгах участников экспедиций. Российской науке принадлежит приоритет в издании первой сводной этнографической работы И. Г. Георги по материалам этих экспедиций — "Описание всех в Российском государстве обитающих народов" (СПб., 1776 — 1777 гг.), опубликованной, помимо русского, на немецком и французском языках.

Систематическое научное изучение этнографии народов России началось с середины XIX века с образованием научных обществ. В 1845 году было учреждено Русское географическое общество (РГО), в составе которого создано отделение этнографии, с деятельностью которого связано становление и развитие этой науки в России. Позднее филиалы Общества возникли в других регионах. Разработанные отделением этнографии РГО программа, вопросник и инструкция по сбору этнографических материалов были разосланы во все губернии. Научные общества, включившие в круг своих исследований этнографию, создавались при университетах, например: Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете — ОЛЕАЭ (1867 г.), Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете — ОАИЭ (1878 г.). Этнографией стали заниматься в государственных ведомствах, земских и церковно-миссионерских учреждениях, губернских статистических комитетах и архивно-краеведческих комиссиях. К сбору этнографических материалов общества и ведомства привлекали широкие круги ученых и краеведов, которые присылали рукописи, выступали с докладами и сообщениями на заседаниях и съездах. Рукописи и доклады на этнографическую тематику публиковались на страницах изданий обществ и ведомств: "Этнографический сборник РГО", "Записки РГО по отделению этнографии", "Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ", "Известия ОАИЭ", "Журнал Министерства народного просвещения", "Журнал Министерства государственных имуществ" и др. Этнографические статьи печатались в центральных и губернских периодических изданиях. Свидетельством общественного интереса к этнографии явилось создание этнографических музеев и отделов культуры и быта местных краеведческих музеев в городах России. Зачастую основой подобных музеев и отделов служили этнографические, научно-промышленные и кустарные выставки, среди экспонатов которых представлялись костюмы народов России на манекенах, орудия труда, предметы народного быта и искусства. Так, экспонаты первой Всероссийской этнографической выставки 1867 года в Москве, организованной ОЛЕАЭ, были переданы в Румянцевский публичный музей и положили начало этнографическому музею (1884 г.). Бывший музей "Кунсткамера", основанный при Петре I в Петербурге, был преоб-

разован в Музей антропологии и этнографии (1878 г.), в котором стали экспонироваться предметы быта из богатых коллекций русских ученых и путешественников, собранные в России и за рубежом. Этнографический отдел был организован и в составе Русского музея в Петербурге — хранилища произведений изобразительного искусства (1895 г.). Показателем возросшего авторитета этнографической науки и повышения общественного интереса к ней стало учреждение специальных журналов "Этнографическое обозрение" (1889 г.) и "Живая старина" (1890 г.).

Русские ученые обогатили этнографическую науку целым рядом крупных теоретических исследований, рассматривающих сравнительно-историческое развитие отдельных культурно-бытовых форм и явлений (земледельческие орудия, отдельные виды занятий и промыслов, одежда и головные уборы, религиозные культы, обычно-правовые нормы, семейные обычаи и обряды, отдельные элементы народного искусства и др.). Ими опубликовано множество монографических исследований, характеризующих как быт и культуру отдельных народов России в целом, так и конкретные формы их материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта. Заметный вклад отечественные этнографы внесли и в изучение некоторых народов Азии, Африки и Океании.

В послеоктябрьский период советская этнографическая наука, опираясь на лучшие традиции и опыт предшествующей отечественной и зарубежной этнографии, значительно расширила и углубила исследования различных проблем культуры и быта народов многонациональной страны. Ее отличительной чертой является тесная связь с решением практических политических и социально-экономических задач. Советские этнографы принимали активное участие в осуществлении мероприятий национальной политики, культурно-бытовых преобразований. Они привлекались к изучению национального состава регионов, к решению вопросов национально-территориального размежевания при образовании союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов, к разработке документов и проведению Всесоюзных переписей населения, к строительству национальных культур в республиках.

В 20—30-е годы этнографами разрабатывались такие теоретические проблемы этнографии, как история первобытного общества, история различных отраслей хозяйства, общественных и семейных отношений, религии и народного искусства. В связи с изучением культурно-бытовых преобразований направлялись экспедиции в различные регионы страны, проводились исследования традиционных культур народов СССР. Одновременно экспедиции способствовали выявлению местных кадров краеведов-этнографов и приобщению их к практике полевой и исследовательской работы. Впервые были проведены совместно с американскими этнографами сравнительные исследования культуры по установлению древних связей коренных народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки,

проживающих по обе стороны Берингова пролива (чукчи, коряки, эскимосы и др.).

Основные кадры этнографов в 20—30-е годы были сосредоточены в научных учреждениях и вузах Москвы (МГУ, Музей народоведения) и Ленинграда (ЛГУ, Музей антропологии и этнографии). На базе последнего был создан в 1933 году Институт этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук). Подготовка этнографических кадров вначале осуществлялась в Московском, Ленинградском и Казанском университетах, позднее в университетах Сибири, Украины, Грузии. Основным хранилищем отечественных этнографических коллекций в стране стал Музей этнографии народов СССР в г. Ленинграде (ныне Российской этнографический музей), созданный на основе этнографического отдела Русского музея и Московского музея народоведения. В Ленинграде (Санкт-Петербурге) функционирует также Музей антропологии и этнографии, основной фонд коллекций которого составляют предметы быта зарубежных народов.

С 1943 года ведущим этнографическим учреждением становится Институт этнографии АН СССР в Москве, в Ленинграде остается его отделение. С учреждением после войны республиканских Академий наук отделы этнографии создаются в составе научно-исследовательских институтов союзных и автономных республик. Квалифицированные кадры этнографов готовились в основном в аспирантуре Института этнографии, а также некоторых университетов и республиканских академий.

В послевоенные годы исследования этнографов приобретают комплексный характер. Этнография при разработке проблем все в большей степени кооперируется со смежными науками (археология, антропология, история, языкознание, фольклористика), в то же время создавая новые междисциплинарные направления (этносоциология, этнодемография, этнопедагогика, этномедицина и другие). В сотрудничестве с научными учреждениями и вузами союзных и автономных республик проводятся исследования регионального и локального (местного) масштаба по различным проблемам этнографии. В послевоенные десятилетия осуществлены крупные комплексные экспедиции с участием специалистов различных наук центральных и местных научных учреждений, как, например, Среднерусская, Хорезмская, Мордовская, Северокавказская, Поволжско-Уральская, Северная, Сибирская, Дальневосточная и др. Основной проблематикой отечественных исследований является история первобытности, происхождение (этногенез) и этническая история народов страны, классификация народов мира, формирование и развитие хозяйственно-культурных типов (северных морских охотников, тундровых оленеводов, таежных охотников, рыболовов и собирателей, степных кочевников-скотоводов, пашенных земледельцев и других), историко-этнографических областей, межэтнических взаимосвязей, изучение типов этноса на различных стадиях этнического

развития (племя — народность — нация), этнических процессов (изменения в языке, самосознании, быту и культуре) в прошлом и в современную эпоху и другое.

Результаты исследований отечественных этнографов сообщаются на различных научных конференциях и симпозиумах, публикуются в периодических, монографических и серийных изданиях. В 40—70-е годы в различных республиках СССР проведены с участием специалистов других наук научные конференции по происхождению народов. Институтом этнографии систематически проводятся научные сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований с участием этнографов из всех регионов и республик, симпозиумы и конференции по конкретным проблемам этнографии. Этнографы принимают активное участие во Всесоюзных (Всероссийских) и региональных конференциях славистов, тюркологов, финно-угроведов, историков-аграрников, при которых созданы секции этнографии. С 50-х годов наши этнографы активно сотрудничают с зарубежными. С 1956 года они являются непременными участниками Международных конгрессов антропологических и этнографических наук, собирающихся через 4—5 лет в разных странах, причем VIII конгресс происходил в 1964 году в Москве. Без участия отечественных этнографов не обходятся Международные конгрессы славистов, востоковедов, финно-угроведов, местом работы которых неоднократно была наша страна. Отечественные этнографы участвовали в совместных с зарубежными коллегами экспедициях в странах Северной и Латинской Америки, Передней и Восточной Азии, Океании, опубликовали ряд совместных изданий.

В качестве общесоюзного журнала с 1926 года выходит "Этнография" (с 1931 г. — "Советская этнография"), ныне он издается под названием "Этнографическое обозрение". Систематическими изданиями являются "Труды Института этнографии", "Очерки истории этнографии, антропологии и фольклористики", сборник "Расы и народы" и другие. Помимо многочисленных монографий и сборников, посвященных традиционной и современной этнографии отдельных народов-этносов и конкретным формам и явлениям быта и культуры, Институтом этнографии подготовлены и опубликованы крупнейшие многотомные серийные издания: "Очерки общей этнографии" (50—60-е гг.), "Народы мира. Историко-этнографические очерки" (50—70-е гг.), "Страны и народы" (70—80-е гг.), причем последнее удостоено Государственной премии СССР. Ныне Институт этнологии и антропологии с участием местных этнографов приступил к публикации нового серийного многотомного издания "Народы и культуры", обобщающего новейшие результаты полевых, архивных, музейных, этностатистических и других исследований.

Этнографическое изучение марийцев. Этнография, изучающая народы, их быт и культуру, как и другие науки, использует комплекс различных источников: письменных, вещевых и устных. Поскольку значительный период истории марийцев был бесписьменным, он получил отражение лишь в письменных памятниках других народов, которые зафиксированы в летописях, хрониках, отложившись в архивах, публиковались в различных изданиях. Разнообразно представлены вещевые источники — археологические и антропологические материалы, музейные коллекции в виде подлинных предметов, чертежей, рисунков, фотографий. К устным источникам относятся мифы, легенды, предания и другие жанры фольклора, сохранившиеся в памяти народа и передававшиеся из поколения в поколение. Особую роль источника в этнографии играют полевые материалы — разнообразные сведения, собранные и зафиксированные непосредственно в среде самого народа путем наблюдений, опросов, анкетирования, зарисовок, фото- и киносъемок во время экспедиций.

Впервые марийцы под названием "цармис" и "черемисы" упоминаются в русских и других летописях и хрониках, в памятниках древнерусской литературы X—XV веков. Первые отрывочные сведения об их расселении, занятиях и обычаях встречаются в летописной "Казанской истории" (середина XVI в.), в записках немецких дипломатов: С. Герберштейна — о пребывании в Московском государстве (в 1517 и 1526 гг.), А. Олеария — о путешествии по Волге из Москвы в Персию (Иран) и обратно (1634—1636 гг.). Последний встречался и беседовал с марийцами через переводчика об их верованиях и обрядах.

Первые представляющие научную ценность сведения о хозяйстве, культуре и быте марийцев содержатся в трудах участников академических экспедиций XVIII века: Г. Ф. Миллера, Н. П. Рычкова, П. С. Палласа, И. Г. Георги и других, причем в книгах первого и последнего имеются графические рисунки женщин-мариек в разнообразных костюмах. Хотя этнографическая информация в этих работах не полна, порой недостаточно точна и ошибочна, тем не менее она является важным письменным источником, в котором запечатлены глазами очевидцев отдельные черты быта марийцев. Из работ по этнографии марийцев первой половины XIX века заслуживают внимания книги пермского чиновника Н. С. Попова (1804 г.), казанской писательницы А. А. Фукс, супруги профессора университета К. Ф. Фукса (1840 г.). Наряду с другими народами, они касаются и этнографии марийцев. Так, Александра Фукс, дочь казанского помещика Апехтина, объезжая родовые имения в Царевококшайском и Чебоксарском уездах, по поручению мужа собрала этнографические сведения о чувашах и марийцах, издала книгу "Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии", состоящую из писем-ответов мужу и дневниковых записей. Она содержит описание праздников, свадебных и похоронно-поминальных обрядов,

жилищ, костюма и пищи луговых и горных марийцев — все то, что видела автор во время пребывания в деревнях Кужеры, Липша, Кожважи. В последнем случае она специально выезжала в Козьмодемьянский уезд. В этот период статьи по этнографии марийцев начали печататься в губернской прессе, в газетах "Вятские (Казанские, Пермские, Оренбургские) губернские ведомости".

Широкий размах этнографическое изучение марийцев, связанное с деятельностью научных обществ, различных ведомственных и местных учреждений, приобрело с середины XIX века. Резко выросло количество научных и популярных публикаций о марийцах в изданиях научных обществ и государственных ведомств, в центральной и местной периодике, в церковно-миссионерских изданиях. Наряду с количественным ростом произошли качественные сдвиги, выразившиеся в подъеме общего уровня исследований, в широком участии в них ученых, краеведов, квалифицированных чиновников, в использовании более разнообразного круга источников и данных смежных наук.

Этнографические работы середины XIX — начала XX веков о марийцах имели разную тематическую направленность, степень охвата территории, круг рассматриваемых вопросов, не говоря уж об уровне теоретической и методической подготовки авторов. Одни работы посвящались более или менее полной характеристике какой-либо этнографической или территориальной (локальной) группы марийцев, другие — освещению одной из форм или явлений быта и культуры. Из последних явно преобладали посвященные обрядовым сторонам быта, как наиболее экзотичным: религиозным верованиям, праздникам, семейным обычаям и обрядам. Из форм материальной культуры наибольшее внимание привлекал костюм. По этнографии горных марийцев наиболее ценную информацию содержат труды С. Михайлова, И. Износкова, И. Яблонского, К. Рябинского, луговых — В. Шестакова, А. Мартынова, С. Кузнецова, Н. Троицкой, восточных — Г. Городского, М. Лоссиевского, Д. Никольского, В. Филоненко.

Крупными обобщающими исследованиями по этнографии марийцев были монографии военного чиновника П. Риттиха "Материалы для этнографии России. Казанская губерния" (1870 г.) и профессора Казанского университета И. Н. Смирнова "Черемисы. Историко-этнографический очерк" (1889 г.). В книге П. Риттиха, посвященной этнографии народов Казанской губернии, содержащей и очерк "Черемисы", представлена сравнительная характеристика культуры и быта горных и луговых марийцев. Монография профессора И. Смирнова, уроженца марийского края, является самым значительным в дореволюционной этнографии исследованием происхождения и этнической истории марийцев, их материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта. Она представляет собой своеобразный итог научного осмысления результатов этнографического изучения марийского народа, достигнутых к концу XIX

века. Впервые автором был использован комплекс источников (ле-тописных, архивных, археологических, полевых, статистических, музейных) и литературы (отечественной и зарубежной), составлен библиографический перечень предшествующей этнографической литературы о марийцах и дана соответствующая оценка.

В этот период в этнографическое изучение своего народа включились и марийские просветители-краеведы: С. Нурминский, И. Моляров, П. Ерусланов, П. Глезденев (Мендиаров), Г. Яковлев, Т. Семенов, В. Васильев и другие. Сотрудничая с редакциями центральных и местных научных ведомственных и периодических изданий, они опубликовали на их страницах ряд этнографических очерков и статей о марийцах, основанных на глубоком знании жизни и быта народа из личных наблюдений и опыта. Их труды печатались в журналах "Этнографическое обозрение" и "Живая старина", в "Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете", "Записках Оренбургского отдела Русского географического общества", миссионерских журналах "Православный собеседник", "Инородческое обозрение", в губернской периодике. Многие их работы получили положительную оценку И. Н. Смирнова, М. Харузина, а С. Нурминский, П. Ерусланов, П. Глезденев, В. Васильев были приняты в члены научных обществ.

Определенный вклад в этнографическое изучение марийцев внесли зарубежные ученые, непосредственно наблюдавшие их быт, например, А. Гакстгаузен из Германии и С. Соммье из Италии. С образованием Финно-угорского общества в Финляндии (1883 г.) активно включились в изучение языка, фольклора и этнографии финно-угров России финские ученые, систематически направлявшие различные экспедиции в места их расселения. Из работ финских этнографов, обследовавших культуру и быт марийцев, выделяются монографии А. Хейкеля о марийской вышивке, о жилищах и постройках финно-угров, Ю. Вихман о марийском костюме, У. Харва (Хольмберга) о языческих верованиях марийцев, серия очерков А. Хямялайнена о семейных обрядах и обычаях финно-угров Поволжья, о занятиях марийцев (земледелие, пчеловодство).

Учеными и краеведами-собирающими в дореволюционный период было положено начало созданию вещевых, изобразительных и фотоколлекций в фондах различных центральных и местных музеев. Наиболее представительными являлись марийские коллекции в фондах отдела этнографии Русского музея в Петербурге, Музея отечествоведения Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Национального музея Финляндии в Хельсинки. Финские ученые во время экспедиций собирали вещевые коллекции, приобщали к сбору этнографических и других материалов местных любителей и знатоков быта. Среди них выделялся марийский учитель Т. Евсеев (Евсеев), который систематически снабжал Финно-угорское общество и музей фольклорно-этнографическими рукописями, рисунками, фо-

тоснимками и предметами марийского быта, получил опыт этнографической практики.

Этнографическое изучение марийцев получило дальнейшее развитие в послеоктябрьский период, после образования автономии марийского народа. Центрами научной работы в 20-х годах было Марийское общество краеведения и областной музей, с 1930 года — Марийский научно-исследовательский институт (МарНИИ). Этнографическим изучением марийцев занимались сотрудники Общества краеведения В. М. Васильев, Т. Е. Евсеев (приобщившиеся к этому делу до революции), Ф. Е. Егоров, М. Н. Янтемир и другие. Ими были разработаны вопросники и инструкции по сбору материалов и экспонатов для музея, проводились этнографические экспедиции на территории республики и за ее пределами, публиковались этнографические статьи и очерки в журнале Общества краеведения "Марий эл" и других периодических изданиях. Среди них выделяются монографии В. М. Васильева о верованиях и обрядах марийцев, о марийской секте "Кугу сорта" ("Большая свеча"), этнографический очерк о марийцах в книге М. Н. Янтемира "Марийская автономная область", серия статей о различных сторонах быта марийцев Т. Е. Евсеева и Ф. Е. Егорова. Т. Е. Евсееву принадлежит заслуга в расширении экспозиций и фондов музея с приходом его туда в качестве заведующего, в создании этнографического отдела и собирании многочисленных коллекций. В 30-е годы этнографическая тематика в МарНИИ была ориентирована на изучение культурно-бытовых преобразований (преодоление религиозных пережитков, неравенства женщин в семье). Старые кадры этнографов оказались под прессом критики из-за "увлечения патриархальщиной и идеализации старины", были отстранены от научной работы. Позднее одни из них отошли от этнографии, другие были репрессированы. В МарНИИ начали работать этнографы — выпускники МГУ Я. Я. Ялкаев и П. И. Лашманов. Первый, изучавший историю этнографического изучения марийцев, опубликовал статью в журнале "Советская этнография", издал 2 библиографических справочника литературы о марийцах (на русском и марийском языках), но в 1937 году был репрессирован. П. И. Лашманов провел несколько экспедиций по изучению верований, но с началом Отечественной войны был мобилизован и погиб на фронте.

В послевоенный период в общем русле развития советской этнографической науки оживились этнографические исследования и в Марийской АССР. Вначале они велись силами привлеченных специалистов из Ленинграда и Москвы — Т. А. Крюковой (Музей этнографии) и К. И. Козловой (МГУ), затем, с середины 60-х годов, местными этнографами.

Т. А. Крюкова и К. И. Козлова внесли большой вклад в изучение традиционно-бытовой культуры марийцев. В своих работах они показали особенности быта и культуры различных этнографических и локальных групп, дали характеристику отдельных форм и

явлений, в частности хозяйства и материальной культуры (Т. А. Крюкова), семейного быта (К. И. Козлова). В последующих работах они рассматривали вопросы происхождения и этнической истории марийцев, их этнокультурных связей с соседними народами. Т. А. Крюковой опубликованы монографии "Материальная культура марийцев XIX века" (1956 г.) и "Марийская вышивка" (1951 г.), К. И. Козловой — "Очерки этнической истории марийского народа" (1978 г.).

С появлением местных кадров в МарНИИ постепенно расширялась тематика этнографических исследований. Одной из первых тем было углубленное исследование этнографических групп, в частности, наименее изученных восточных марийцев, с привлечением комплекса источников и литературы. Результатом исследования вопросов формирования восточномарийской этногруппы, взаимосвязей с соседними этносами, детальной характеристики традиционных занятий и материальной культуры, выделения исконных и заимствованных форм и элементов явилась монография Г. А. Сепеева "Восточные марийцы" (1975 г.).

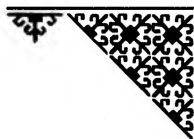
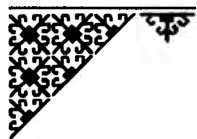
С образованием в МарНИИ сектора археологии и этнографии в 1969 году и с ростом этнографических кадров, наряду с изучением традиционно-бытовой культуры, с конца 60 — начала 70-х годов стало возможным исследование современного быта и культуры марийцев. Оно проводилось с применением анкетно-статистических методов на материале поселений, жилищ и семьи. В 70—80-е годы было обращено внимание на слабо разработанные вопросы этнографии марийцев — традиционного хозяйства (И. А. Андреев), отдельных форм материальной культуры (Г. А. Сепеев, Т. Л. Молотова), язычества и православия в верованиях марийцев (Н. С. Попов), структуры, функций и быта общины (В. Д. Шаров), семейной обрядности (И. Н. Смирнов), народной медицины (В. Н. Петров). С ростом количества и расширением маршрутов экспедиций заметно пополнены полевые материалы в фондах МарНИИ. Были предприняты выявление новых источников, анализ предшествующей этнографической литературы. Результаты этнографических исследований докладывались на различных научных конференциях (институтских, вузовских, республиканских, региональных, всесоюзных и международных), публиковались в их материалах. Марийские этнографы — неперенные участники крупных научных конференций, происходивших в г. Йошкар-Оле: научной сессии по вопросам происхождения марийского народа (1965 г.), XIII Всесоюзной конференции финно-угроведов (1969 г.), Всесоюзной научной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований в СССР 1984—1985 годов (1986 г.), I Всероссийской конференции финно-угроведов (1994 г.), I и V региональных конференций историков-аграрников Среднего Поволжья (1976 и 1988 гг.). Систематическая публикация их работ осуществляется в тематических сборниках серийного издания "Археология и этнография Марийского края",

выходящего с 1976 года. В более чем 20 выпусках серии опубликовано около 80 работ на этнографическую и близкую к ней тематику, в том числе и иногородних авторов. В последние годы изданы монографии этнографов: "Языческие верования марийцев" (1985 г., на мар. яз.) и "Православие в Марийском крае" (1987 г.) Н. С. Попова, "Марийский народный костюм" Т. Л. Молотовой (1992 г.), "Марийское народное целительство" В. Н. Петрова (1993 г., на мар. яз.).

Марийские этнографы привлекаются к совместным исследованиям с Институтом этнологии и антропологии, к участию в коллективных изданиях. Так, в середине 80-х годов проведено совместное с московскими этнографами статистико-этнографическое исследование по теме "Современные этнические процессы в Марийской АССР" с массовым анкетированием сельского и городского населения и последующей обработкой материалов на ЭВМ. Очерки и статьи марийских этнографов включены в коллективные монографии "Народы Поволжья и Приуралья" (М., 1985), "Народы мира. Историко-этнографический справочник" (М., 1989), "Семейный быт народов СССР" (М., 1990), "Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье" (Чебоксары, 1991), "Социальная организация и семья у финно-угорских народов" (Сыктывкар, 1992). Подготавливаются материалы к предпринимаемому Институтом этнологии и антропологии многотомному изданию "Народы и культуры".

Ныне марийские этнографы занимаются исследованиями вопросов расселения марийцев (Г. А. Сепеев), этнопсихологии (Т. Л. Молотова), декоративно-прикладного искусства (Г. И. Соловьева), календарно-праздничной обрядности (О. А. Калинина), верований (Н. С. Попов).

В последние годы оживились научные связи финских ученых с Республикой Марий Эл. Этнографическим изучением марийцев занимается сотрудница Национального музея Финляндии И. Лехтинен, неоднократно совершавшая экспедиции к марийцам. Ею издан сборник материалов Т. Е. Евсеева по ткачеству и костюму марийцев, хранящихся в фондах научных учреждений Финляндии (1985 г.), и монография "Марийские украшения" (1994 г.). Летом 1994 года в Йошкар-Оле проведен марийско-финский семинар-совещание по банной культуре марийцев. Происходит взаимный обмен научной литературой. Марийские этнографы участвовали в Международных конгрессах финно-угроведов в Турку (Финляндия) в 1980 году, Сыктывкаре (Республика Коми) в 1985, Дебрецене (Венгрия) в 1990 и Юваскюля (Финляндия) в 1995 году.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Этнонимия

Марийцы — потомки древнего местного населения Среднего Поволжья. Самоназвание народа, употребляемое его большинством, выражается этнонимом "*мари*". Меньшая часть народа употребляет этноним "*мары*". Носители последнего находятся на крайнем западе этнической территории марийцев (Правобережье Волги и Поветлужье). Первый этноним используется на остальной, большей части этнической территории марийцев, включая основной массив в Левобережье Волги, а также Прикамье и Приуралье с отдельными небольшими локальными массивами марийского населения. Из родственных финно-угорских народов экзоэтноним по отношению к марийцам сохранился лишь у удмуртов, с которыми этническое соседство не прерывалось. Они называют марийцев этнонимом "пор". Другие ближайшие соседи марийцев по отношению к ним употребляют этнонимы "чирмеш" (татары), "сярмыс" (чуваши), "черемисы" (русские). Этноним "черемисы" в дореволюционный период употреблялся в официальных документах и научной литературе. Предполагается тюркское происхождение этого этнонима. Впервые он упоминается в одном из хазарских документов в X веке, где марийцы названы "ц-р-мис". В русских летописях этноним "черемисы" появляется в XI веке.

Расселение

В настоящее время насчитывается 671 тысяча марийцев (данные Всесоюзной переписи населения 1989 г.), которые преимущественно расселены на территории Волго-Уральской историко-этнографической области. Наиболее компактно в этих пределах они проживают в двух ареалах: 1) Ветлужско-Вятское междуречье (Марий Эл и прилегающие районы Кировской и Горьковской областей), где насчитывается около 60 процентов всех марийцев. Эта территория

является для марийцев исконной, здесь происходило формирование марийского этноса в I тысячелетии н.э. 2) По рекам Белой и Уфе и в их междуречье (северо-запад Башкирии и юго-запад Свердловской области) — около 20 процентов всего марийского населения.

Чересполосно, небольшими группами, встречаются марийские селения в Татарии и Удмуртии, Пермской и Челябинской областях. Расселение марийцев здесь происходило значительно позднее, в эпоху позднего средневековья, в основном после присоединения Поволжья к Русскому государству, в течение XVI—XVIII веков. На территории этих республик и областей, где марийцы проживают рассеяно, их насчитывается до 5—6 процентов общей численности. В Чувашии и Куйбышевской области марийцы проживают в смешанных поселениях с представителями других народов, собственно марийских селений там нет. В XX веке, особенно после Великой Отечественной войны, увеличилась доля марийцев, проживающих за пределами традиционных ареалов расселения, т.е. вне Волго-Уральской ИЭО. Ныне за Уралом, в Казахстане и Средней Азии, на юге Европейской части России, на Украине и других местах проживает более 15 процентов общего количества марийцев.

В пределах традиционного расселения марийцы соседствуют с русскими, татарами, чувашами, удмуртами (на Средней Волге), а также с башкирами и мордвой (в Прикамье и Приуралье). Таким образом, около 3/4 марийского населения проживает на территории Волго-Уральской историко-этнографической области. Здесь у марийцев установились стабильные этнокультурные связи с определенными этносами, а именно финно-угорского, тюркского и славянского происхождения, в тесном контакте с которыми на фоне экологических (природно-географических) факторов сложился определенный комплекс материальной и духовной культуры. В этом комплексе сочетаются исконные формы и элементы, унаследованные от финно-угорских предков, с приобретенными, заимствованными в ходе многовекового этнокультурного сотрудничества с тюркскими, славянскими и другими соседями.

Этнографические группы

Марийцы подразделяются на три этнографические группы: луговых, горных и восточных мари. Горные марийцы проживают в основном в правобережье Волги и в Поветлужье, составляя около 13—15 процентов общей численности марийцев. Луговые расселены на остальной части Ветлужско-Вятского междуречья и насчитывают около 50—55 процентов общей численности. Эти две группы проживают в пределах коренной этнической территории, т.е. там, где они первоначально сформировались как этнос. Восточные марийцы расселены к востоку от реки Вятки — в Прикамье и Приуралье и являются переселенцами на эту территорию. Они составляют около 25—27 процентов общей численности марийцев.

Территория

Марийцы в прошлом по административно-территориальному делению проживали на территории 6 губерний (Вятской, Казанской, Нижегородской, Костромской, Пермской и Уфимской). Основная их масса находилась в Уржумском, Яранском, Малмыжском, Елабужском и Сарапульском уездах Вятской губернии, Царевококшайском, Козьмодемьянском, Чебоксарском и Казанском уездах Казанской губернии, Васильском и Воскресенском уездах Нижегородской губернии, Ветлужском уезде Костромской губернии, Красноуфимском уезде Пермской губернии, Бирском, Белебеевском, Мензелинском и Уфимском уездах Уфимской губернии.

Государственность марийскому народу была предоставлена декретом от 4 ноября 1920 года, согласно которому была образована Марийская автономная область. Территория области была составлена из уездов и волостей с марийским населением трех губерний — Казанской, Вятской и Нижегородской. Административным центром области был утвержден город Краснококшайск (бывший Царевококшайск, с 1927 г. — Йошкар-Ола). Границы области окончательно были определены к 1926 году. 60 процентов территории области представляли земли, отошедшие от бывших Казанской, 30 — Вятской и 10 — Нижегородской губерний.

В 20-е годы Марийская АО административно была поделена вначале на кантоны и волости (было образовано 3 кантона); позднее, с середины 20-х годов, — на кантоны, районы и сельсоветы (кантонов стало 8). В начале 30-х годов окончательно утвердилось административно-территориальное деление на районы и сельсоветы.

В 1929 — 1936 годах Марийская автономная область входила в состав Нижегородского (Горьковского) края. С принятием Конституции СССР в декабре 1936 года Марийская АО была выведена из состава Горьковского края и преобразована в Марийскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Количество районов в республике неоднократно изменялось: минимально было 8 районов в начале 30-х и в 1963 — 1964 годах, максимально — 22 района в 1946 — 1956 годах. С начала 70-х годов в республике насчитывается 14 районов.

В октябре 1990 года республика стала суверенной в составе Российской Федерации. С 1992 года ее официальным названием является Республика Марий Эл. Ныне в республике 4 города (Йошкар-Ола, Волжск, Козьмодемьянск, Звенигово) и 19 поселков городского типа.

Территория республики расположена на обоих берегах Волги, причем большая ее часть находится в левобережье. По рельефу выделяются три массива: в правобережье — юго-западное возвышенное плато, в левобережье на западе — Марийская низменность, на востоке — северо-восточная возвышенность.

Значительную часть возвышенности занимает Вятский вал и его склоны. Самая высокая часть Вятского вала достигает 260—275 м над уровнем моря. Здесь находится водораздел рек, текущих к Вятке и

Волге. Северная часть возвышенности в наибольшей степени освоена в сельскохозяйственном отношении и является основной житницей республики. Южная половина занята крупными лесными массивами. Благодаря живописности природы здесь расположено большинство санаторно-курортных учреждений, баз отдыха, туризма и спорта.

Значительная часть Марийской низменности занята реками Волжской системы, озерами и болотами. Этот край дает значительную долю лесного сырья и пищевых даров леса. Здесь созданы природные заказники, базы для рыболовов и охотников.

Юго-западное возвышенное плато на правом берегу Волги является отрогами Приволжской возвышенности. Живописна прибрежная полоса вдоль Суры и Волги, изрезанная глубокими оврагами, покрытая лесами. Пологие южные склоны плато благоприятны и достаточно освоены в сельскохозяйственном отношении. Это основной район садоводства в республике.

Из полезных ископаемых промышленное значение имеют запасы песка, глины, известняка, торфа, применяемых в производственном, жилищном и дорожном строительстве, в качестве удобрений и топлива. На базе минеральных источников и грязей в низовьях реки Илеть создана сеть лечебно-профилактических учреждений, в том числе крупнейший санаторий "Кленовая гора".

Территория республики находится в пределах лесной зоны, на стыке хвойных и смешанных лесов с характерной для нее флорой и фауной. Леса занимают половину площади республики, но размещены неравномерно. Особенно низка лесистость в наиболее распаханых северо-восточных районах. Преобладающие лесные породы: сосна, береза, ель, осина, липа. В последние десятилетия распространяются посадки лиственницы. Лесному хозяйству республики значительный ущерб нанесли лесные пожары 1921 и 1972 годов, массовые вырубki послевоенных лет. Заметные потери лесных и сенокосных угодий произошли в связи с образованием Чебоксарского водохранилища (затопление, подтопление и разрушение поймы Волги и Ветлуги). Ведутся работы по восстановлению лесов на вырубках и гарях, облесению неудобных для хозяйственного освоения угодий. Флора республики богата также ягодными, медоносными, лекарственными растениями и грибами.

В водоемах (реки, озера, пруды) чаще встречаются щука, окунь, лещ, карась, плотва, язь и другие рыбы. В последние годы создан ряд рыбопитомников. В них и колхозно-совхозных прудах разводятся карп и толстолобик. В лесах республики водятся тетерев, глухарь, рябчик, куропатка, перепел. Из перелетных птиц гнездятся утки (кряква и чирки), кулики, цапли, журавли, чайки и другие. Млекопитающих представляют лисица, волк, бурый медведь, куница, выдра, заяц, белка, еж, лось. Разведены виды животных, исчезнувших или ранее не обитавших (бобр, кабан, ондатра, норка восточная). Создан ряд звероферм, проводится работа по охране промысловых животных и птиц.

Природно-географические условия этнической территории марийцев способствовали развитию у них оседлого земледельческо-животноводческого хозяйства в сочетании с традициями собирательства, охоты, рыболовства и пчеловодства, с промыслами лесоразработки и деревообработки.

Этнодемографическая характеристика

Марий Эл — многонациональная республика, в которой проживают представители около 70 народов (правда, более 20 из них насчитывают по одному или несколько человек). К числу издавна расселившихся на территории края многовековых соседей относятся 5 народов — марийцы, русские, татары, чувашаи и удмурты. По переписи 1926 года они составляли 99,9 процента всего населения республики. Ныне при общей численности населения республики по переписи 1989 года в 749,3 тыс. человек марийцев насчитывается 324,3 тысячи (43,3%), русских — 356 (47,5%), татар — 43,9 (5,9%), чувашей — 9 (1,2%), удмуртов — 2,5 тысячи человек (0,3%). Эти пять народов составляют 98,2 процента населения республики.

Хотя они проживают в республике повсеместно, расселение некоторых этнических групп (татар, чувашей и удмуртов) имеет определенную территориальную локализацию (в соответствии с давним сельским расселением). Основная масса проживающих в республике татар (60%) сосредоточена в приграничных районах с Татарстаном: в Параньгинском, Мари-Турекском и Моркинском, где имеется значительное количество татарских поселений, и в г. Волжске. Более четверти татар республики проживает в г. Йошкар-Оле. В Звениговском районе имеется несколько чувашских поселений, в которых проживают 35 процентов чувашей, учтенных в республике. Треть чувашей проживает в городах Йошкар-Оле и Волжске. Поселения с удмуртским населением встречаются в Мари-Турекском районе, на территории которого проживает 72 процента удмуртов республики.

Из других народов, населяющих Республику Марий Эл, более представительны в количественном отношении украинцы (5,3 тысячи человек), мордва (1,7 тыс.) и белорусы (1,4 тыс.). Их приток в республику начался в 30—40 годах в процессе ее индустриализации. Украинцы и белорусы переселялись также в годы Отечественной войны в связи с эвакуацией промышленных предприятий и населения с временно оккупированных Германией территорий. Значительная часть мордвы, украинцев, белорусов и представителей других народов мигрировала в республику в 60—80-е годы, характеризующиеся массовыми передвижениями и подвижностью населения страны. Значительно прибыло и русское население, в основном это переселенцы из соседних областей и республик. В то же время заметно увеличилась и миграция марийцев за пределы республики, в связи с чем снизился их удельный вес в общей числен-

ности населения республики (с 51,4 процента в 1926 г. до 43,3 в 1989 г.). В последние годы происходят миграции беженцев из конфликтных зон. Пестрота национального состава населения республики в послевоенные годы заметно усилилась.

В целом же, по данным переписей населения, численность марийцев в стране непрерывно растет: только за последнее столетие она выросла с 375,2 тысячи человек в 1897 году до 670,9 тысячи в 1989 году (см. табл.).

Годы	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989
Тыс. чел.	375,2	428,2	481,3	504,2	598,6	622,0	670,9

Абсолютное большинство марийцев проживает на территории России — 643,7 тыс. человек по переписи 1989 года, что составляет 96 процентов их общей численности в пределах бывшего СССР. По сравнению с 1979 годом, количество марийцев к 1989 году увеличилось на 7,3 процента.

Более половины марийского населения проживает за пределами своей республики, преимущественно в республиках и областях Волго-Уралья (Башкортостан — 105,8 тысячи человек, Кировская обл. — 44,5, Свердловская обл. — 31,3, Татарстан — 19,4, Удмуртия — 9,5, Нижегородская область — 7,9, Пермская обл. — 6,6 тысячи человек и т.д.). Заметное количество марийцев представлено в Сибири (Тюменская обл. — 9 тысяч, Красноярский край — 7,7 тысяч человек и др.), в Нижнем Поволжье (Волгоградская обл. — 7,8, Саратовская обл. — 5,3 тысячи) и других регионах России. Достаточно много их проживает за пределами России, в республиках бывшего СССР (Казахстан — 12,2, Украина — 7,4, Узбекистан — 3 тысячи человек).

Динамика численности населения республики за последние годы (1989 — 1991) характеризуется небольшим приростом, ежегодный темп которого составляет около 0,6 процента, то есть в среднем 4,2 тысячи человек за год (среднегодовой прирост в 1979—1988 гг. — 0,75%). Однако рост происходил лишь среди городского населения: 2,1 процента в среднем за год в период между переписями 1979 и 1989 годов и 1,1 — в период 1989—1991 годов. В сельской местности происходило снижение прироста — он уменьшался на 1,2 процента в среднем за год в 1979—1988 годах и на 0,4 — в 1989—1991 годах. Причем, если слагаемые прироста горожан представлены положительными показателями и естественного прироста, и притока за счет миграций, то в сельской местности отрицательный показатель сложился исключительно за счет оттока из села — 2,3 тысячи человек в среднем в год за 1989—1991 годы. Естественный прирост за эти годы на селе составлял в среднем 1,2 тысячи человек. Общий прирост марийцев в республике за 1979—1989 годы составил 5,8 процента, что ниже аналогичных показателей общей численности населения республики (6,4%) и ряда других народов — русских

(6,4), татар (7,2), чувашей (11,2), белорусов (12,4), украинцев (20%). Однако следует учесть, что у марийцев он увеличивался преимущественно за счет естественного прироста, а у русских и ряда других народов, помимо последнего, во многом за счет миграции.

Плотность населения республики составляет 32,8 человека на кв. км, что значительно выше, чем в среднем по России (8,7 человека на кв. км). Но она заметно уступает аналогичному показателю в Чувашии (73,9) и Татарстане (54,4), приближаясь к Удмуртии (38,9) и Мордовии (36,8).

Как и в ряде многих автономных образований Российской Федерации, в Республике Марий Эл представители титульной (марийской) национальности преобладают среди сельского населения. В составе сельчан марийцы составляют 70,1 процента, русские — 22,7, татары 4,7, чувашаи 0,9 и т.д. А в общей численности марийского населения республики марийцы-сельчане составляют 63,2, марийцы-горожане — 36,8 процента. Для сравнения отметим, что в 1959 году городское марийское население составляло лишь 7,4 процента из общей численности марийцев республики.

Половозрастная структура марийцев, как и всего населения республики, характеризуется большей долей женщин, в чем сказываются последствия войны и меньшая продолжительность жизни мужского населения. Среди возрастных групп у марийцев, по сравнению с русскими, несколько больше доля лиц младшего возраста (дети и подростки до 16 лет) и меньше лиц старшего возраста (пенсионеры). В целом возрастная структура населения республики по переписи населения 1989 года распределяется следующим образом: лица моложе трудоспособного возраста (до 16 лет) составляют 27,2, трудоспособного — 55,3, пенсионного — 17,5 процента (в городе соответственно — 26,2; 58,2; 15,5; на селе — 28,5; 50,7; 20,8 процента).

Преобладание у марийцев сельского населения сказывается на уровне их образования и социальной структуре. У них ниже доля лиц с высшим и средним образованием, доля лиц, занятых в промышленности, особенно инженерно-технических работников. Основная масса марийцев занята в сельском хозяйстве, строительстве, сфере услуг (связь, торговля, общественное питание, бытовое обслуживание), отраслях, где меньше потребность в высококвалифицированных специалистах. Более представительна доля марийцев, занятых в образовании, культуре и искусстве, здравоохранении, управлении. В последние десятилетия в республике принят ряд мер по решению этих проблем, и количество квалифицированных специалистов из числа марийцев, занятых в различных производственных и непроизводственных сферах, постепенно увеличивается.

Длительное соседство марийцев с русским и другим населением способствовало широкому внедрению русского языка как языка межнационального общения. Так, по данным переписи 1989 года, в целом по стране свободно владеет русским языком 68,8 процента марийцев, а в Республике Марий Эл — 75,3 процента. Увеличива-

ется доля марийцев, считающих родным русский язык. Если в 1979 году марийцы с родным русским языком составляли в республике 6,3, то в 1989 году — 11,6 процента (в России соответственно — 12,1 и 17,8). За пределами республики, исключая Башкортостан, этот показатель еще выше. Так, по данным переписи 1989 года, в Татарстане 14,1 процента марийцев считают родным русский язык, в Удмуртии — 21,1, в Кировской области — 25,2, в Чувашии — 34,5, в Нижегородской области — 35,5, в Волгоградской области — 37,7, в Красноярском крае — 49 процентов.

В то же время, благодаря значительному преобладанию сельского населения, у марийцев, по сравнению с коренными народами соседних республик, более высокий уровень владения родным языком. По данным переписи 1989 года, в целом по России 81,9 процента марийцев считают родным марийский язык, а в Республике Марий Эл — 88,4 процента. Преобладание сельского образа жизни и высокая степень владения родным языком являются важными факторами сохранения многих этнических черт, традиционной культуры и быта, обычаев и обрядов марийского народа.

Происхождение (этногенез) и этническая история

В настоящее время усилиями ученых разных специальностей во многом решены вопросы, связанные с временем формирования марийского этноса (народа), с территорией, на которой происходил этот процесс, и с последующим экономическим, политическим и культурным развитием марийцев. Процесс формирования и развития марийцев можно разделить на несколько этапов, имеющих свои отличительные особенности.

Еще в I тысячелетии до н.э. намечается процесс выделения и консолидации предков отдельных волжско-финских племен. На их основе в I тысячелетии н.э. происходило формирование этносов марийцев, мордвы, мери, мешеры, муромы. Однако итоги этнического развития волжских финнов, их исторические судьбы, оказались различными. Муромы, мешеры и мери постепенно были ассимилированы соседними племенами, остатки их в начале II тысячелетия обрусели. Некоторая же часть, очевидно, вошла в состав родственных мордвы и марийцев. Этническое развитие последних избежало подобной судьбы. Мордва и марийцы сохранили языковую и культурную самобытность, вначале находясь в зоне влияния или в составе различных средневековых государственных образований, а позднее войдя в состав России.

Консолидация предков марийцев и формирование их этноса представляет собой длительный процесс, который проходил с середины I тысячелетия до н.э. до середины I тысячелетия н.э. (V — VII вв.). Этот этап длился более тысячи лет.

По данным археологических исследований, основу формирования марийцев составили два основных компонента, иначе говоря, древние марийцы сложились из двух этнических общностей — племен городецкой и азелинской культур. Городецкие племена были расселены в основном в правобережье Волги (Волго-Окский бассейн), а азелинские — в ее левобережье (Волго-Вятский бассейн, точнее, в правобережье реки Вятки и по рекам Большая и Малая Кокшага). Об этом свидетельствуют также данные языка и антропологии.

Историческая обстановка сложилась так, что городецкие племена на рубеже I тысячелетия до н.э. и I тысячелетия н.э. постепенно переходили Волгу, осваивая ее левобережную территорию по реке Ветлуге, а затем продвигались на восток к реке Вятке, т.е. к бассейну Большой и Малой Кокшаги. Но здесь же появились и азелинцы, которые передвигались во встречном направлении, т.е. с Вятки на запад. Очевидно, в III — V веках н.э. происходило не только взаимопроникновение материальной и духовной культур этих племен, но их смешение, взаимоассимиляция. Об этом свидетельствуют такие археологические памятники, как Мари-Луговской, Уржумкинский и Арзобелякский могильники IV — VI веков в Звениговском районе Республики Марий Эл, Кубашевское городище близ города Санчурска Кировской области, Чертово городище на Ветлуге в Ветлужском районе Нижегородской области. В могилах и материалах городищ одновременно сочетаются городецкие и азелинские вещи (посуда, бытовой инвентарь, украшения). На начальном этапе формирования марийцев заметно участие степных племен, в частности, ираноязычных сарматов. В более ранних марийских могильниках (Мари-Луговской, Уржумкинский) встречаются захоронения, в которых погребальный обряд напоминает сарматский: с покойником укладывали голову и ноги коня.

Таким образом, в начале I тысячелетия н.э. в Поветлужье и прилегающей к нему территории по обоим берегам Волги складывается этническое ядро древних марийцев. Этот процесс в середине I тысячелетия н.э. завершился взаимоассимиляцией городецких и азелинских племен. Наиболее отчетливо и ярко он отразился в материалах Младшего Ахмыловского могильника V — VII веков н.э., что близ устья Ветлуги (хорошо сохранившегося, полностью раскопанного и изученного, ныне затопленного Чебоксарским водохранилищем).

Древние марийцы, сформировавшись в Поветлужье, постепенно продвигались на восток, к реке Вятке. В Ветлужско-Вятском междуречье во второй половине I тысячелетия от древнемарийских племен остались такие памятники археологии, как Шор-Унжинский могильник на реке Илеть в Марий Эл, Концовский могильник близ г. Кирова, Безводнинский (Пимский) клад и городища Ижевское, Бурьгинское, Еманаевское на реке Пижма в Кировской области. В пределах республики к памятникам этого типа могут быть отнесе-

ны городища Юшковское, Старосельское, Ернурское, Больше-Танавское, Сабуяльское, Куш-Бияморское и другие. Если для последних характерна городецкая плоскодонная посуда, то в городищах на Пижме кроме нее встречается и круглодонная азелинская.

Кроме древнемарийских, в Волго-Вятском междуречье имеются городища, известные как "Одо илем" (удмуртское, вотское жилище). Пока нет бесспорных доказательств связи этих городищ с удмуртами, однако можно предположить, что их население по языку относилось к пермским финнам (предкам удмуртов и коми). Это тот пласт, та часть населения, которая вошла в состав марийского этноса как пермский компонент.

В более отдаленных от основной массы марийских памятников VI — VIII веков типа Шор-Унжинского и Концовского могильников, Безводнинского клада с преобладающими азелинскими традициями (особенно в украшениях) встречаются черты, не характерные азелинцам (обряд трупосожжения, некоторый инвентарь), но аналогичные городецко-дьяковским памятникам. Видимо, в VIII — IX веках население этого региона еще этнически не определилось, его нельзя назвать ни марийским, ни удмуртским. Однако тот факт, что в начале II тысячелетия в Волго-Вятском междуречье, по письменным источникам, уже проживали марийцы, дает основание считать, что "этническое сосуществование" (выделение главенствующего этноса) завершилось в пользу населения с преобладающими городецкими традициями.

Можно считать, что марийцы к IX — XI векам сформировались в том виде, в каком их застаёт русский летописец. В этот период марийцы занимали все Ветлужско-Вятское междуречье, о чем свидетельствуют археологические памятники: Сомовские I и II городища в Воротынском районе Нижегородской области (правобережье Волги), Дубовский могильник на Волге, Веселовский и Черемисский могильники на Ветлуге, Юмский могильник и Ижевское городище на Пижме, Кочергинский могильник на Вятке и одно марийское захоронение IX — XI веков у поселения Юртик (левобережье Вятки).

Краткая характеристика могильников IX — XI веков заключается в следующем: погребения располагаются группами, содержат как мужские, так и женские захоронения, совершенные обрядами ингумации (трупоположение) и кремации (трупосожжение). Последний обряд составляет до 26 процентов от общего числа захоронений. Ориентация погребенных головой на север с незначительными отклонениями на запад и восток составляет 91,8, на запад и юго-запад — 8,1 процента.

В этих могильниках встречались захоронения без костяков. В них вещи, в основном украшения, были завернуты в одежду и завязаны ремнем. Иногда они укладывались в берестяной туесок или деревянный бочонок, все это прикрывалось деревянной или металлической чашей, в некоторых случаях железным котлом.

Основными женскими головными украшениями являлись налобные венчики и медные цепочки. Цепочки характерны только для марийцев, у других финно-угорских народов их не было. Височные кольца, как характерные и часто встречающиеся украшения, изготавливались из круглой в сечении серебряной или медной проволоки с одним многогранным и утопленным, отогнутым наружу кондом, а другим чуть заостренным или обрубленным. Наиболее характерна так называемая калачевидная серьга, также редко встречающаяся у других финно-угорских народов. Шейными украшениями являлись гривны и ожерелья. Широко использовались нагрудные украшения в виде шумящих подвесок с основой-щитком различных форм, причем трапециевидная встречалась только у марийцев. Характерными для них являются многогранные серебряные браслеты с несомкнутыми концами и кожаная обувь, украшенная выпуклыми бляшками с очковидными накладками.

Одной из особенностей древнемарийских захоронений является обычай ставить железные и медные котлы и котелки. Глиняная посуда в могилах встречается очень редко.

Хронологически и типологически переходным археологическим памятником является могильник "Нижняя Стрелка" X — XII веков в устье реки Дорогучи в Юринском районе — самый западный из древнемарийских могильников. По погребальному обряду и инвентарю он характеризуется, как и памятники IX — XI веков, ярко выраженной двухкомпонентностью. Захоронения совершены обрядами кремации и ингумации. При кремации кости и вещи на дне ямы чаще всего расположены компактно или кучей, что характерно для волго-окских финнов (мордвы, муромы). В то же время ряд захоронений с кремацией содержит прикамские черты: вещи и пережженные кости бессистемно сброшены при заполнении ямы.

Таким образом, могильник "Нижняя Стрелка" наследовал традиции древнемарийских памятников IX — XI веков и более ранних типа Младшего Ахмыловского могильника (V — VII вв.), в чем отразилось генетическое родство населения, оставившего эти памятники за период с V по XII века. Однако в нем обнаруживаются и черты, характерные для древностей западных соседей марийцев: мордвы, муромы, мери, славян. Подобные явления свидетельствуют о расширении этнокультурных связей марийцев с волжско-финским и славяно-русским населением.

В Волго-Вятском междуречье, где древние марийцы проживали с I тысячелетия н.э., археологами изучены как укрепленные поселения, в археологической науке называемые городищами, так и неукрепленные — селища. Всего известно около 20 поселений.

Наиболее значительный материал дали городища на Ветлуге. Хорошо изучена система их укреплений, топография (местоположение), остатки производства (Ардинское и Пайгузовское городища). Среди материальных остатков преобладает керамика — плоскдонная глиняная посуда ручной лепки сероватого цвета с примесью

крупнозернистого шамота (дробленая керамика) и реже дресвы (крупный речной песок). Кроме обычных глиняных горшков с выпуклым туловом встречаются баночного типа и приземистые чаши. Подобная посуда обнаружена и на городищах середины I тысячелетия н.э. в Чувашии — Ножа-вар, Адобайское, Пичке-Сорче. Для этих же городищ характерны захоронения на площадке. Датируются они IV — VI веками н.э. В последнее время захоронения на площадке городища обнаружены и на Вятке (Аргыжское городище). Это можно объяснить тем, что небольшая часть населения правобережья Волги дошла до Вятки еще до X века н.э.

Марийцы имели общие истоки происхождения с финно-уграми Верхнего и Среднего Поволжья, а также пермскими племенами Приуралья. Поэтому у финно-угров Поволжья и Приуралья можно отметить немало общего в материальной и духовной культуре. Но наряду с этим имеются существенные специфические черты как в процессе формирования этносов этого региона, так и в сложившейся у них культуре. Из поволжских финнов марийцы много общего имеют с мерей, затем мордвой, муромой и мещерой.

Каждый поволжско-финский этнос состоял из нескольких племенных групп, родственных между собой. Мерянский этнос, занимающая большую часть современных Ярославской, Владимирской, Костромской и Ивановской областей, состоял из нескольких племенных групп (владимирской, ростовской, костромской). По характеру археологических памятников и материалов из них ближе к марийцам Поветлужья была костромская группа. Связующим звеном между ветлужскими марийцами и костромскими меря является бассейн реки Унжа в Костромской области. Здесь известны городище, селище и могильник середины I тысячелетия н.э., имеющие общие элементы с археологическими памятниками Поветлужья в материальной (типы украшений, керамика) и в духовной культуре (погребальный обряд).

В правобережье Волги соседями древних марийцев была мордва, основу этноса которой составили городецкие племена. В археологических памятниках мордвы выделяются две отличающиеся между собой группы — эрзя и мокша. В погребальном обряде и инвентаре мордовских и марийских племен имеется значительное количество сходных элементов, связанных и их общей (городецкой) основой и этнокультурными процессами, затрагивавшими как Окско-Сурское междуречье, так и Ветлужско-Волжский бассейн.

Самостоятельную этническую группу на нижней Оке составляла мурома. Археологические памятники муромы хорошо изучены. В них немало общих с марийцами типов украшений в женском костюме. Однако для погребального обряда муромы характерны захоронения покойника с конем и отдельные конские захоронения.

На востоке, в Прикамье, родственными марийцам племенами были так называемые пермские финны. В I тысячелетии н.э. в среде пермских финнов шел такой же этнообразующий процесс, как и среди

волжских. Из пермских племен территориально ближе к марийцам были удмурты, которые делились на северных или чепецких (ватка) и южных (калмез). Формирование северных удмуртов происходило с середины I тысячелетия и до начала X века на основе предшествующих местных племен поломской культуры. Происхождение южных удмуртов менее известно, так как археологически мало исследовано. Но изученный Петропавловский могильник, несколько отличающийся от поволжских памятников, в целом является памятником пермского типа.

К марийцам по своей материальной и духовной культуре ближе северные удмурты (чепецкие племена X — XIV вв.). Это подтверждается также данными языка и топонимики. Предки северных удмуртов (азелинские племена IV — VI веков н.э.) проникали вглубь Ветлужско-Вятского междуречья (вплоть до современного Звениговского района). Эти азелинцы принимали участие в формировании марийцев, а азелинцы, которые остались на Вятке, приняли участие в формировании северных удмуртов.

Интересны в этой связи наблюдения исследователей, установивших наличие значительного количества украшений и других вещей конца VIII — IX веков мерянского, мордовского и марийского происхождения в Верхнем Прикамье. Это свидетельство тесной взаимосвязи племен Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья.

К пермским финнам относятся также родановские племена (предки коми-пермяков) в верховьях Камы, вымские племена (предки коми-зырян) на реке Вычегде в Республике Коми. Как в родановской археологической культуре, так и в вымской имеется значительное количество общих с марийскими древностями черт как в погребальном обряде, так и в отдельных типах вещей.

С рубежа I и II тысячелетий н.э. со стабилизацией этнообразующих процессов усиливается стремление к расширению хозяйственных и культурных связей между сформировавшимися этносами, что нашло отражение в их материальной и духовной культуре.

Итак, можно заключить, что в I тысячелетии н.э. происходил и завершился процесс формирования марийцев как самостоятельного этноса, причем происходил он одновременно и во взаимодействии с формированием этносов как волжских, так и пермских финнов. Одной из важнейших составных частей процесса формирования марийской народности явилось складывание единого марийского языка. По словарному составу, грамматическому строю марийский язык характеризуется как язык, имеющий немало общих черт с языками других волжских и пермских финнов. Сформировались общие черты культуры и быта, характерные для народности. Формирование народности предполагало и известную степень экономической консолидации. Однако, в отличие от этнокультурных связей, экономические связи были в то время еще слабыми.

Постепенно сложилась устойчивая территория расселения марийцев. В XI — XII веках они прочно освоили правый (горный) и левый (луговой) берега Волги.

С этого времени, примерно с X — XI веков, начинается новый этап в этнокультурных процессах Среднего Поволжья и Приуралья, что связано с возникновением раннефеодального государства Волжской Булгарии и активным проникновением с запада и северо-запада славянских племен.

Волжская Булгария оказывала заметное влияние скорее на хозяйственную, политическую и культурную жизнь народов Среднего Поволжья, чем на этническую. В то же время известны факты проникновения в среду булгар марийских вещей, о чем свидетельствуют находки украшений древнемарийского типа в булгарских памятниках, в частности, в Танкеевском могильнике X века (близ г. Булгара, столицы государства). Дальнейшему развитию марийско-булгарских отношений воспрепятствовало монгольское нашествие. С XI века усиливается влияние славяно-русских племен на марийцев. К марийским землям постепенно приближались границы княжеств северо-восточной Руси (Владимирского, Ростово-Суздальского). Под их покровительством в XII — XIII веках возникли русские крестьянские поселения на реках Узоле, Линде, Везломе, Ватоме, где в то время жили марийцы. Продвигаясь на восток, русские основали города, например, Городец Радилов, из которого шла колонизация по реке Унже.

В Марийское Поволжье славяне проникали по Волге, по обоим ее берегам. В 1221 году возникает Нижегородская крепость, и вскоре Нижний Новгород становится крупным экономическим, военно-стратегическим и культурным центром Северо-Восточной Руси, а с XIV века — центром княжества. Русские города возникают и на Вятке: в начале XIII века возведен город Никульчин.

В целом, русские оказали на марийцев значительное влияние как в области материального производства, так и социального развития и культуры, т.е. этот процесс привел к усилению экономического и политического влияния русских княжеств.

Образование Волжской Булгарии на Средней Волге и соседних русских княжеств, население которых постепенно проникало на территорию проживания марийцев, монгольское нашествие на Русь и в том числе на Среднее Поволжье, а затем образование Золотой Орды — все это создало сложную политическую ситуацию. В обстановке многократных военных столкновений русских с волжскими булгарами, а затем длительного противоборства между русскими княжествами и Золотой Ордой, а позднее между Московским (Русским) государством и Казанским ханством марийцы оказались между двумя противоборствующими силами. Этнополитическая и этнокультурная ситуация резко меняется. Часть марийцев оказалась под политическим влиянием русских, часть — в зависимости от Золотой Орды, а после ее распада — в составе Казанского ханства. В это же время постепенно шло развитие, под влиянием раннефеодальных государств, феодальных отношений среди марийцев. Такая обстановка привела к ослаблению связей между горной и луговой

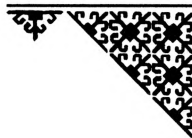
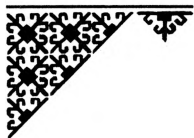
частями края. Этот процесс усилился в XIII — XV веках. Создались условия для деления марийской народности первоначально на две территориальные, а затем этнические группы: на луговых (*олык марий*) и горных (*курык марий*) марийцев. Это нашло отражение и в письменных источниках: "Две бо черемисы бе в Казанской области... едина убо черемиса об сю сторону Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та слывет горная; другая же черемиса об ону сторону Волги живет, и та ся наречет луговая". Но среди марийцев долго бытовало локальное самосознание, выражавшееся в определении марийцев по месту жительства: ветлужские, кокшажские и другие, которые фиксировались иногда в письменных источниках.

Полтора века (XV — первая половина XVI вв.), предшествовавшие присоединению Марийского края к Московскому государству, богаты политическими событиями, происходившими в Среднем Поволжье. В это время усиливается процесс присоединения к Москве северных территорий по рекам Сухоне и Вычегде, населенных коми. Во второй половине XV века присоединяется Вятская земля, в южных районах которой жили марийцы. В 1521 году к Москве присоединяется Рязань. Для укрепления своих позиций в Поволжье Москва в 1523 году основала город Васильсурск на землях, занятых марийцами. Все эти политические и военные события привели к тому, что марийцы, проживающие на Вятке, по Ветлуге и западнее, в первой половине XVI века вошли в состав Русского государства.

Во второй половине XV века образовалось Казанское ханство. В составе его оказались и горные марийцы. На севере граница ханства была неопределенной, но марийские земли левобережья Волги входили в состав Алатской, Арской и Галичской даруг (наместничеств). Таким образом, большая часть Марийского края оказалась в составе Казанского ханства.

Противостояние Казанского ханства и Русского государства на протяжении длительного времени завершилось присоединением Среднего Поволжья, в том числе и марийской земли, к Русскому государству в середине XVI века.

Последующее этническое развитие марийского народа, как и других его поволжских соседей, происходило в составе России, ставшей с этого времени многонациональным государством. Хотя этнокультурные взаимосвязи марийцев и их ближайших соседей и в дальнейшем не прерывались, их хозяйство, язык, быт и культура в своем развитии стали испытывать все возрастающее и определяющее влияние со стороны социально-экономической и духовно-правовой системы государства и традиций русского населения, активно расселяющегося в их среде.

2. ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Историко-этнографическая область и хозяйственно-культурные типы

Территория расселения марийцев входит в Волго-Уральскую историко-этнографическую область. Этот регион издавна входил в зону постоянных этнических взаимосвязей западных и восточных, европеоидных и монголоидных, лесных и степных, оседлых и кочевых, охотничье-рыболовческих и скотоводческо-земледельческих племен и народов. Это обстоятельство имело важное значение в формировании местных хозяйственно-культурных типов, приобретении общих черт в занятиях и промыслах, материальной и духовной культуре народов Волго-Уралья, в том числе и марийцев.

На территории Волго-Уральской ИЭО проживает около 3/4 марийского населения, причем ранее эта доля была еще выше. Здесь у марийцев установились стабильные этнокультурные связи с определенными этносами, а именно — финно-угорского (с древности), тюркского и славянского (с периода раннего средневековья) происхождения. Этнокультурное многовековое сотрудничество способствовало формированию местных хозяйственно-культурных типов, общих черт в комплексах культуры различных народов региона. Наряду с древним хозяйственно-культурным типом таежных охотников, рыболовов и собирателей в эпоху раннего металла получает развитие тип лесостепных скотоводов-кочевников и мотыжных земледельцев. В первом тысячелетии н.э. в Поволжье и Приуралье распространяется хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев, который получает развитие и среди марийцев. В это время в археологических памятниках марийцев найдены предметы, определенно указывающие на наличие пашенного земледелия, а именно: железные сошники, как одна из важнейших и основных частей пахотного орудия, орудия обработки земли; проушные железные топоры, как главное орудие расчистки леса под пашню; железные серпы, как орудие уборки хлебов; остатки семян зерновых культур, каменные жернова и другие предметы. К моменту, когда сведения о быте марийцев стали появляться в первых письменных памятниках, у них сформировались прочные земледель-

ческие традиции. Знали они также металлургию и металлообработку.

Древнейшими занятиями марийцев, характерными для лесной зоны, были унаследованные от предков присваивающие типы хозяйства — охота, рыболовство, собирательство и пчеловодство в форме бортничества. Эти отрасли непосредственно были связаны с природно-географической средой и определяли жизнедеятельность этноса, который практически потреблял и использовал готовую продукцию природы, что имела в существующей экологической системе. По мере освоения территории расселения марийцы все более и более активно стали воздействовать на природу, не довольствуясь лишь готовой ее продукцией. Совершенствование орудий производства, изменение общественных отношений, выразившееся в возникновении классовых отношений, способствовали развитию производящих форм хозяйства — скотоводства и земледелия, становление первичных этапов которых происходило еще у предков марийцев. Хозяйство марийцев уже к концу I — началу II тысячелетия н.э. носило комплексный характер, причем производящие его отрасли постепенно стали играть все более важную роль.

На развитие хозяйства марийцев определенное влияние оказывали и этнокультурные связи с соседями, что конкретно выразилось в особенностях набора культур, хозяйственных орудий и инвентаря, видов домашних животных, приемах и способах ведения хозяйственных работ, отправления хозяйственных обрядов и обычаев и т.д., которые по-разному проявились у разных этнографических групп.

Особенности хозяйственного быта

Вплоть до конца XIX — начала XX веков хозяйство марийцев носило комплексный характер, однако ведущее значение играло земледелие. Значительная подсобная роль отводилась животноводству, а в эпоху капитализма — и различным промысловым занятиям. В соответствии с характером местности, природно-географическими условиями в разной степени сохранялось значение присваивающих отраслей — охоты, рыболовства, пчеловодства и собирательства.

Аналогично соседним лесным территориям для марийцев было характерно сочетание старых систем земледелия — подсечной и переложной с более поздней — трехпольной. Орудием обработки почвы у марийцев издавна являлось орудие сошного типа с одним (*маска кутан*, *марла шога*) или двумя сошниками и перекладной полицей (*рушла шога* — русская соха), приспособленное к лесным почвам. В более южных районах и среди восточных марийцев использовалось орудие плужного типа (*сабан*), сходное с татарским плугом, но несколько упрощенной и облегченной формы. Это орудие более удобно было для обработки залежей и тяжелых лесостепных почв. На севере же этнической территории марийцев уже с

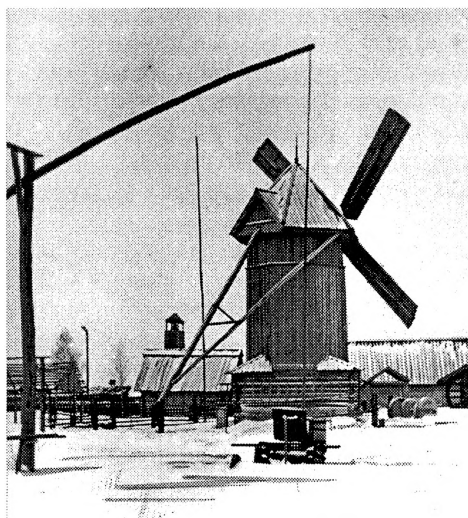
XVIII века получила распространение русская косуля вятского типа, представлявшая собой нечто среднее между сохой и плугом. Марийский аналог этого орудия (*агавуй, косиля*), по свидетельству современников, отличался своеобразными конструктивными особенностями. Бороны (*шйре, тырма*) преобладали с деревянными зубьями. Остов был плетеным и рамным. В эпоху капитализма появились различные типы усовершенствованных сох и косуль (курашимка, чегандинка, лемех и другие), заводские плуги и бороны. Хотя многие виды сельскохозяйственных орудий марийцев сходны с таковыми у соседних народов, исследователи хозяйственного быта подчеркивают оригинальность и своеобразие отдельных конструктивных узлов и деталей марийских орудий и инвентаря.

Сев полевых культур производили вручную, разбрасывая зерно по горсти на каждый шаг из севалки (*йдымкомдо, урлыккомдо*). Уборку осуществляли обычно серпом (*сорла*), иногда использовали косу (*сава*). Способы молотбы снопов были различны, но основным был обмолот цепами (*сапондо, топец*). Кроме того, иногда горные марийцы молотили катком-молотухой (*мбскй йрвй*), восточные гоняли по снопам лошадей. Зерно для осеннего сева нередко обмолачивали хлыстаньем (снопы колосьями хлестали о раму бороны, козлы из жерди). На рубеже XIX — XX веков у некоторых состоятельных домохозяев появились сеялки, жатки и молотилки на конной тяге.

Поскольку основной урожай марийцы обычно обмолачивали глубокой осенью или зимой, то они после уборки складывали снопы в кладухи (*кинде каван*) на особых подмостках для предохранения от мышей. Кладухи располагались возле тока (*идым, ййдым*) и овина (*авун, агун, ан*). Обмолоченное зерно веяли, подбрасывая лопатой на ветру для отделения

зерна от мякины и мусора. С 70—80 годов XIX века в хозяйственном обиходе марийцев стали распространяться веялки, особенно широко в Яранском и Уржумском уездах.

Переработка зерна в муку и крупу производилась в ступе (*шуар*) и на мельнице (*вакиш*). Помимо ручных жерновов (*кидвакиш*) были водяные мельницы (*вйдвакиш*) и ветряные (*мардежвакиш*). Ручные жернова представлены в археологических памятниках марийцев I тысячелетия н.э., водяные мельницы упоминаются в документах XVII века, ветряные — с конца XVIII — начала XIX веков.

Ветряная мельница

Глубоко традиционными полевыми культурами марийцев были из яровых зерновых — овес (*шўльб*), полба (*висте*), ячмень (*шож*), просо (*тар*), из технических — конопля (*кыне*). Озимая рожь (*уржа*, *ыржа*), как и трехпольная система земледелия, получила распространение с расселением в крае русского крестьянского населения, не ранее XVII века. Посевы других полевых культур (пшеница, гречиха, горох и др.) были не повсеместны и незначительны. Но долгое время полевой культурой была репа (ее сеяли обычно на новорасчищенных лесных участках). У основной массы марийцев гречиха, лен, картофель стали культивироваться практически в первой половине XIX века, причем последний долгое время был огородной культурой. Лишь с конца XIX — начала XX веков появились на марийских полях пробные посевы кормовых культур.

Огородничество у марийцев не получило в прошлом широкого распространения, хотя овощи использовались в каждой семье. Круг огородных культур был невелик, в основном высаживались капуста, лук, чеснок, редька, брюква, свекла, морковь. В числе огородных культур следует назвать хмель — важное сырье для изготовления домашнего пива (*пура*, *сыра*) и хмельных напитков из меда (*пўрб*, *шорва*). Марийцы собирали также дикие чеснок и хмель. В южных приволжских уездах хмель в период капитализма превратился в важную статью промысловой деятельности марийцев.

Садоводство как вид хозяйственного занятия до революции было характерно лишь для горных марийцев правобережья Волги. В период капитализма продукция садоводства (в основном яблоки и вишни) стала предметом рыночной торговли.

Животноводство марийцев почти до конца XIX века основывалось на вольном выпасе скота. Они содержали преимущественно, по словам языческой молитвы, 3 вида скота: лошадей (*имне*), крупный рогатый скот (*ушкал*), овец (*шорык*), которые считались угодными в качестве жертвы языческим божествам. По археологическим данным, марийцы содержали прежде и свиней. В период средневековья значительная часть края находилась в составе или в сфере влияния Волжской Булгарии, затем — Золотой Орды и Казанского ханства, где господствующей религией был ислам с его нетерпимостью к свинье как домашнему животному и свинине как пище. Очевидно, марийцы, как ближайшие соседи булгар и казанских татар, под воздействием последних постепенно перестали разводить свиней и отвыкли от свинины. Даже в XIX веке, по данным земской статистики, количество свиней в марийских селениях восточных и южных волостей края было незначительным. Такое же положение было среди восточных марийцев, расселившихся преимущественно среди башкир и татар и в абсолютном большинстве оставшихся язычниками. Свиней содержали преимущественно в марийских деревнях на западе и севере края, где марийцы соседнили с

На сенокосе

русскими и где сильнее было влияние православной религии. Немногие марийские семьи содержали коз, в основном это — бескоровные хозяйства по соседству с мусульманами.

Из домашней птицы каждая семья имела в большом количестве кур (*чыве*), а также гусей (*комбо*) и уток (*лудо*). В редких семьях держали индеек (*кёрка*, *немыччыве*). Только три первых вида птиц использовались при отправлении общественных и семейно-родовых обрядов.

В летний период скот содержался на подножном корму. Его выпускали на вольный выпас в специально огороженных поскотинах до самой осени. Гуси и утки паслись на ближайших водоемах. Каждая домохозяйка различным способом метила скот и птицу, чтобы отличить своих от чужих. Например, овцам привязывали одинаковые цветные ленточки или лоскутки, причем их заговаривали для целей оберега (от хищников, ядовитых трав, болезней и т.п.). Метки каждой домохозяйки отличались цветом, длиной, местом их расположения.

Животноводство удовлетворяло различным хозяйственно-бытовым потребностям семьи (мясо-молочная продукция, яйца, шерсть, пух-перо, кожа, навоз). Лошадь, помимо продуктивного значения, являлась основным и единственным видом рабочего скота, поэтому марийцы ценили ее выше, чем корову. По данным статистики, среди марийцев безлошадных хозяйств было меньше, чем бескоровных.

В стойловый период основными кормами были сено и солома. Лошадей кормили также овсом. Большинство марийских домохозяев обычно давали овес лошадям накануне и во время тяжелых работ (зимой — на лесоразработке, весной — на весновспашке). Сенокосные угодья на территории края были распространены неравномерно. Ими лучше были обеспечены марийцы, проживающие возле крупных рек.

Экологические условия края, основная территория которого находилась в стороне от оживленных транспортных магистралей и крупных промышленных центров, благоприятствовали развитию, длительному сохранению и функционированию таких древних занятий, как охота, рыболовство, пчеловодство и собирательство. В этих отраслях хозяйства в наибольшей степени бытовали архаичные методы и приемы их ведения, использовались старинные орудия и инвентарь.

Еще во второй половине XIX века в глухих лесных районах марийцы практиковали различные методы массовой добычи зверей, птицы и рыбы. Так, охотники-марийцы использовали длинные сети (*ваптыш*) для загонной облавы на зайцев, лис и других мелких зверей, сети-перевесы, натягиваемые поперек просеки около реки или озера для охоты на водоплавающую дичь. Рыбаки устраивали запруды-двор в местах массового скопления рыбы и, закрыв "двор" с обеих сторон, вылавливали ее бреднем, саками и другими подручными снастями. Наряду с огнестрельным оружием, широко распространенным среди марийцев в XIX веке, для охоты на крупных животных использовались ямы (с приманкой или потайные), на средних и мелких зверей и водоплавающую дичь — настороженные капканы, слопцы-плашки (с острием), петли, силки и т.п. На белку, которой ловкие охотники попадали дробинкой в глаз из ружья, кроме того охотились с помощью лука и стрел. Известны особые стрелы с тупыми костяными наконечниками, оглушающие добычу, оригинальные стрелы со свистящими наконечниками, имеющими просверленное наискось отверстие. Продолжительный тихий посвист выпущенной из лука стрелы словно бы заволакивал зверька, который превращался в неподвижную мишень.

Весьма разнообразны были способы охоты на медведя. Его стреляли из засады на лабазе, установленном на дереве, артелью поднимали из берлоги и брали на рогатины или ружья, предварительно натравливая свору собак. Медведь становился добычей охотника, прельстившись на приманку с капканом, прикованным к массивной дубовой колоде, таща которую он оставлял следы и не мог уйти далеко. Наконец, известны различные способы поимки медведя, основанные на его пристрастии к лазанию на бортовые деревья в поисках меда. Взбираясь на дерево, он встречал на известной высоте препятствие в виде подвешенного тяжелого обрубка-колоды, толкая которое, он получал ответные удары, терял равновесие или опору. В результате он падал на острые кольца под деревом или попадал в клетку-ловушку, подвешенную на дереве, становясь добычей охотника.

Марийцы применяли различные общеизвестные способы ловли рыбы с лодки и с берега с помощью сетей (*вапш*), саков (*атма*), удочек (*эньыр*), ставили плетенные из лозы морды (*мурья*, *мурда*), из суровых ниток вентери (*вечыл*). Осенью, когда вода в реке становилась прозрачной и прохладной, а рыба малоподвижной, практиковалось ночное лужение рыбы с лодки с помощью смоляного факела и остроги (*дршака*).

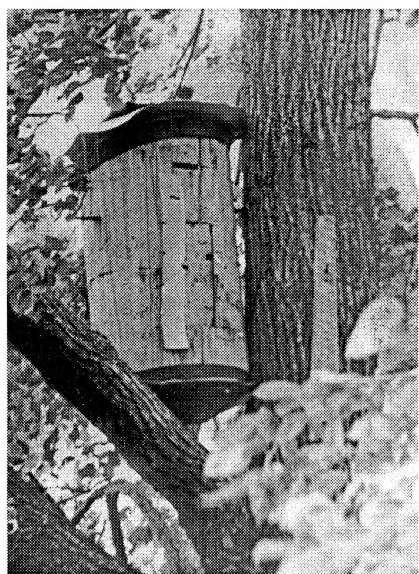
Охота и рыболовство еще в первой половине XIX века привлекали значительное количество марийцев как промысловое занятие, приносящее определенный доход семье, поскольку состояние фауны в то время было еще более или менее удовлетворительным. В пореформенный период, с отчуждением значительных лесных угодий в казну и повышением платы за пользование ими, значение этих занятий понизилось. Заметно сократилось количество профессионалов-промысловиков. К тому же начавшаяся капиталистическая эксплуатация казенных угодий постепенно нарушала экологический баланс, наносила ущерб флоре и фауне края.

Пчеловодство оставалось одним из любимейших занятий марийцев и в период капитализма, особенно развитым в лесных районах. В конце XIX — начале XX веков на территории края марийцы превосходили представителей других народов по удельному весу дворов, занимающихся пчеловодством, средним размерам пасек и количеству ульев. Хотя к этому времени большинство марийских пчеловодов успешно освоило рамное пчеловодство, немало их количество содержало колодные ульи (*кашка омарта*, *пундыш омарта*) на усадьбе или в лесу, а также искусственные и естественные борти (*вопиш*) в лесу. Таким образом, немало марийцев практиковали архаичные формы пчеловодства — колодное и бортное.

Марийцы считали пчеловодство самым чистым и святым занятием. Оно не давалось людям нечестным, нечистоплотным, с дурными наклонностями. Очень бережно марийцы относились к пчелам,

боготворили пчеломатку, убийство пчелы считали большим грехом. Они почитали божество пчел, в честь которого молились в самые ответственные моменты ухода за пчелами и во время медосбора. В языческих молитвах просьба в прибыли пчел (*мўжи перке*) произносится непосредственно после просьбы прибыли хлеба и скота.

Марийцы-пчеловоды знали и применяли различные способы и приемы привлечения пчел в приготовленные искусственные борти и колоды (например, натирали воском внутренние стенки борти или колоды, помещали в них растения-медоносы и др.). Ими использовались способы защиты бортей и колодных ульев от птиц, медведей, от ветра и мороза, от воров-граби-

Колодный улей

телей. Для влезания на бортное дерево мари́йцы применяли бортные веревки (*вош кандыра*), лучшие из которых плелись из кожаных полосок. В комплексе с бортной веревкой использовались доска-сиденье (*легелдыш*), крюк для закрепления бортника около борти для производства определенных действий. У бортников-мари́йцев известны также железные лапы-когти (*маскайол*, т.е. медвежьи лапы; *кёртньыйол*, т.е. железные лапы), с помощью которых бортники влезали на бортное дерево.

Собирательство также не потеряло своего значения в быту мари́йцев. Основными объектами этого занятия были продукты питания в виде даров леса, лугов, болот, а также лекарственные средства, применяемые в народной медицине, красители и другое сырье для промысловых работ. Собирать ягоды, грибы и хмель обычно шли почти всей семьей.

У мари́йцев издавна были распространены разнообразные домашние промыслы, характерные для натурального хозяйства. В основном они были связаны с обработкой дерева, растительного волокна, шерсти, кожи, минерального сырья. В капиталистическую эпоху многие из них приобрели товарное значение. Особенно были развиты лесоразработки (рубка, перевозка и сплав леса), углежжение, смолокурение, кулеткачество, изготовление плетеных изделий (мебели, утвари, посуды, обуви) из прута, лозы, бересты, лыка, а также ткачество, крашение, вышивание, шитье одежды, выделка кожи, изготовление сбруи, производство средств передвижения и транспорта, изготовление деревянной посуды и утвари и другое. Среди локально встречающихся промыслов следует отметить гончарное дело, производство кирпича, изготовление музыкальных инструментов. В нескольких мари́йских деревнях Сернурской и Ирмучашской волостей Уржумского уезда занимались добычей камня и изготовлением жерновов, стоек под фундаменты, надгробных плит.

В древности и средневековье мари́йцы знали разные промыслы по металлообработке. После присоединения Поволжья к Русскому государству в связи с участием мари́йцев и других народов в антиправительственных выступлениях им было запрещено про-

*Корзина для хранения
шерсти, пряжи, ниток*

изводить и торговать оружием и другими металлическими изделиями. Поэтому промысловые традиции металлообработки марийцами были во многом утрачены и сохранились в незначительной степени. Сравнительно заметное развитие получил кузнечно-слесарный промысел, встречавшийся почти в каждой волости. Производство специфических национальных украшений из металла более известно в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии и в Уржумском уезде Вятской губернии.

Промышленность на территории края до революции развивалась слабо. Она была представлена несколькими мелкими полукустарными предприятиями по первичной переработке лесного и сельскохозяйственного сырья: лесопильными, кожевенными, винокуреными. Кроме того имелись стекольный, судоремонтный заводы и полотняная фабрика. В 1913 году доля промышленности составляла 2 процента валовой продукции народного хозяйства края. В фабрично-заводском производстве было занято около 6,5 тысячи рабочих, причем преимущественно из русского населения. Марийцы были заняты в основном в лесной промышленности, точнее — на лесозаготовках и лесосплаве, где работы носили сезонный характер.

В послеоктябрьский период, согласно программе социально-экономического развития национальных окраин, в условиях автономии в корне преобразился хозяйственный облик края.

Наиболее крупные изменения произошли в индустриальном развитии республики: создание различных отраслей промышленности, рост и разнообразие ее продукции, расширение географии промышленных центров, формирование национального рабочего класса. В 20 — 30-е годы реконструированы с увеличением мощностей и вновь созданы предприятия традиционных отраслей (лесной, деревообрабатывающей, легкой, пищевой, стекольной, судоремонтной), положено начало энергетике, стройиндустрии, полиграфии и другим. Помимо Йошкар-Олы и Козьмодемьянска, с их предприятиями пищевой и легкой промышленности, кирпичными заводами, появились новые производственные центры: г. Волжск (деревообрабатывающий и целлюлозно-бумажный комбинат), поселки Юрино (кожтрест и валяльно-войлочный комбинат), Звенигово (судоремонтный завод), Красный стекловар и Мариец (стекольные заводы). Был введен ряд местных электростанций. Машиностроение и металлообработка получили развитие в республике в 40—50-е годы, в основном на базе эвакуированных в период Отечественной войны предприятий из западных регионов, размещенных преимущественно в Йошкар-Оле. Новыми производственными центрами стали поселки Красногорский и Краснооктябрьский.

Наиболее значительный количественный и качественный рост индустрии республики произошел в 60—80-е годы с вводом в строй современных предприятий новых отраслей: электроники и радио-

техники, приборостроения и инструментальной, химической и микробиологической. Выросли мощности энергетики, предприятий стройиндустрии и военно-промышленного комплекса. Новой технологией оснащены старые предприятия. Сеть промышленных предприятий охватила периферию: различные производства размещены в райцентрах, лесных и пристанционных поселках.

Промышленная продукция республики широко известна в стране и за рубежом: торгово-холодильное оборудование, буксиры-толкачи, валочно-пакетирующие машины (лесные комбайны), приборы автоматического контроля, велосипеды, электробритвы, радиооборудование, полупроводниковые приборы, станкоинструменты, техническая бумага, искусственная кожа, витамины, изделия с национальной вышивкой, сувенирная продукция. В последние годы наряду с государственными предприятиями легкой и пищевой промышленности создаются кооперативные и частные, выпускающие товары народного потребления. Налаживаются внешнеэкономические связи, создаются совместные предприятия с зарубежными фирмами.

Однако из-за диктата центра промышленный потенциал республики не был оптимально сбалансирован между отраслями и между предприятиями союзного и местного подчинения, потому значительная часть доходов предприятий миновала республиканский бюджет. Большинство предприятий республики были планово ориентированы на привозное сырье и полуфабрикаты. Ныне в условиях рынка они испытывают большие трудности в их поставке из-за разрыва связей с предприятиями бывших союзных республик, а также в сбыте своей продукции. В энергетике не оправдались надежды на Чебоксарскую ГЭС из-за огромных экологических и материальных потерь от затопления зоны водохранилища. Строительство и ввод энергоблоков новой ТЭЦ в Йошкар-Оле затягивается из-за растущих цен на оборудование и стройматериалы.

Существенные изменения произошли в сельском хозяйстве в результате коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств, механизации ряда видов труда, последующей концентрации и специализации производств.

Большинство сельскохозяйственных предприятий специализированы на сочетании производства зерна и мясо-молочной продукции. В структуре полевых культур, наряду с традиционными рожью, овсом и ячменем, значительно увеличились посевы пшеницы, бобовых и других нетрадиционных культур (кукуруза, рапс, сахарная свекла и другие). В связи с интенсивным развитием животноводства до трети посевных площадей занимают кормовые культуры (травы и корнеплоды).

Помимо животноводческих ферм в 60—80-е годы в колхозах и совхозах введены в строй специализированные животноводческие

комплексы (молочные, овцеводческие, по откорму крупного рогатого скота, свиней, по выращиванию молодняка). В республике создан ряд птицефабрик по производству яиц, по откорму кур и уток. В отдельных хозяйствах выращивают гусей, индюков, цесарок, кроликов. Возобновлено коневодство (создан конезавод, кумысная фабрика, фермы в отдельных хозяйствах).

Пригородные хозяйства специализированы на производстве овощей и картофеля. В северных районах ряд хозяйств занимаются льноводством, в южных — хмелеводством и садоводством. Садоводческий совхоз создан близ г. Йошкар-Олы. Во всех районах появились фермерские хозяйства, специализированные в основном на растениеводстве и животноводстве.

Не исчезли в республике и старинные традиционные занятия. Охота и рыболовство лимитированы средствами добычи, ее объемом и сроками. В Марпотребсоюзе и в некоторых сельхозпредприятиях созданы зверофермы по выращиванию пушных зверей (песец, норка, кролик и другие), производству пушнины и изделий из нее. Организованы два рыбхоза — "Нолька" и "Толмань", пчелосовхоз "Мўкш" ("Пчела"). Рыба и пчелы разводятся и в колхозно-совхозных прудах и пасаках. Пасаки заводятся также при садоводческих товариществах. Эти традиционные занятия популярны среди населения — и как доходное занятие, и как средство отдыха и хобби. В таком же качестве распространено собирательство (сбор, заготовка и продажа ягод, плодов, грибов, лекарственных трав и других даров леса и угодий).

Командно-административный диктат, бесконечные эксперименты и реформы, мелочная регламентация и опека со стороны вышестоящих органов, часто без учета мнения тружеников полей и ферм, глушили инициативу и творчество крестьян, лишали их чувства хозяев земли, воспитывали в них равнодушных и безразличных работников. Не полностью оправдалась политика, ориентированная на гигантоманию. Неоднократные укрупнения колхозов и совхозов затрудняли их управляемость. Стремление создать агрогорода (крупные сельские поселения) за счет ликвидации малых и средних деревень вызвало массовый отток сельского населения в город. Ряд крупных животноводческих комплексов, поглотивших значительные средства на строительство и эксплуатацию, не загружались на проектную мощность, не всегда окупали затраты, некоторые становились убыточными. Широкомасштабная химизация и мелиорация нанесли чувствительный ущерб экологическому состоянию республики, отчего пострадали ее флора и фауна.

Ныне положение сельского хозяйства усугубляется низкой стоимостью продукции. Колхозы и совхозы вынуждены влезать в огромные долги, чтобы приобретать технику, горюче-смазочные материалы, минеральные удобрения, оплачивать электроэнергию и т.п., непрерывно растущие цены на которые многократно превосходят цены на зерно, мясо, молоко и другую аграрную продукцию. Это

обстоятельство главным образом отпугивает сельчан от приобретения земельных угодий и самостоятельного ведения фермерского хозяйства. Несмотря на некоторое внешнее благополучие жизненного уклада марийских крестьян, они во многом обделены в материальном и социально-культурном положении.

Поселения

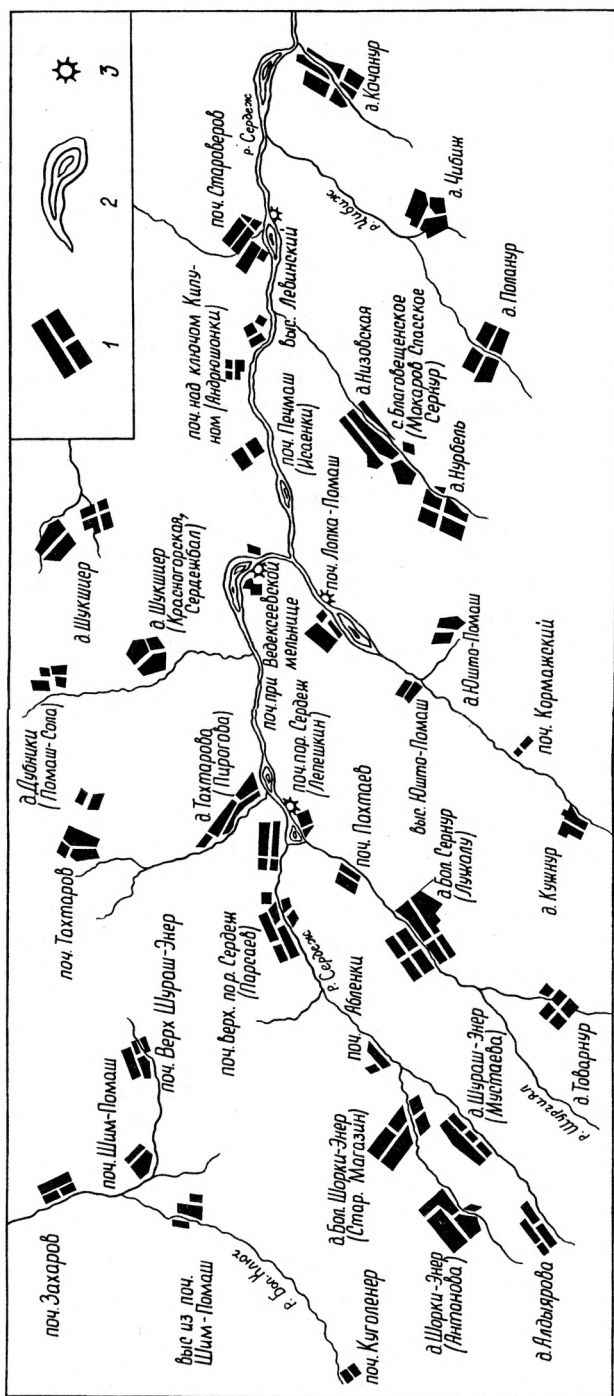
Для марийцев издавна был традиционен сельский образ жизни. Абсолютное большинство их проживало в сельских населенных пунктах (ял, сола). До революции в двух городах края — Козьмодемьянске и Царевококшайске, являвшихся уездными центрами, — насчитывалось лишь около 300 марийцев. За пределами же края марийцы-горожане были представлены десятками или единицами.

В послеоктябрьский период, с образованием марийской автономии, происходит постепенный рост городского марийского населения, особенно заметно в послевоенные годы. Ныне в 4 городах (Йошкар-Ола, Волжск, Козьмодемьянск, Звенигово) и 19 поселках городского типа Республики Марий Эл насчитывается 119,5 тысячи марийцев. В то же время большинство марийцев проживает в сельских поселениях, составляя 70,1 процента их общей численности в республике.

У марийцев, издавна проживающих в лесной полосе, на территории с густой речной сетью, сложился приречно-овражный тип расселения. Древние их места обитания (жилища, селища, городища), как свидетельствуют археологические исследования, располагались по берегам рек. Названия многих марийских населенных пунктов содержат в себе различные гидронимы, то есть названия рек, речек, ключей, озер, болот.

Древнее расселение по рекам известно по названиям отдельных старинных локальных (территориальных) групп марийцев. Очевидно, первоначально они отличали себя по месту проживания, привязанному к той или иной реке. Например, расселившиеся по реке Ветлуге назывались *вѣтла марий*, *вѣтлѣ мары* (ветлужские марийцы), по р. Суре — *шур мары* (сурские), по р. Кокшаге — *какшан марий* (кокшажские), по р. Ляж — *лаж марий* (ляжские), по р. Буй — *пу марий* (буйские), по р. Ярани — *яран марий* (яранские) и так далее.

Отнюдь не случайно многие марийские волости XVI—XVII веков, установленные царской администрацией на территории края после присоединения Среднего Поволжья к России, унаследовали традиционные "речные" названия. Согласно переписных книг "черемисских волостей" XVII века, большинство их содержит в себе гидронимы в русском или марийском произношении. Таковы, например, Ветлужская, Руткинская, Юнгинская волости в Козьмодемьянском уезде; Нолинская, Ошлинская, Кокшанская, Мананская

1. Населенные пункты. 2. Пруды. 3. Мельницы

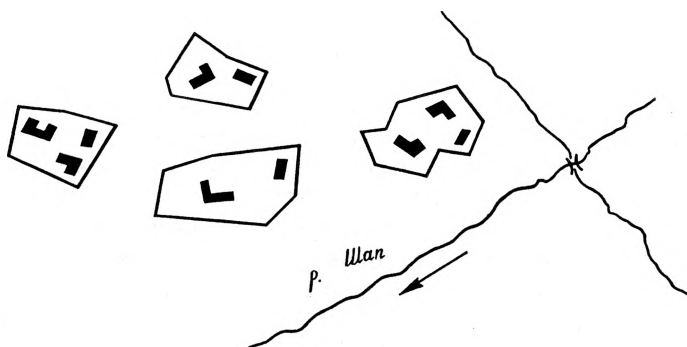
в Царевококшайском; Сорокундышская, Устинская, Южская в Царевосанчурском; Витлинская, Ижмаринская, Пижемская, Яранская в Яранском; Билямори, Вичмори, Рой в Уржумском; Шукшан, Большая Кордем-Кужумора и Малый Кордем, Илеть-Кукморы, Ирпорская и Иры, Немды-Кукморы, Ону-Морку, Ронгу и Ронгу-Турнарань, Ушут-Мучаш, Ошторма-Кукмар, Пюр в Казанском уезде.

Названия прежних гидронимических территориальных групп и волостей в первоначальных или несколько измененных формах сохранились в наименованиях ряда современных марийских поселений типа Какшамарий (Кокшамары), Вѣтламары (Еникеево), Вѣтламары (Тогашево), Шурмар (Тушево), Лажмарий (Мари-Ляжмарь и Русская Ляжмарь), Кугу Пумарий (Елеево), Пыламарий (Мари-Билямор), в которых запечатлелись следы прежних территориальных групп. Ряд селений с подобными названиями ныне расположен вдали от рек, где в прошлом обитали предки нынешних жителей. Так, ряд деревень с названиями Ярамарий существует далеко от р. Ярани — в Волжском, Моркинском и Советском районах Республики Марий Эл, с гидронимом Шѹдѹмарий — тоже не близко от р. Шуды (Яранский и Пижанский р-ны Кировской обл.) — в Куженерском, Мари-Турекском, Сернурском районах и даже в Янаульском районе Башкортостана. В Яранском районе три марийские деревни — Первое, Второе и Третье Маловитлино — имеют общее название Вѹтламарий, по преданию, они основаны переселенцами с берегов Ветлуги (ср. Витлинская волость в XVII веке). Деревня Савакмарий (Новокильбахтино) Калтасинского района Башкортостана — след давней миграции предков ее жителей с берегов р. Савак (Собаки) бывшего Уржумского уезда (ныне Мари-Турекский р-н).

Большое количество марийских селений содержит собственные и нарицательные имена водных источников, возле которых они расположены, то есть конкретных и безымянных рек, речек, ручьев, родников, ключей, озер, болот и т.п. Подобные названия сохранились до настоящего времени, но преимущественно в неофициальном употреблении на марийском языке и с официальными названиями зачастую не совпадают.

Многие марийские поселения содержат в себе слова *энер*, *а́нгѣр* (речка, ручей) и *памаш*, *вѣдсѣнзѣ* (родник, ключ): Йошкар-энер (красная речка), Пиштэнер (речка в липняке), Нужэнер (щучья речка), Кучыкэнер (короткий ключ), Шунангѣр (глинистая речка), Вопшынангѣр (речка в бортных угодьях), Памашсола, Вѣдсѣнзѣйэл (деревня у ключа).

Значительное количество названий деревень имеет окончания *-мучаш*, *-мычаш*, *-вуй* (исток, конец, голова), *-тѹн*, *-дѹн*, *-тѣнг*, *-важ* (устье, корень), *-тѹр*, *-дѹр*, *-тѣр*, *-дѣр*, (край), *-ѣмбал*, *-бал*, *-вал* (над), *-сер*, *-сир* (берег): Энермучаш (исток речки), Нурдамучаш (исток Нурды), Кожважвуй (исток Кожважки); Шойдѹн (устье Шойки), Шаптѣнг (устье Шапинки), Шактемваж (устье, корень ручья Шак-

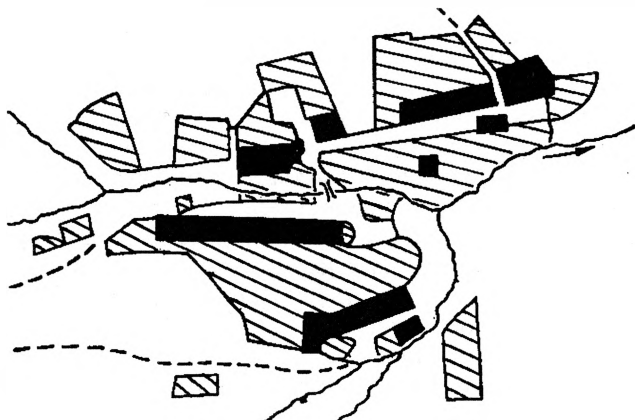

Пример планировки марийской деревни.
Д. Шап Царевококшайского уезда (конец XVIII в.)

ты); Элнеттүр (на краю Илети), Ардедйр (на краю Арды); Вонүмбал (над Вончей), Шйндйрвал (над Сундыркой), Якшарсир (красный берег).

Встречаются селения, содержащие названия озер (*ер, йӓр*), болот (*куп, шор*), лугов (*олык, алык, сӓрӓн*), оврагов (*корем, карем*): Кожлаер (лесное озеро), Ердйр (на краю озера), Шимйӓр (черное озеро), Йӓксӓр (лебединое озеро); Купсола, Шоръял (деревня на болоте), Ошкуп (белое болото), Куплонгӓ (посреди болота); Олыкъял, Сӓрансола (луговая деревня), Олыктӓр (на краю луга), Кужолык (длинный луг), Кугӓлык (большой луг), Келгарем (глубокий овраг) и другие.

Проживание марийцев в лесной зоне нашло отражение в изобилии лесных названий их населенных пунктов. Многие из них носят название лесов (*шйргӓ, шйргы, чодыра*): Шйргыял, Чодыраял, Чодырасола (лесная деревня), Шемшйргӓ (черный лес), Ошшйргӓ (светлый лес), Кушйргы (большой лес), Шйргӓйымал (подлесная), Шйргыдйр (на краю леса). Встречаются селения, запечатлевшие названия рощ (*ото*) — Отымбал (над рощей), Йынготы (роща на р. Юнге), связанных с лесом угодий: гарей (*ййле*), пчельников (*отар*) — Йӓлесола (деревня на гари), Йӓледйр (на краю гари), Отар (пчельник). Многочисленны деревни, запечатлевшие названия преобладающих в крае хвойных лесов: ельников (*кожла, кожер*), сосновых боров (*пӓнчер, яктер*) — Кожлаял, Кожласола (деревня в ельнике), Кожерлӓ (ельниковая), Кожлалӓвал (под ельником), Изи Пӓнчер (малый бор), Пӓнчерсола, Пӓнчысола, Йӓктансола (деревня в бору), Пӓнчерйымал, Пӓнчылӓвал, Яктерлӓвал (подборная), Пӓнчыдйр, Пӓнжыдйр (возле бора). Нередки деревни с названиями лиственных лесов: Куӓръял, Куӓрсола, Чашкаял, Чашкасола, Кӓгилансола (деревня в березняке), Куӓрйымал (подберезняковая), Тумерсола, Тумеръял (деревня в дубраве), Шопкер, Шапкилӓ (осинник), Пиштан, Пистерлӓ (липняк), Нӓлпер, Лӓлпан (ольховник), Пӓкшерме (орешник), Шӓртны (вербенник).

*Деревня Тошнер Царевококшайского уезда
(середина XIX в.)*

Не случайно исследователи быта марийцев подчеркивали, что для их селений характерно удачное, живописное расположение на местности — по берегам рек, в окружении лесов. Они отмечали, что марийские деревни буквально утопают в зелени деревьев. В описаниях горных марийцев говорилось, что плодовые сады являются неперменной принадлежностью их бытия.

Характерной особенностью марийских поселений является небольшая их величина, что обычно для лесных районов страны. Вплоть до начала XX века у марийцев преобладали деревни и починки величиной до 50 дворов и средние — от 51 до 100 дворов. Крупных же селений — более 100 дворов — было мало. Их было больше на окраине этнической территории марийцев — в приволжских и привятских районах и особенно среди восточных марийцев. По статистическим данным середины 20-х годов, в среднем на одно марийское селение приходилось на севере края около 30 дворов и 160 человек населения, на юге — соответственно 45—55 и 250—300. Аналогичные средние показатели по русским и татарским селениям края были выше.

В настоящее время удельный вес мелких и средних марийских поселений значительно уменьшился. Основным фактором этого процесса послужила политика сселения жителей деревень, отнесенных в разряд "неперспективных" малых населенных пунктов, в более крупные, определенные в качестве "перспективных". Нередко проводилось слияние в одно селение нескольких близлежащих деревень. Причем все эти мероприятия осуществлялись административным путем, без учета мнения населения.

Вплоть до середины XIX века в планировке марийских селений господствовали традиционные в Поволжье кучевые беспорядочные

формы. Такое их расположение являлось следами ранних форм расселения родственными, семейно-патронимическими группами. Очевидно, поселения марийцев в прошлом представляли собой поселения-усады (илем, сурт) семейно-родовых групп или патронимий (разросшихся семей из нескольких поколений). Они получали название от предка-первопоселенца, впервые осевшего и обустроившего местожительство. По соседству произвольно размещались другие семьи, которые в свою очередь тоже разрастались. Со временем деревня представляла собой несколько близко расположенных групп усадеб. Еще в середине XIX века в списках населенных мест края встречались названия деревень типа Васли-илем, Якай-сурт, Мемет-илем, Янгелде-сурт, по имени первопоселенцев.

В старинных планах конца XVIII — начала XIX веков марийские деревни представлялись изображенными в виде произвольно, беспорядочно расположенных групп (куч, гнезд) усадеб. В документах и публикациях XIX века, описывающих марийские поселения, нередко указывалось, что они расположены в нескольких местах, то есть состояли из нескольких смежно расположенных частей, называемых околотками, выселками или починками. Помимо общего названия, каждое из них имело свое отдельное название. Так, в состав д. Туруново Царевококшайского уезда входили околотки Никиткин, Федоскин, Богданычев и Яметов. Село Кожважи (Преображенское) Козьмодемьянского уезда состояло из околотков Сигачкин, Ширгиял, Шактенваж и выселка Пемьянбал. С течением времени околотки и выселки превращались в отдельные деревни, нередко выделяясь в самостоятельную общину.

Деревни с антропонимическими названиями (по имени конкретных людей, первопоселенцев) широко распространены как в официальном, так и в неофициальном употреблении. В качестве примеров приведем Аксайсола, Андраул, Афонькино, Вакутсола, Веденькино, Вативолык, Емешев, Иван-беляк, Ёйвансола, Качмашево, Керебеляк, Максакродо, Митряево, Митиполко, Окашъял, Осипаново, Парфенки, Пекшиково, Пиндыкал, Порисполык, Сапарсола, Семеево, Тиман починга, Токтай-беляк, Урсаево, Фадейкино, Четнаево, Эсмекпак, Эсяново, Этюксола, Эшпайродо, Янашпак, Яндемыр починга, Ятманово и другие.

В значительной группе марийских поселений отразилось освоение лесов и других угодий под пашню и поле (*нур, ныр*). Нередко образующие название деревни части слова показывают место ее образования или расположения по отношению к полю: Нурсола, Нырйял, (полевая деревня, деревня в поле), Нурмучаш, Нырмычаш (конец поля), Нурумбал (над полем). Встречаются названия деревень от поля, освоенного на месте леса, другого угодья или возле них: Шурьгынур (лесное поле), Кожланур (поле в ельнике), Ломбенур (поле в черемушнике), Поланур (поле в калиннике), Кугланур (поле в березняке), Пиштанур (поле в липняке), Памашнур (поле у родника), Ернур (поле у озера), Ёшнур (поле у р. Юшут). У части

деревень в их названии зафиксированы характерные особенности пашни или поля: Кужнур (длинное поле), Кугунур, Когонур (большое поле), Лопнур (низинное поле), Кўшнур, Кўкшўныр (возвышенное поле), Курыкнур, Кукнур (нагорное поле), Ошманур (песчаное поле), Чарнур (поле на пустоши), Идымнур (гуменное поле), Унур (новое поле). Немало селений унаследовали имена первооткрывателей пашни: Айвакнур, Аманыр, Ведаснур, Мецъкныр, Миклянур, Оваснур, Павайнур, Элпанур, Этвайныр.

Изменения в планировке марийских деревень — переход от беспорядочной кучевой к правильным рядовым или уличным формам — происходили постепенно, с середины — второй половины XIX века. Перепланировка деревень происходила под административным нажимом: образованное в 40-х годах Министерство государственных имуществ, в ведение которого были переданы нерусские (в том числе марийские) крестьяне, обязало губернским и уездным межевым (землеустроительным) комиссиям составить проекты перепланировки существующих и застройки вновь образующихся поселений по улично-рядовым планам. Переходу марийских деревень на новую планировку способствовал и пример живущих по соседству или в смешанных деревнях русских крестьян, у которых застройка по уличному плану внедрялась еще с XVIII века. Облегчали перепланировку и малые размеры марийских деревень. К концу XIX — началу XX веков они приобрели обычный вид поселения по уличному (реже рядовому) плану. Однако следы старой планировки сохранились в отдельных, особенно крупных, деревнях в виде кривых улиц или концов с кучевыми формами и в первые десятилетия XX века.

В послеоктябрьское время заметные изменения в планировке марийских селений произошли в последние 3—4 десятилетия. Они коснулись в основном тех населенных пунктов, которые стали центрами укрупненных сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов). На сельские поселения, которые были определены в качестве перспективных, составлялись проекты перепланировки. За их основу было принято зонирование застройки населенных пунктов, в которой выделялись: общественный центр с комплексом зданий управления, обслуживания, культуры, образования; жилая зона из существующих улиц и проектного квартала или микрорайона; производственная зона с комплексом соответствующих построек. Ныне многие центральные усадьбы сельскохозяйственных предприятий совершенно изменились в плане. В них сочетаются черты уличной, улично-квартальной и зонированной планировки.

В прошлом в марийских поселениях было мало общественных построек. Обычно это были амбар для хранения собранного от крестьян-общинников резервного запаса зерна (*мер кинде клат*) на случаи неурожая и стихийных бедствий и караульный сарай (*орол леваш*) со средствами пожаротушения (бочка с водой на специальной повозке, багры, лопаты, топоры, лестницы и др.), иногда с при-

строенной к нему избой-сторожкой (*орол пöрт*), в которой дежурили суточно по очереди члены общины. Здесь же проводились собрания домохозяев общины — сельские сходы, вечерами собиралась молодежь для игр и развлечений. Эти строения возводились за счет общинных (мирских) сборов (*мер окса*). Возле некоторых деревень имелись кузницы (*апшаткудо*), водяные мукомольные мельницы (*вüдавкш*), позднее появились и ветряные (*мардежвакш*). В поселениях, ставших центрами церковных приходов, называемых селами, были сооружены деревянные или каменные церкви (*черке*), оживившие их внешний вид оригинальной архитектурой, в волостных центрах — здания волостных управ. В этих поселениях, как центрах общественной жизни, проводились базары и ярмарки, стали появляться торговые заведения, а также церковноприходские школы.

Количество и разнообразие общественных построек заметно увеличивалось с развитием капиталистических отношений, особенно во второй половине XIX — начале XX веков. С оживлением предпринимательства и торговли, в деревнях открывались новые промыслово-ремесленные заведения (мельницы, кузницы, деревообрабатывающие, кожевенные, гончарные, кирпичные, маслобойные и другие), торговые лавки. Хотя они преимущественно принадлежали частным лицам, имели и общественное значение. Заметно расширилась сеть школ и учебных заведений, наряду с церковноприходскими, открывались государственные, земские и миссионерские школы, училища сельскохозяйственного и кустарно-ремесленного профиля. В ряде сел земством были открыты больницы и фельдшерско-акушерские пункты, склады по прокату сельхозорудий и инвентаря. В некоторых притрактовых селениях возникли почтовые станции с постоялыми дворами.

Заметно преобразился внешний облик марийских поселений в послеоктябрьский период. В них сформировался комплекс различных общественных зданий (управления, народного образования, здравоохранения, культуры, сферы обслуживания), производственных построек (помещения для хранения, переработки и складирования сельскохозяйственного сырья и продукции, размещения и ремонта техники, хранения горюче-смазочных материалов, животноводческие фермы и комплексы, хранилища кормов и фуража и т.п.), создан общественный жилой фонд (одно-двухквартирные и многоквартирные жилые дома). Проведены значительные работы по благоустройству сельских населенных пунктов (радиофикация, электрификация, газификация, телефонизация, озеленение, строительство дорог, тротуаров, водопровода, устройство плотин и водоемов, автобусное сообщение и прочее).

Степень насыщенности поселений общественными зданиями и строениями различна в зависимости от их административно-хозяйственного статуса, их функциональной роли. Большинство административно-ведомственных зданий, производственно-хозяйственных объектов сосредоточено в центральных сельских поселениях (цент-

ры сельской администрации, центральные усадьбы сельскохозяйственных предприятий и лесохозяйственных комплексов). Меньшее количество общественных учреждений и производственных построек наличествует в поселениях среднего ранга (центры отделений, участков и бригад, другие сравнительно крупные деревни). Мелкие же населенные пункты в лучшем случае имеют 1—2 производственных объекта или вообще лишены общественных построек, чему способствовала в свое время политика сселения мелких поселений в крупные.

Усадьба и двор

Традиционная марийская усадьба (*суртолмо*) вплоть до середины XIX века представляла собой участок местожительства семейного коллектива, занятый строениями и угодьями. Поскольку в прошлом было характерно беспорядочное кучево-гнездовое расселение, то очертание (конфигурация) усадьбы было произвольным в плане. Размеры усадьбы зависели от количественного состава семьи и степени освоения окрестной территории.

Усадьба марийцев, как и соседних народов, состояла из двух частей. Основной ее частью являлся двор (*оралте*) с жилыми и хозяйственными строениями повседневного пользования. Задняя (задворная) часть усадьбы (*тошкем, идым-пакча, садвичь*) была занята различными угодьями и хозяйственными постройками непостоянного пользования.

Двор занимал, как и у других нерусских народов, до половины всей территории усадьбы. В прошлом все постройки свободно, несвязно, изолированно друг от друга располагались на открытой пространной территории двора, ограниченной дворовой оградой (*кудывече, кудывичь*). Здесь размещались 1—2 жилых избы (*пöрт*) в зависимости от размера семьи, поблизости от нее хлебный амбар (*кинде клат*), клеть для хранения имущества (*вургем клат*) и погреб со срубной или шатровой напогребницей из жердей (*нöрен, мйгйрен*). Поодаль от этих строений располагались помещения для транспортных средств и хозяйственных орудий (*коретныйк, каратник*), хлева (*вйта, вича*) и сарай (*леваш, левичь, лапас*) для размещения домашнего скота и кормов (последние складывались под крышей хлевов и сараев). Для въезда-выезда во двор и со двора было двое ворот (*капка*): одни — за пределы усадьбы, в деревню, другие — на задворки, в гумно-огород. В прошлом у марийцев были преимущественно одностворчатые ворота, с одним широким полотном (*марла капка*) из составленных в раму колотых досок или жердей, и ворота-заборы (*аньык капка*) из убирающихся в одну сторону жердин.

Оригинальными у марийцев, как и у других финно-угров, являлись два вида дворовых построек. Одна из них представляла летнее жилище-кухню (*кудо*). Это была срубная постройка с крышей, но

без пола и потолка, с открытым очагом посреди строения. Над ним во всю длину помещения от передней до задней стены врубались два параллельных бревна (между двумя верхними венцами). Они служили опорой для передвигающегося по ним Т-образного шеста с крюком в нижнем конце, на который подвешивали котлы с дужкой для варки пищи и напитков. Крыша была преимущественно двускатной, пол — земляным. Дверь прорубалась в торцевой стене. Внутри устанавливались лавки (*олымбал, олманга*), в дальнем от входа углу — стол (*йстел*) для приема пищи. Обычно в летнее время семья принимала пищу в кудо. Здесь же проводились семейные обряды и моления. В задней части кудо отгораживалось небольшое помещение (*изи кудо*), где хранились ритуальные принадлежности семьи. Оно почиталось как место обитания семейно-родового духа-покровителя (*кудбодыж*), и младшие члены семьи туда не допускались. Другим традиционным строением был двухэтажный амбар-клеть (*кок пачашан клат, ймбала клат*) с галереей на уровне второго этажа, куда поднимались по лестнице. Нижний этаж являлся хлебным хранилищем, а верхний — летней спальней молодой семьи и хранилищем одежды и другого имущества.

На задворках усадьбы размещались огород (*пакча, ковштавичй*), гумно (*идым, ййдым*), хмельник (*умлавече, ымылавичй*), небольшая луговина для молодняка скота (*тошкем, ташкем*). На огороде обычно был парник для рассады (*ковышта шаге*), на хмельнике устанавливались шесты для плетей хмеля (*умла вара*). Значительную площадь занимало гумно. Здесь отводилось место для хлебных кладей из снопов (*кинде каван*), которые складывались на специальных подмостках (*каван шаге*) от проникновения мышей, размещался овин (*агун, авун, ай*) для сушки снопов, открытый ток (*идым чара*) или крытый сарай (*идым леваш*) для их обмолота. Состоятельные хозяева обычно не обмолачивали полностью собранный урожай, хранили его не только в амбаре в виде зерна, но и оставляли в кладях в виде необмолоченных снопов по нескольку лет, резервируя на случай неурожая. Старые клади (*тошто каван*), на которых иногда вырастали молодые березки, являлись показателем зажиточности и благополучия семьи, предметом гордости домохозяина. Иногда на гумне возводилась клетушка (*арвагудо*) для хранения мякины и других отходов от молотбы.

Традиционный овин марийцев, как и у других народов Поволжья, представлял яму с топкой, сложенной из камней, над которой возвышалось установленное конусом покрытие из жердей. Сбоку имелся лаз с лестницей к топке. С другой стороны вкапывали столб — ствол дерева с обрубками сучьев для влезания во время укладки снопов вокруг жердей. Нередко над овином устраивали навес, опирающийся на четыре столба, необходимый в ненастную погоду. Подобный овин назывался *марла авун* (марийский овин). В течение второй половины XIX века он заменился срубным, который назывался *рушла авун* (русский овин).

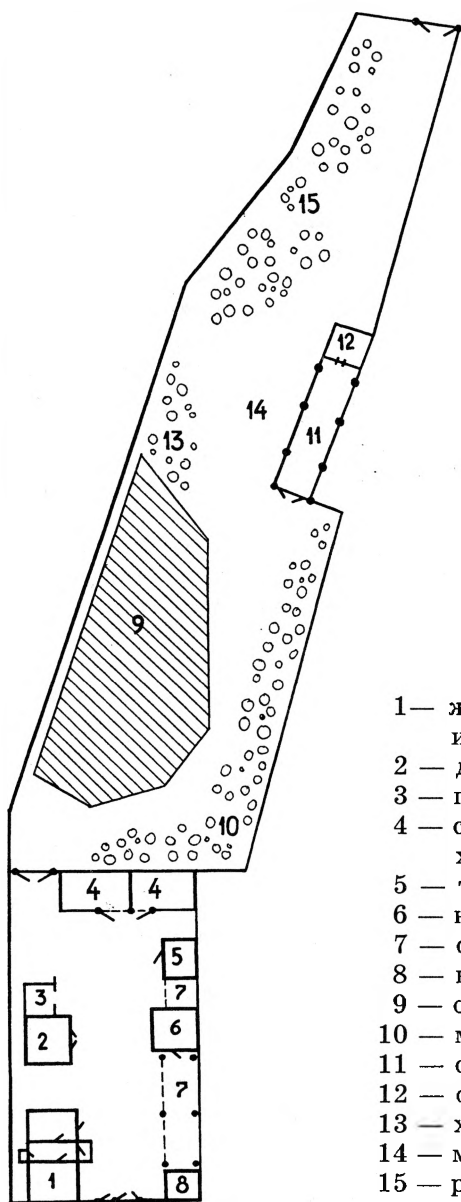
Баня (*монча, моча, моца, момоца*) также размещалась на задворках, обычно ближе к источникам воды. Это была обычная для народов лесной полосы срубная парная баня с печью-каменкой в ближнем (реже в дальнем) от входа углу, с топкой по-черному, с полком для парения веником. Баня обычно имела предбанник, преимущественно двускатную крышу из коры, соломы или досок. Помимо основной функции омовения, она использовалась в качестве лечебницы, родильного помещения, для некоторых ритуально-обрядовых действий (во время свадьбы, поминок, молений), хозяйственных целей (сушка одежды, снопов конопля и льна).

Характерной особенностью было обилие деревьев на усадьбе. Наиболее предпочтительными были липа, береза, черемуха и рябина. Деревья росли группами или одиночно по краям или между угодьями усадьбы, небольшой рощицей на ее задах. Последняя использовалась некрещенными и двоеверцами для семейно-родовых молений. У горных марийцев значительную часть задворок занимал фруктовый сад с яблонями и вишнями. Пчеловоды обычно имели на задворках небольшую пасеку (*мйкшотар*), размещая ульи (*мйкшомарта*) между деревьями или в саду.

Задворная часть усадьбы огораживалась разной изгородью: пряслом из жердей (*ломаш пече*), плетнем (*чытан пече*) или частоколом из дранки и тонких жердин (*чытыр пече*). Здесь также устраивались ворота, необходимые для въезда-выезда в поле.

По мере застройки деревень по уличному или рядовому плану упорядочивалась планировка двора и всей усадьбы, приобретая прямоугольное очертание. При этом жилая изба выдвигалась на линию улицы, а дворовые строения располагались по периметру двора. По традиции вначале они ставились изолированно друг от друга, но постепенно дворовые строения начали связывать с жилой избой и между собою, покрывая их общей крышей или навесом, то есть по русскому обычаю. Перепланировка двора и связанное расположение построек в первую очередь происходили в смешанных марийско-русских деревнях и там, где марийцы жили в окружении или в тесном соседстве с русскими.

Формы связи жилища с дворовыми постройками были разными. К концу XIX — началу XX веков среди марийцев преобладающими и повсеместно распространенными стали глаголеобразная и покоеобразная планировки двора, то есть расположение избы и построек на дворе было в виде букв Г и П. В северных районах проживания марийцев, где они находились среди русских, встречались двухрядная и однорядная формы планировки двора, при которой постройки связывались в два или один ряд. Однако повсеместно, хотя и в меньшей степени, сохранялось и традиционное бессвязное, изолированное расположение построек. Следование традиции проявлялось и в том, что связь построек не всегда была сплошной, то есть нередко оставались разрывы между строениями, хотя и забранные забором. Марийский двор по традиции оставался открытым и за-

- 1 — жилой дом типа
изба-сени-клеть
- 2 — двухэтажный амбар
- 3 — погреб
- 4 — сарай-сеновал и летний
хлев
- 5 — теплый хлев
- 6 — кудо
- 7 — сарай-навес
- 8 — клеть
- 9 — огород
- 10 — малинник и пчельник
- 11 — сарай-ток
- 12 — овин
- 13 — хмельник
- 14 — место под хлебные скирды
- 15 — рощица-березняк

*Пример планировки усадьбы начала XX века
(Мари-Турекский кантон)*

нимал до половины площади всей усадьбы. Крытый двор, особенно характерный для двухрядной и однорядной связи построек у русских крестьян, среди марийцев встречался изредка (в Яранском и Уржумском уездах Вятской губернии, Ветлужском Костромской, Красноуфимском Пермской).

Обширный марийский двор обычно состоял из двух частей: переднего, ближайшего к улице двора (*ончыл оралте*) и заднего, дальнего от улицы (*шенгел оралте*), примыкающего к огороду и гумну. Передний составляли жилая изба, амбар, клеть, летняя кухня, погреб, ворота на улицу. Эта чистая половина двора представляла собой зеленую лужайку. На другой половине размещались хлева, загоны и сараи для скота и кормов, помещения для транспорта и сельхозорудий, ограниченные изгородью от чистого двора, на который скот не выпускали.

Одним из новшеств этого же времени явилась постройка клетки с подклетью позади избы и сеней, что было характерно для русских. Марийцы называли ее *ваштареш клат*, *вашклат* (клеть напротив) или *пудыр* (от чув. палтар), а часть горных марийцев — *васка* (от рус. вязка, связка, связь). Верхняя часть называлась *ймбал клат* или *клатймбал* (верхняя клеть), нижняя — *йымал клат* или *клатйымал* (нижняя клеть, подклеть). Верхний этаж обычно служил летней комнатой и спальней, хранилищем одежды, имущества, нескорпортящихся продуктов питания. Вход в него был из сеней, но поскольку пол клетки был несколько выше пола сеней и избы, перед дверью устанавливалась лестница в 2—3 ступеньки. Подклеть была без пола, здесь хранили скоропортящиеся мясомолочные продукты, нередко в ней устраивали погреб. Другим новшеством явилась установка на улицу русских ворот (*рушла капка*) на 3—4 столбах с крышей, с двумя раскрывающимися полотнищами для въезда и с одним узким для входа (если ворота имели 4 столба, то одно узкое полотнище делалось ложным, не открывающимся).

Что касается задворной части усадьбы, то во второй половине XIX — начале XX веков заметно стали увеличиваться площади, отводимые под огороды. Это было вызвано ростом потребления овощей и картофеля в питании марийцев и расширением круга огородных культур. Кроме того, часть луговых и восточных марийцев стали культивировать плодово-ягодные культуры. Вначале на усадьбе появились ягодные кустарники: смородина (*шоптыр*), крыжовник (*пуншоптыр*), малина (*эныж*), затем постепенно яблони (*олману*) и вишни (*вишне, чиевондо*).

При рядовой планировке деревень усадьба разделялась улицей на две части. При такой планировке жилые избы с дворами по всей деревне застраивались на одной стороне улицы. Позади двора обычно размещались гуменники и хмельники, иногда сад или пасека. На противоположной стороне улицы, примыкающей к речке с зарослями деревьев, размещался огород, ставились бани, отводились луговины для молодняка скота. В отдельных случаях сад и пасеку заводили в этой части усадьбы.

*Современная сельская усадьба
(Моркинский район)*

В послеоктябрьский период, после проведения в стране массовой коллективизации крестьянских хозяйств, усадьба и двор марийцев претерпели значительные изменения. Навязанные советской властью мероприятия в сельском хозяйстве — обобществление земли, рабочего скота, земледельческих орудий, транспортных средств с передачей их в кооперативно-колхозную собственность, установление фиксированного минимума индивидуального хозяйства (размер личного подсобного участка и поголовья продуктивного скота) — вызвали уменьшение площади усадьбы и двора. На задворках усадьбы не стало гуменников с овином и током, на дворе — хлебного амбара, конюшни и особого помещения для орудий и транспортных средств. У большинства марийцев стали исчезать традиционные постройки — двухэтажные амбары-клетки и летние кухни. Последние бытуют в основном у горных марийцев. Хранение хлеба и имущества стало совмещаться в клетях или в чуланах, отгороженных в сенях, размеры последних в связи с этим увеличились.

На задворках усадьбы значительную ее часть занимают огород и сад, причем последний распространился у марийцев повсеместно. Со времен коллективизации значительную площадь огорода занимает картофель, который является продовольственной и кормовой культурой. В последние годы на огороде стали устраиваться теплицы. Из строений долгое время на задворках сохранялась баня. Но в

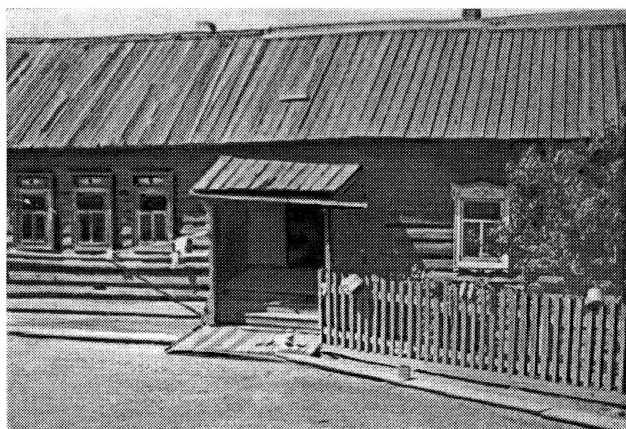
последние десятилетия марийцы стали строить баню по-белому, и она, как правило, становится дворовой постройкой. Перемещение бани во двор связано с благоустройством деревень: ее выгоднее ставить ближе к электросети и водопроводу, протянутым вдоль улиц. К традиционным зеленым насаждениям добавляются декоративные растения и цветы, размещаемые в палисадниках перед домом, а также во дворе, на огороде, в саду.

Жилище

У марийцев, как и у всех народов лесной полосы Восточной Европы, издавна утвердилось бревенчатое срубное жилище (*пöрт*), получившее развитие из древней углубленной в землю полужемлянки. Марийская изба по материалам XVIII—XIX веков представляла собой сруб-четырёхстенник с сенями (*пöртöнчыл*) или реже два соединенных сенями четырёхстенника (*вашпöрт*, т.е. противостоящие избы). Вплоть до середины XIX века у марийцев преобладали курные избы (*шеш пöрт*, то есть черная изба) с печами без дымохода, на шестке которых был очаг (*возак*) с подвешенным к потолку котлом. Дым выходил в отверстие в потолке, куда вставлялась труба из полого ствола дерева. Изба имела низкие двери (*омса, амаса*) и 1—2 маленьких окна (*тöрза, окня*) высотой не более одного венца, которые затягивались пленкой из внутренностей животных, тряпичей или берестой, а в холод закрывались задвижкой.

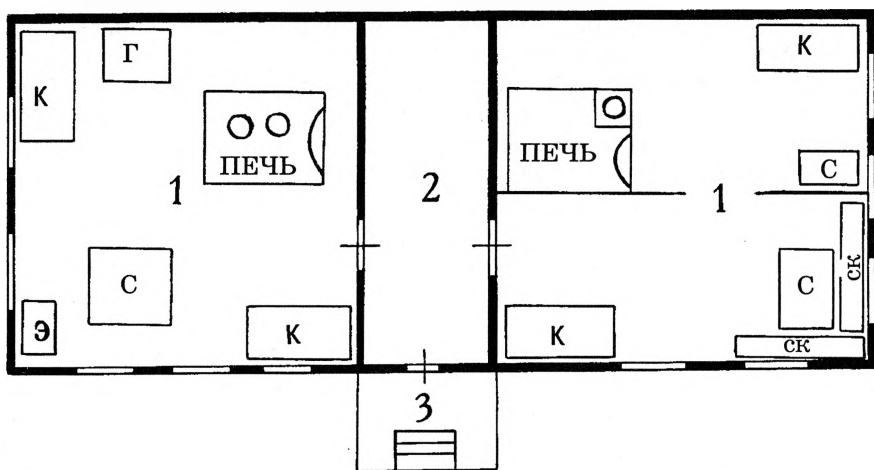
Обстановка в избе была простая, вдоль стен устанавливались длинные неподвижные лавки (*олымбал, олманга*). Иногда, как у татар, у передней стены были широкие нары (*кугу олымбал*), на которых спали и складывали постель. На стенах подвешивались полки (*шöрлык, оһавал*) для посуды и утвари, перекладкины (*кашта*) и крюки (*ишке*) для верхней одежды и головных уборов. Печь располагалась преимущественно в ближнем от входа углу, а по диагонали в дальнем углу стоял стол (*üstel*). Возле него были 1—2 стула (*пйкен*), нередко в виде обрубка ствола дерева (*тур, тур пйкен*), или скамья (*тенгыл*). В старину, когда не было обычных окон, дверь избы обращалась на юг, поскольку марийцы молились при открытой двери, обращаясь к солнцу. В этом случае и печь ставилась в дальнем от входа углу, челом к двери. Стол при таком расположении печи ставился по диагонали в противоположном от печи ближнем от входа углу. Ориентировка печи в сторону двери была характерна в прошлом и для других финно-угорских народов.

Крыша марийской избы была обычно двухскатной, для чего использовали колотые доски (*она*), дранку (*трэнча*), иногда липовую кору (*кйр*). Перекрытие крыши было самцовой конструкции (*марла леведыш*). При этом бревна торцовых стен (на фронтоне и заднике) с каждым венцом суживались треугольником, а боковые бревна

- 1 — жилой дом
- 2 — сени
- 3 — крыльцо

- С — стол
- К — кровать
- Г — шифоньер-гардероб
- Э — этажерка
- СК — скамья

Вид и план жилого дома типа изба—сени—изба
(Моркинский район)

ложились на углубления в них, служа опорой для досок крыши. Последние укреплялись зачастую без гвоздей, упираясь концами в пазы верхнего бревна-охлупня (*вуйволак*) и двух нижних бревен-желобов (*тўрволак*). Последние поддерживались 2—3 крюками (*того, кагак, пиял*). Передний конец охлупня крыши вырезался в виде птицы или головы коня.

В конце XVIII — первой половине XIX веков преобладающим типом жилища марийцев был двухраздельный — изба+сени. Встречался также пережиточный тип от старых времен — изба без сеней. Однако в этом случае вместо сеней нередко устраивалось прикрытие в виде навеса из наклонно пристроенных жердей и колотых досок, опирающихся на выступающий задник крыши. В это время стали появляться трехраздельные жилища типа изба+сени+изба, то

есть, две избы, соединенные в одно жилище посредством сеней (*вашпöрт*). Этот тип жилища был характерен для больших семей. Наряду с маленькими окошечками с задвижкой в избе прорубалось одно большое окно с рамой из стекла. Теперь избы ставили так, чтобы она большим окном смотрела на юг или юго-восток. Поскольку марийцы ставили избы на сравнительно высокой подклети (переводы — *йрлык* — врубались между 3—4 или 4—5 венцами сруба), перед сенями или перед входной дверью избы без сеней устраивалась лестница в несколько ступенек (*тошкалтыш*): обычно это — доски, уложенные на стойки из обрубков дерева или на выступающие бревна сруба.

Значительные изменения марийского жилища произошли в капиталистическую эпоху, во второй половине XIX — начале XX веков. Они выразились в конструктивном отношении, в разнообразии типов, в планировке и внутреннем убранстве, а также в наружном оформлении. Эти изменения были вызваны социально-экономическим развитием России, расширением и углублением хозяйственных и культурных связей между городом и деревней, между марийцами и их соседями. Марийцы, сохраняя и развивая черты своеобразия своего жилища, перенимали и усваивали конструктивные особенности жилищ соседних народов, вводили элементы их внутреннего убранства и наружного декора. Наибольшее влияние на характер марийского жилища оказали домостроительные традиции русского населения.

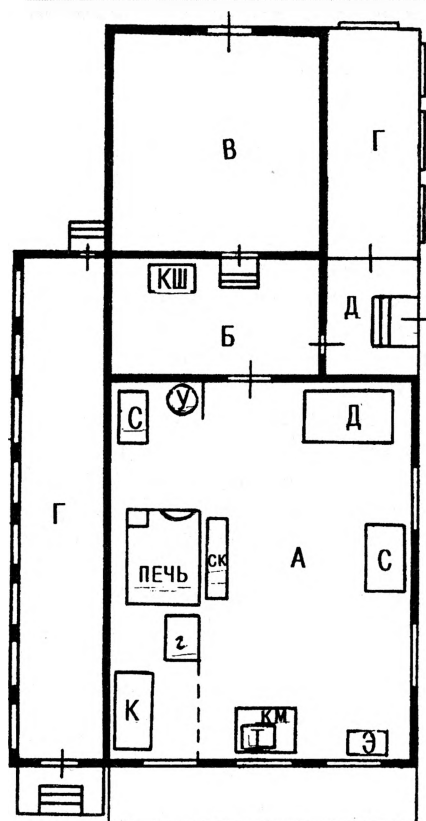
Застройка деревень по уличному плану вынуждала марийцев ставить избы фасадом (окнами) на улицу. Количество окон в избах стало увеличиваться: обычно 2—3 окна было на передней, фасадной стене и 1—2 на боковой (выходящей во двор). Самцовое перекрытие крыши постепенно стало заменяться на стропильное. Для крыши стали использоваться пиленые доски (тес). Лестница перед сенями путем соответствующих надстроек и пристроек превращалась в крыльцо (*тйжвал пöртöнчыл, кырлеч*). Пол крыльца укладывался на выступающие бревна задней стены и переводы избы с опорой на столбы или на особый сруб.

Более разнообразными стали типы жилищ. Наряду с прежними изба+сени и изба+сени+изба повсеместно распространенным стал характерный для русских тип — изба с горницей, то есть трехраздельный — изба+сени+клеть (совмещенные посредством сеней изба и клеть с подклетью). К концу XIX — началу XX веков он стал преобладающим на западе и севере этнической территории марийцев, где они издавна соседнили с русскими. Изредка встречались у марийцев избы-пятистенки и двухэтажные дома. Наряду с обычным пятистенком русского типа, поставленным широкой стеной на улицу и крытым преимущественно четырехскатной крышей, марийцы ставили пятистенки торцовой стеной на улицу. Этот тип пятистенка получил развитие из традиционного трехраздельного типа изба+сени+изба путем совмещения двух изб и перемещения сеней

из среднего положения в заднее. Получился новый тип — изба+изба+сени, обычно встречавшийся в среде сплошного расселения марийцев. Иногда встречался здесь и другой вариант традиционного пятистенка — сени пристраивали сбоку к задней избе, придавая жилищу Г-образную форму. Все эти новые типы жилищ-пятистенков, как и двухэтажные дома, строили состоятельные и большие семьи. Среди них же изредка можно было встретить и четырехраздельное жилище — к сениям пятистенка сзади пристраивалась клеть с подклетью.

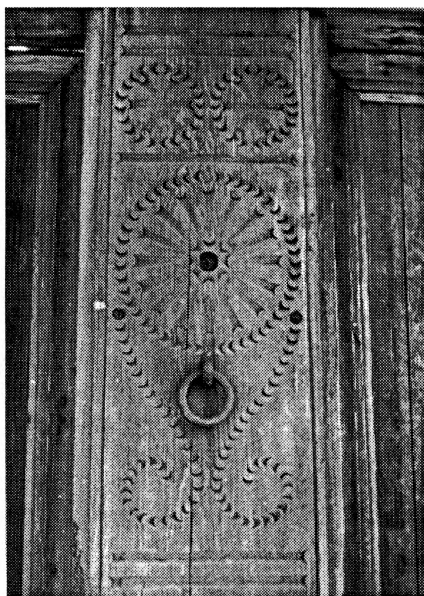
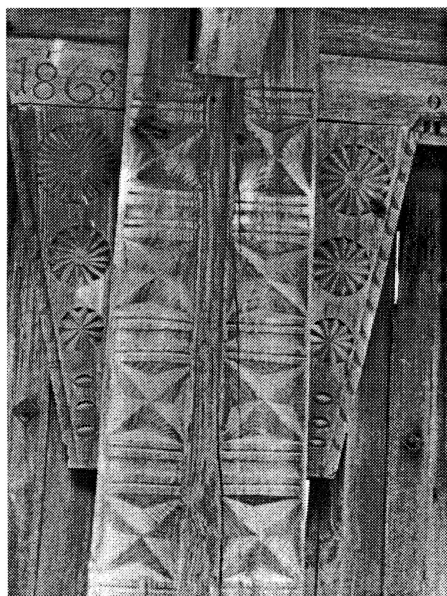
Внутренняя планировка марийской избы сохранялась традиционной. Преобладающим повсеместно было положение печи в ближнем от входа углу, челом к передней, фасадной стене, против окон, а красного угла (*төр*) со столом — в противоположном, дальнем от входа, по диагонали от печи. Такая планировка избы получила название северно-среднерусской, считающейся продуктом взаимотворчества русских и финно-угров лесной полосы Восточной Европы. В южной, приволжской части края, особенно среди горных марийцев, частично сохранился своеобразный вариант старинной планировки избы, когда печь ставилась ближе к дальнему от входа углу, но челом к двери. Такая планировка избы называется южнорусской, но она в прошлом была характерна и для финно-угров России. Среди соседей марийцев она была распространена у мордвы, особенно у этнографической группы мокша. Изредка у марийцев встречалась западнорусская планировка избы, когда печь, поставленная в ближнем от входа углу, челом была обращена к боковой стене, к окнам, выходящим во двор.

Обстановка внутри избы, оставаясь в целом традиционной, постепенно дополнялась рядом новшеств. Вместо традиционной битой из глины печи повсеместно распространялись русские печи с дымоходом, сложенные из кирпича. К концу XIX века избы по черному представляли в марийских деревнях единичное явление. К печи, по русскому обычаю, стали пристраивать новые места для сна — коники-лежанки снизу и полати (*шөлдыравал, платя*) сверху от печи до боковой стены. В углу избы стали ставить деревянные кровати. Если в прошлом изба марийцев представляла одну комнату, то постепенно они стали отделять пространство перед печью дощатой перегородкой (*кыдеж, цылан*), хотя однокомнатные избы без перегородок значительно преобладали. У марийцев, особенно восточных, живущих по соседству с татарами, вместо перегородки иногда вешали занавес (*чарша*) из различных тканей. По примеру татар, луговые и восточные марийцы устраивали на шестке печи боковой очаг, над которым вставляли котел вместо традиционного подвесного. Наряду с традиционными полками появились подвесные шкафы для посуды. Интерьер избы дополняли развешиваемые ближе к красному углу вышитые полотенца (*төр солык*). Крещеные марийцы этот угол называли *юмо лук* (божий угол), где на угловой полке (*юмын шөрлык*) ставили 1—3 иконы (*юмона*), которые также обрамлялись

- А — жилой дом
- Б — сени
- В — клеть
- Г — веранда
- Д — крыльцо
- С — стол
- К — кровать
- г — гардероб
- КМ — комод
- Т — телевизор
- Э — этажерка
- КШ — книжный шкаф
- СК — скамья
- У — умывальник

*Вид и план жилого дома
типа изба-сени-клеть
(Волжский район)*

Образцы выемчатой техники резьбы:
слева — трехгранно-выемчатая, справа — скобчатая

полотенцем. Необходимым элементом интерьера избы являлась детская колыбель-зыбка (*шўпка, шепка*), подвешиваемая на длинной жерди-очепе (*лўшкевара*).

Место традиционной лучины на светце (*изике, ичык*) и свечи (*сорта*) для освещения избы заняла керосиновая лампа, обычно подвешивавшаяся над столом. На последнем, наряду и вместо сосудов под пиво или квас, прочно утвердился самовар, который уже в 80-х годах XIX века был в большинстве марийских семей. В конце XIX — начале XX веков в избах зажиточных семей появились настенные часы и зеркала, картинки и фотографии, прикроватные ковры, занавески на окнах, в проеме кухонной перегородки и перед полатами, комнатные цветы. В интерьере избы занимала место обновленная мебель, изготавливаемая по заказу местными умельцами: столы, табуретки, складные и обычные стулья, кровати, шкафы-буфеты.

Параллельно с конструктивными изменениями разнообразился и обогащался внешний декор марийского жилища. Различные части и детали жилища стали украшаться резными элементами. Как и у соседних народов, появление рамных окон вызвало необходимость прикрытия щелей в оконных проемах посредством досок-наличников. Распространение стропильного перекрытия крыши способствовало декоративному оформлению дощатых фронтона и карниза. Эти детали жилища стали украшаться резным орнаментом. Наряду с

традиционной скульптурной резьбой (украшение охлупня крыши изображением птицы или головы коня) получили распространение плоскостные виды резьбы.

Вначале для украшения наличников марийцы применяли традиционную углубленно-выемчатую технику резьбы. При помощи долот с плоским острием (*уй*) и скобчатым (*лудынер*, т.е. утиный клюв) на украшаемой доске делались углубления в виде трехгранно-выемчатых, ногтевидных и закругленных узоров, из которых составлялись различные геометрические линии и фигуры (прямые или волнистые линии, зигзаги, окружности, ромбы, квадраты, треугольники и прочее). Нередко в центре верхней доски наличника изображался солярный круг или полукруг (символ солнца с расходящимися лучами). Популярны были также узоры в виде шнура (веревочки) и парного шнура, имитирующего хвойную веточку или колосок. Все эти образы и мотивы были характерны в прошлом для верований и искусства марийцев. Преимущество с другими видами искусства выразилась и в терминологии декора жилища. В отдельных говорах луговых марийцев оконный наличник называется *окна серга* (оконные сережки), резные детали именуются *тйрлеман окна* (окно с вышивкой) или *тйрлеман карниз она* (подкарнизная доска с вышивкой). В восточномарийских говорах домовая резьба называлась *чылдар* (кружево).

Во второй половине XIX века марийцы для украшения жилых домов стали применять характерные для русского населения поволжских и центральных губерний рельефную и прорезную (пропильную) технику резьбы. Жилища с рельефной резьбой встречались у марийцев приволжских уездов края (Чебоксарский, Казанский, Козьмодемьянский). Рельефным орнаментом, выделяющимся на углубленном фоне доски, украшались преимущественно подкарнизная плоскость и верхняя часть наличника. Пропиловочная техника, выполняемая простыми или сквозными ажурными прорезками и пропилами по шаблонам, ввиду большей легкости и доступности, получила среди марийцев в конце XIX — начале XX веков повсеместное распространение. Прорезными и пропильными узорами украшали многие детали жилища: боковые доски-причины и внутреннее края фронтона, доски карниза и наличника.

Наиболее сложные прорезно-пропильные узоры встречались у горных марийцев, перенимавших технику и орнаментацию городской резьбы Среднего Поволжья (Козьмодемьянск, Васильсурск). Наряду с орнаментальными мотивами, характерными для русского народного искусства (вьющиеся ветки растений, вазоны, парные животные, предстоящие у дерева), использовались и мотивы, традиционные для марийцев (утка, голова коня, веревочка, хвойная ветка, геометрические узоры и т.д.).

Влияние татар нашло отражение в своеобразном оформлении на дощатом фронтоне слухового окна — отверстия в виде различных геометрических фигур (четырёх- и треугольное, круглое, полукруг-

*Образцы прорезной и рельефной
техники резьбы*

на другие строения. Нередко резьбой украшались столбы и доски под крышей ворот. Ограждение галереи на втором этаже клетки-амбара отделывалось декоративной решеткой.

В послеоктябрьский период жилище марийцев стало более разнообразным по используемым стройматериалам, типологии и планировке, обогатилось по внутреннему убранству и наружному декору.

В 20—40-е годы изменения выразились в появлении новых типов жилища. Преобладающими были изба+сени и изба+сени+клеть. Несколько увеличилась доля домов-пятистенков, появились различные типы многоквартирных ведомственных коммунальных домов (от 2—3-квартирных до 4—12-квартирных двухэтажных). Многоквартирные возводились преимущественно в центральных и лесных поселениях. Увеличивалась комнатность жилищ. Дома с отдельной кухней (иногда и спальней) составляли более половины. Обновление интерьера выразилось в начавшейся повсеместно оклейке стен, окраске полов и оконных рам, развешивании оконных штор, дверных и других занавесок, украшении стен репродукциями с картин, фотографиями в рамках. В марийских избах появилась нетрадиционная мебель (койки, этажерки, комоды, шкафы), культурно-бытовые предметы (настенные часы, радиорепродукторы, швейные машины, комнатные цветы, зеркала, утюги, музыкальные инструменты). В отдельные населенные пункты пришло электричество. Однако обновление происходило неравномерно — сказывались локальные и социальные различия. Новые явления в основном входили в быт жителей центральных, пригородных, пристанционных селений, в жилища рабочих и интеллигенции.

Наиболее динамичные изменения марийского жилища произошли в послевоенные десятилетия, особенно в 60—80-е годы, что было

лое, в виде полумесяца и т.п.). Постепенно оно превращалось в небольшое оконце из рамы со стеклом. По примеру татар иногда над ним устраивалось "сияние" в виде веерообразно прибитых планок. Обычно марийцы для украшения жилищ не применяли окраску. Однако живущие по соседству с татарами постепенно стали раскрашивать наличники окон, а также планки "сияния" слухового окна.

Состоятельные марийцы различным образом украшали крыльцо (резной узор под крышей, фигурные колонны-опоры крыши, решетчатые перила). Декор стал распространяться и

связано с ростом материально-технической и финансовой базы сельскохозяйственных предприятий, строительных и проектных организаций, подъемом жизненного уровня населения.

Современные жилища марийцев, наряду с традиционными срубными избами, представлены также домами из нетрадиционных стеновых материалов: кирпича, шлакобетона, арболита, блоков и панелей. Покрытия крыши из шифера, рубероида и листового железа преобладают над традиционными из досок. Наряду с традиционными типами жилищ, на селе застроены различные современные типы одно-двухквартирных и многоквартирных домов, разработанных местными проектными институтами.

Более разнообразна планировка и внутреннее убранство жилища, в нем выделяется несколько комнат. Помимо известных северо-среднерусской и южнорусской планировок в последние десятилетия повсеместно распространилась современная нетрадиционная планировка избы. При этом печь ставится на некотором расстоянии от стен, ближе к середине избы, челом обращается к глухой стене, в которой прорубается дополнительное окно. Такая планировка более способствует увеличению числа комнат и их вариаций (прихожая, кухня-столовая, гостиная, спальня), приближая их к городской планировке. Различные варианты последней представлены в типовых многоквартирных домах, в которых введены в различной степени коммунальные услуги. Новым явлением можно считать повсеместное распространение домов с верандами, используемыми в качестве летней спальни или кухни-столовой.

В современном марийском жилище происходит дальнейшее совершенствование внутренней обстановки, обновление многих его элементов. Интерьер домов определяют современная фабричная мебель (кровати, диваны, шифоньеры, книжные полки или шкафы), предметы культурно-бытового обихода (телевизоры, радиоприемники, магнитофоны или проигрыватели, музыкальные инструменты) и декоративного убранства (картины, ковры, паласы и др.), хотя продолжает бытовать некоторая традиционная мебель и утварь.

Для наружного декора марийского жилища заметным явлением стала простая или фигурная обшивка стен (особенно фасада) с последующей окраской. Применяется более разнообразная отделка фасада архитектурными деталями (слуховое рамное окно, балкон, мезонин) и резьбой. Наиболее популярной стала пропильно-накладная резьба, как бы совместившая в себе прежние пропильный, рельефный и выемчатый виды. В орнаментации сочетаются традиционные и современные, исконные и заимствованные узоры. Повсеместно распространились такие формы декора, как полихромная (многоцветная) раскраска наличников окон и деталей фронтона и украшение последнего ложной (накладной) решеткой, закругление нижних его углов, характерные для декора татар и чувашей. Нов-

шеством является украшение кирпичных домов — узорная кладка стены фасада в виде орнамента красными кирпичами на белом фоне из силикатных кирпичей. Встречается также роспись по сухой штукатурке, которой украшаются края оконных проемов, имитируя наличник.

Костюм

Народный костюм — одно из самых ярких проявлений культуры этноса, где отражаются представления о красоте и целесообразности. Формы костюма зависели от природно-климатических, социально-экономических, исторических условий.

Марийский костюм, как мужской, так и женский, состоял из рубахи, штанов, кафтана, пояса с подвесками, головного убора, обуви. Женский костюм дополнялся украшениями. Традиционный костюм производился преимущественно домашними способами. Одежда и обувь марийцев изготовлялась из холста (*вынер*), чаще из конопляного, реже — льняного, домашнего сукна (*штраш*) и полусукна, выделанных шкур животных, шерсти, лыка.

Мужская одежда марийцев подвергалась влиянию русского костюма, что было связано с большой подвижностью этой части населения, поскольку мужчины занимались кустарными и отхожими промыслами и быстрее воспринимали русскую и фабричную одежду. Однако в костюме марийцев-мужчин сохранились специфические черты, проявляющиеся в покрое, отделке, способе ношения тех или иных элементов костюма вплоть до 20—30 годов XX века.

Традиционная нательная рубаха (*тувыр*) имела туникообразный покрой. Перегнутое пополам полотнище составляло перед и спинку рубахи, к нему пришивали рукава под прямым углом в ширину точи холста, а под рукава к стану пришивали боковины в виде прямоугольных полотнищ, перегнутых по продольной нитке. У различных локальных групп марийцев рубаха различалась расположением разреза на груди. Старинные мужские рубахи части луговых (Уржумский уезд) и восточных (уральских) мари шили с правым асимметричным грудным разрезом. Левый грудной разрез был на рубахах небольшой части луговых марийцев Яранского уезда. Рубаха с центральным грудным разрезом бытовала среди горных, части луговых и восточных марийцев. Грудной разрез традиционной мужской рубахи скреплялся при помощи двух нитяных завязок. Рубахи шили с подоплекой (*тун*) из грубого посконного холста, с ластовицами (*олто*, *кыштек*). У горных мари ластовицы делали из кумача. Мужские рубахи в середине XIX века были длинными — ниже колен. Однако к началу XX века они становятся значительно короче — не достигают и середины бедра.

*Старинный костюм луговых мари Уржумского уезда.
Женский головной убор шурка бытовал
до середины XIX века*

Вышивка (*тӱр*) на рубахах располагалась у ворота, у грудного разреза, на спине, на обшлагах рукавов и на подоле. Это было связано с древними представлениями мари́йцев — все отверстия и края одежды должны быть защищены от болезней и сглаза. В орнаментации одежды присутствовали половозрастные и социальные знаки. Импровизация вышивки — более позднее явление. Вышивка выполнялась преимущественно красными шерстяными или шелковыми нитками различных оттенков от темно-красного до коричневого. Праздничные рубахи дополнительно украшались позументом, монетами и тесьмой. У восточных мари наряду с холстом рубахи шили из пестряди. С конца XIX века среди мари́йцев начинает распространяться русская косоворотка из фабричных тканей. К этому

времени она наиболее широко бытовала в качестве праздничной одежды среди горных марийцев.

Штаны (*йолаш*) луговых и горных марийцев были с узким шагом, у восточных — с широким. Традиционные мужские штаны шили из домашнего белого холста. С начала XX века для этой цели начали употреблять окрашенный холст или пестрядь (у восточных). Зимой носили штаны из домашнего полусукна. Праздничные (*сулма*) шили из фабричных тканей темной расцветки. У группы горных мари для этой цели приобретали хлопчатобумажный бархат (*плис*).

Пояс (*йштö*) был незаменимой деталью мужской одежды и выполнял не только утилитарную функцию — к нему подвешивали ножны, кожаные мешочки для табака, огнива и трута, кошелек для денег и т.д., но он также был снабжен и различными привесками, игравшими роль оберегов. У марийцев бытовали различные тканые пояса из шерстяных, шелковых и конопляных ниток. Популярными были кожаные ремни. Свадебные и праздничные мужские пояса украшались бисером, серебряными монетами, иногда вышивкой.

Кафтан — важная часть традиционного мужского костюма. Летом носили легкую распахнутую верхнюю одежду из белого холста (*шовыр*). Она была двух типов: прямой туникообразный кафтан и кафтан-борчатка. Первый бытовал у большинства луговых и восточных мари. Второй был распространен среди горных и части луговых марийцев. Борта праздничных кафтанов украшались кумачом, тесьмой, у луговых марийцев — вышивкой.

Демисезонные кафтаны (*мыжер*) шили двух типов: прямоспинный туникообразного покроя с шалевым воротником и туникообразный прямоспинный с клиньями в боках и запахом на левую сторону. Будничные кафтаны шили из домашнего черного сукна, праздничные — из белого. Белые кафтаны обшивались черной домотканой тесьмой. Состоятельные семьи употребляли на праздничные кафтаны фабричное сукно. У восточных марийцев, наряду с вышеописанными кафтанами, бытовала верхняя одежда, характерная для тюркского населения (*камзол*, *легкий бешмет*).

Зимней мужской верхней одеждой была шуба (*ужга*, *кўрык*) прямоспинная или отрезная в талии, преимущественно из овчин, окрашенных в красноватый или черный цвета. Нередко их крыли холстом или сукном. Наиболее ценной считалась шуба, покрытая фабричным сукном. В сильные морозы или в пути пользовались тулупом и аязом. Тулуп по покрою не отличался от прямоспинной шубы, но был значительно длиннее и имел большой воротник. Азиям шили из толстого грубого домашнего сукна в виде халата с большим воротником. Он применялся теми, кто занимался извозом.

Среди летних мужских головных уборов марийцев преобладали валяные шляпы (*теркупи*) разнообразной формы. Шляпы валяли

в домашних условиях, праздничные из белой шерсти, повседневные — из черной. С конца XIX века в костюм мужчин проникает картуз, который вначале становится принадлежностью костюма молодежи. Впоследствии фуражка, заменившая картуз, вытеснила все другие типы летних головных уборов. Зимой мужчины надевали шапки (*ули*) с овчинным околышем и суконным верхом и шапки-ушанки, сшитые из овчины и сукна.

Основной обувью мужчин были лапти (*йында*л, *йыда*л), сплетенные из семи лык с оборами из этого же материала. Марийские лапти сочетали прямое и косое плетение. Подошва у них была двойной. Их всегда носили в комбинации с онучами, летом — холщовыми, а зимой — суконными. В дождливую погоду под лапти обували кожаные мягкие сапоги-бахилы.

Из кожаной обуви мужчины носили сапоги (*кем*). Восточные марийцы использовали сапоги-коты с суконными и войлочными голенищами, которые были восприняты от башкир. Кожаная обувь ценилась. Наиболее модными считались сапоги со сборами в нижней части голенища. Зимой носили валенки (*портыш*кем, *межге*м). Среди состоятельных марийцев были популярны узорные валенки. Служащие носили городской костюм.

Женский народный костюм марийцев отличался большим разнообразием. Основу женской одежды составляла рубаша (*тувыр*) туникообразного покроя, которая шилась так же, как и мужская. Хотя рубаша у всех групп мари была однотипной — туникообразной, но существовали локальные отличия в покрое нижней части рубахи и рукавов, в расположении грудного разреза, а также в характере орнаментации.

Немаловажное значение для выделения вариантов женской рубахи имеет расположение грудного разреза. Он мог быть на правой стороне и в центре. У луговых марийцев бытовали оба этих варианта. У горных — преобладал центральный разрез. Вероятно, размещение грудного разреза в центре основной точки холста возникло позднее — во второй половине XIX века.

Марийский народный костюм богато украшался вышивкой. Старинная марийская вышивка была плотной и четко очерченной. В древности вышивка выполняла защитную и продуцирующую функцию, указывала на социальное положение и принадлежность к той или иной этнической группе.

Орнаментация рубах различных локальных групп имела специфические особенности, определявшиеся давними традициями. Женские рубахи различных территориальных групп луговых мари также имели особенности и в украшении вышивкой. Орнаментация различалась не только местом расположения на рубахе, но и цветовым сочетанием, сортом ниток, мотивами вышивки. Наиболее богатой отделкой отличалась женская рубашка мариек Царевококшайского уезда, на которой вышивка располагалась не только на груди, концах рукавов, подоле, как на рубахах большинства луговых ма-

Праздничный костюм горных мариек

риек, но и вдоль всего рукава, вдоль швов, на спине. Для орнамента такой рубахи марийки этого уезда применяли крашеную шерстяную пряжу, в отличие от мариек Уржумского уезда, где с первой четверти XIX века вместо шерсти использовали шелк-сырец, окрашенный в домашних условиях. Отделка рубах лентами, тесьмой, пуговицами, бисером, как и расположение вышивки, определялась также давними традициями.

В конце XIX века у горных мариек рубаха имела скудную орнаментацию, хотя до середины этого столетия она отличалась богатой вышивкой. Изменение ее характера объясняется вытеснением конопляного холста тонкой дмотканиной из фабричных ниток, вышивка соответственно стала мелкой.

Женская рубаха восточных мари имела свою особенную эволюцию: из белой холщевой стала пестрядинной. Рубаха туникообразного покроя приобрела широкий подол, вышивка заменилась тканым узором, оборками, лентами. Рубаха данной группы приобрела вид башкирской и татарской рубахи.

Отличались рубахи различных территориальных групп и способом ношения: в северной части края она подбиралась поясом так, что складки собирались спереди; в южной части Уржумского уезда складки на рубахе располагались сзади и над бедрами; у горных мари — поддерживалась высоким напуском.

Обязательным элементом мариийской женской народной одежды являлись штаны из белого холста. Штаны были характерным элементом в одежде тех народов, которые были тесно взаимосвязаны с тюркским населением. Среди луговых и гор-

ных мариек бытовали штаны с узким шагом, у восточных — с широким.

Верхняя одежда в традиционном женском костюме представлена кафтанами: летними из белого холста, осенне-весенними из сукна, зимними суконными утепленными кафтанами и шубами из овчин. Летние и теплые кафтаны в целом имели однотипный покрой (прямоспинные, отрезные в талии), но отличались локально. Верхняя легкая одежда из ткани была трех типов: туникообразная (Царевококшайский, Яранский уезды Вятской губернии); с выкройной проймой и отрезной талией (Козьмодемьянский уезд Казанской губернии); переходного типа (Уржумский уезд). Позже отрезной в талии кафтан, бытовавший у горных мариек, появился в комплексе одежды луговых. Что касается восточных марийцев, то у этой группы были распространены кафтаны, характерные для луговых и горных мариек, а также кафтаны тюркского покроя (*камчол*, *пешмет*).

В холодный период осени и весны марийцы носили теплую верхнюю одежду из домашнего сукна (*мыжер*) с суженными к кисти рукавами, по покрою аналогичную летней. Характер ворота зависел от назначения этой одежды. На праздничных кафтанах ворот был открытым, на будничных — закрытым. Праздничные кафтаны шили из белого или серого сукна и украшали по краям фабричной тесьмой. На будничные кафтаны употреблялось сукно коричневого или черного цвета.

По покрою зимние суконные кафтаны не отличались от весенне-осенних. Они лишь утеплялись в верхней части. Зимой женщины надевали шубы из овчин черного или коричнево-красного цвета. Шили шубы со швом на плече, отрезными в талии, а ниже талии сборчатыми, а у горных мариек украшали желтым мехом (котик). Количество шкур, употребляемых на шубу, зависело от состоятельности заказчика. Богатой считалась шуба с большим количеством сборок, на которую уходило 10—12 овчин. Наиболее ценной у всех групп марийцев считалась шуба, покрытая фабричным сукном.

Пояса, передники и поясные украшения являлись важной частью марийского костюма. Пояса подразделяются на два вида — повседневные и праздничные. Будничные пояса длиной 2 — 2,5 м и шириной 2—4 см ткали из разноцветной шерстяной, реже шелковой пряжи. К таким поясам привешивались кошельки для хранения денег, ниток, иголок и т.п. Празднично-обрядовые пояса украшались монетами, кистями, бусами, пуговицами. Для опоясывания верхней одежды применяли самотканые шерстяные кушаки (*пота йштö*). С конца XIX века в костюме мариек появляются яркие фабричные кушаки.

На поясе женщины носили холщовые вышитые поясные подвески — однолопастные или двулопастные узкие поясные полотенца с вышитыми концами. У луговых мариек поясные подвески сохранялись в свадебно-ритуальном костюме до 40-х годов XX столетия.

Современный праздничный костюм восточных мари

Передник (ончылшовыч, ончылсакыш, анзылвач) был важной частью костюма. Бытовало два подтипа передников: ранний (традиционный) — без грудки, поздний — с грудкой. Передник без грудки подразделялся на два варианта: первый состоял из одной точки холста и украшался вышивкой, тесьмой, кружевом; второй — из одной точки холста с двумя боковыми половинками, украшался вышивкой из шелковых ниток. Первый бытовал у луговых мариек Царевококшайского уезда, второй — в Уржумском уезде. Передник с грудкой вошел в состав костюмного комплекса мариек с конца XIX века. У восточных мариек передник украшался тканым узором, лентами, позументом, бисером, блестками.

Головной убор в общем комплексе женской одежды занимал одно из самых важных мест. Он был знаком, указывающим на возраст, общественное положение носительницы. Головные уборы подразделяются на девичьи и женские.

Сложные головные уборы типа повязок в прошлом широко бытовали среди марицев, об этом свидетельствуют археологические материалы. Было два варианта девичьего головного убора: повязка-венец, сплетенная из шерстяных ниток и украшенная бисером и монетами, и повязка-венец на кожаной основе с монетами. Бытовавшая прежде повсеместно полусферическая шапочка (*такия*) сохранилась у восточно-марицких девушек в качестве свадебного наряда. Подобный головной убор широко был распространен у

тюркоязычных соседей. Основным головным убором был платок, будничный из холста, в праздники — покупной, фабричный. Платок складывался по диагонали, а концы завязывались на подбородке.

Замужние женщины носили головные уборы различных типов: 1) каркасные, остроконечные (*шурка и шымакш*); 2) лопатообразные (*сорока*); 3) мягкие полотенчатые (*шарпан*); 4) платки. Женские головные уборы мариек имеют сложное происхождение. Наиболее древним, как следует из первого письменного упоминания о марийских головных уборах А. Олеария, можно считать высокий головной убор на каркасе (*шурка*). Он представлял собой берестяной или кожаный остов высотой до 40 см, обтянутый кумачом с длинной холщовой лопастью сзади, которая прикреплялась к поясу. Этот богато украшенный монетами головной убор в прошлом был распространен среди всех групп марийцев.

Древний марийский женский головной убор находит аналогии с подобными уборами других народов: мордвы, удмуртов, казахов. Вероятным источником его считается скифский.

Шымакш представлял собой прямоугольный кусок холста (55x20 см), верхний конец которого сшивался остроконечно. Весь головной убор богато украшался вышивкой. На голове он закреплялся при помощи берестяного или войлочного колпачка. Шымакш — также один из древних головных уборов марийцев, который бытовал не только среди женщин, но и мужчин. Наиболее древний его вариант имел несколько иную форму. Он не имел твердого остова, состоял из прямоугольного куска холста, сшитого с одной стороны в виде башлыка. На самом конце убора имелась небольшая орнаментация вышивкой, состоящей из трех розеток. Подобный башлык закреплялся на шее при помощи нитяных завязок. Шымакш был преобладающим головным убором и среди восточных мариек. Манера ношения шымакша была различна и заключалась в расположении остроконечной части убора на голове.

Сорока — второй тип каркасного головного убора. Она состояла из очелья, державшегося на твердой основе из бересты или кожи. С боков к очелью пришивались завязки или крылья. Конец головного убора спускался на плечи. Головной убор надевался на холщовую шапочку — волосник. С начала XX века начинается постепенное уменьшение очелья сороки.

Сорока не является архаичным женским головным убором марийцев. Она была воспринята от русского населения в период христианизации. Переняв форму головного убора, марийцы перенесли на нее свои орнаментальные мотивы.

Третий головной убор, бытовавший у всех трех этнографических групп народа, был составным. Он представлял собой мягкий полотенчатый *шарпан* из холста, носившийся всегда в комбинации с *нашмаком*. Шарпан представлял собой полотенце длиной до 2 м, богато украшенное по краям вышивкой, тесьмой. Нашмак — узкая орнаментированная полоса холста, которая прикреплялась к шар-

Современный праздничный костюм вятских мари

пану на темени с помощью металлических заколок. У луговых маришек нашмак был длиной около 20—25 см, шириной 5 см, у горных — соответственно — 45—50 см и 4 см. У разных этнографических групп имелись различия не только в размерах нашмака, орнаментации, но и в способе ношения головного убора в целом. Луговые маришки шарпаном закрывали полностью шею, затылок и косу, горные маришки им закрывали шею и косу. Шарпан восточных маришек носился без нашмака. В теплое время года они полотенцем обертывали голову, спуская один конец на спину, а в прохладную погоду им закрывали еще и шею.

В начале XX века шарпан луговых маришек видоизменился, разделившись на две части: *кумлукан шарпан* — верхнюю, короткую часть, закрывающую голову, и *шарпан поч* — "хвост" головного убора, прикреплявшийся к первой.

Полотенчатый головной убор (*шарпан*) имеет прямые аналогии с уборами тюркских народов: башкир, татар, чувашей, с которыми маришки жили в близком соседстве.

Четвертый тип — платок из холста с вышивкой. Его повязывали поверх остроконечного шымакша и сороки. Поверх первого головного убора надевался треугольный платок, на второй — четырехугольный. Зимой надевали теплые платки-шали, сотканые из шерстяных ниток.

Обязательной принадлежностью свадебного наряда невесты всех групп маришцев было богато вышитое покрывало (*вүргенчык*), которое сшивалось из трех полос холста. В начале XX века холщовые

покрывала выходят из употребления, заменившись фабричными шелковыми платками.

Шапки (*уши*) употреблялись в зимний период. У луговых мари-ек бытовала высокая шапка с суконным красным верхом и лисьей опушкой. У горных мари меховая опушка была из бобра, верх также украшался фабричной тесьмой. У последних шапка такой формы вышла из употребления к концу XIX века. Шапка с лисьим мехом сохранилась в свадебном костюмном комплексе мари-ек северо-восточных районов Марий Эл до наших дней. Шапки из мерлушки в виде кубанки с круглым суконным верхом бытовали среди луговых и горных мари-ек. У луговых мари-ек такие шапки использовались в качестве свадебного головного убора невесты, а также праздничного зимнего головного убора женщин.

Каждому вышеописанному женскому головному убору соответствовали определенные типы причесок, которые отличались сложностью. Девушки-мари-йки, как и девушки многих народов Европы, заплетали волосы в одну косу. Смена прически на женскую происходила во время свадебного обряда, чему следовала и смена головного убора. Это символизировало переход девушки в группу замужних женщин.

Традиционная обувь мари-ек подразделяется на три типа: лыковую (будничная), кожаную (праздничная) и валяную (зимняя). Самой распространенной обувью мари-йцев были лапти. Повседневные лапти плелись из семи лык, а праздничные — из девяти. Праздничные лапти иногда в носовой части украшались красной лентой, вплетавшейся вместе с лыком. В весенне-осенний период к ним пришивали деревянную подошву (*кõтõрма*) высотой 3—4 см, чтобы в обувь не проникала вода.

Оборы лаптей обычно были свиты из лыка или шерсти. Лапти горных мари-ек имели очень маленькую головку шириной 1,5—2 см, поэтому к ней прикреплялись тонкие веревочки из лыка, чтобы они лучше держались на стопе.

Поволжские мари-йки всегда носили лапти в сочетании с белыми холщовыми и черными суконными онучами, причем первыми обертывались ступни, вторыми — голени ног. Способ обувания ног имел четко разграниченные территориальные особенности, заключавшиеся в украшении шерстяных онучей и в способе завязывания обора. Горные и часть луговых (Царевококшайский, Яранский уезды) мари-ек завязывали оборы у колена, женщины Уржумского уезда — на середине голени. Суконные праздничные онучи луговых мари-ек украшались тесьмой, бисером, пуговицами, монетами.

Из липового лыка, а иногда из бересты, плели "ступни". Данный тип обуви использовался редко и только во время домашних работ.

Кожаная обувь очень ценилась, ее старались надевать только в праздничные дни. У поволжских мари-ек употреблялся один тип сапог, нижняя часть голенища которых была собрана в гармошку. В большей степени кожаная обувь была распространена среди вос-

точных мари́йцев, в частности, среди уральских, которые проживали ближе к промышленным центрам и в большей степени занимались промыслами и отходничеством. Валенки — зимний вид обуви — носили представительницы всех этнографических групп.

Одежда мари́йцев функционально подразделялась на повседневную, праздничную и обрядовую. Праздничный костюм по составу предметов, по форме и покрою во многом повторял будничный, однако выглядел более нарядно и красочно. Его богато украшали вышивкой, тесьмой, позументом, бисером, монетами. Народный костюм был тесно связан с обрядовой стороной жизни крестьянства. Наиболее красочна мари́йская свадебная одежда. Большое значение придавалось одежде невесты, жениха, а также костюму специальных участниц свадебного обряда — поезжанок. Особенностью свадебного костюма было наличие суконных кафтанов и меховых шапок в любое время года. Немаловажное значение в свадебной обрядности мари́йцев играло приданое невесты, в состав которого входили не только одежда девушки, но и подарки, которые имели немаловажное значение в приобщении невесты к новой семье. Подарки преподносились всем близким родственникам жениха. В приданом проявлялась состоятельность семьи. Оно имело и престижное значение, так как вышитые элементы одежды показывали мастерство будущей жены.

Комплекты современной праздничной одежды

Свадебная одежда и костюм молодухи в представлении народа выполняли не только эстетическую, но и охранительную и производящую функции. Свадебная одежда жениха и невесты (рубаха, кафтан, головной убор) у марийцев после обряда не надевалась, а хранилась для похорон, т.е. она становилась погребальной одеждой.

У каждого народа, как известно, существовали свои эстетические представления об одежде. У марийцев традиционным ее цветом был белый. Белый цвет — специфическая особенность марийского костюма.

В развитии марийской народной одежды известную роль играли различные по характеру и интенсивности историко-культурные взаимовлияния не только с финноязычными, славянскими и тюркскими, но и более далекими народами.

Марийскому традиционному народному костюму, как и одежде многих других народов Восточной Европы, были присущи, с одной стороны, традиции, связанные с земледелием, которые преобладали, а с другой — влияние южной степной скотоводческой культуры. Элементами одежды, приспособленными к земледелию, возникшему на лесных традициях, являлись: пояс, игравший утилитарно-практическую роль — к нему привешивали топор, нож; узкие штаны; подпоясанный короткий кафтан; лыковая обувь с холщовыми и суконными онучами. Эти предметы, как известно, не употреблялись кочевыми народами. Прямоспинные кафтаны с боковыми разрезами, штаны с широким шагом у восточных мари указывают на влияние со стороны степной скотоводческой культуры.

Анализ марийского народного костюма в сопоставлении с одеждой, характерной для народов Урало-Поволжской этнографической области — мордвы, удмуртов, чувашей, татар, башкир, позволяет отметить наличие значительного количества общих черт. Сходство элементов костюмных комплексов народов этого региона неоднократно отмечалось в этнографической литературе.

Известное влияние на развитие марийского народного костюма оказала русская одежда. Особенно это отразилось на мужской одежде. Так, марийский мужской костюм второй половины XIX — начала XX веков был очень близок русскому костюму, а у группы горных мари был почти тождествен.

В некоторых случаях взаимосвязи приобретали характер заимствований. Однако заимствованный элемент проходил проверку на соответствие труду, быту, эстетическим и этическим взглядам и понятиям.

Народный костюм на протяжении столетий изменялся, но в то же время не утратил самобытности, сохранив многие свои исконные элементы к началу XX века. Стойкость традиционных видов одежды особенно характерна для женского костюма, так как эта часть марийского населения была менее подвижной и потому менее восприимчивой к стороннему влиянию. Сохранение старинного кос-

Современная одежда горных мари

тюдма несомненно являлось и результатом существования полуна-
турального хозяйства, изолированности деревни от города, живучести
традиционных верований.

С развитием капиталистических отношений в марийской дерев-
не начали появляться представители сельской буржуазии: владель-
цы крупных земельных наделов, различных промысловых заведений,
которые стремились выделиться из основной массы своим костю-
мом. В этот период в одежде ярко отражается имущественная диф-
ференциация. Это проявилось не столько в покрое костюма, сколько
в количестве всего носильного платья семьи, в качестве употребляе-
мых для этого тканей, в видах обуви, обилии украшений и вышив-
ки. Особенно отчетливо состоятельность семьи отражалась в при-
даном невесты — количестве рубаш, предметов верхней одежды и
головных уборов, наличии или отсутствии меховой одежды, в част-
ности шубы, наборе украшений и их качестве. Во второй половине
XIX века зажиточные марийки подчеркивали свое имущественное
и социальное положение количеством фабричных платков и тка-
ней, лент, тесьмы, позумента, кружев.

Переустройство хозяйства и быта в послеоктябрьский период
привело к коренному изменению культуры и быта крестьянства.
Особенностью развития костюма марийского крестьянства в 20-е годы
является отказ от архаичных форм одежды, упрощение вышивки и
отделки. В 30—40 годах традиционный костюм подвергся силь-
ной трансформации в направлении изменения покроя одежды и
характера вышивки. В предвоенные годы зарождаются совершенно
новые формы народного костюма — платье из хлопчатобумажной

белой ткани с оборкой, украшенной вышивкой крестом или гладью, фартук. Продолжается отказ от неудобных традиционных частей костюма.

Великая Отечественная война замедлила процесс трансформации и модернизации народного костюма.

В 50-е годы большинство сельских женщин продолжало носить национальный костюм. Для мужского населения характерен полный переход на городские формы одежды. В 60-е годы девушки и большинство молодых женщин перешли на общегородские формы одежды. Этому в значительной степени способствовало широкое распространение промышленных товаров и подъем материального благосостояния населения. Приверженцами национального костюма оставались женщины среднего и старшего поколения.

В современном быту сохраняются наиболее рациональные и удобные формы народного костюма, такие как черные демисезонные кафтаны, бытующие в основном среди женщин северо-восточных районов республики. У этой же группы и марийцев юго-восточной части республики сохранилась традиционная свадебная одежда. Остальная часть луговых и горных мари на свадьбу надевают праздничные комплексы одежды.

В настоящее время функциональное применение национального костюма все более перемещается в сторону использования его в качестве праздничного и сценического.

Пища и утварь

Традиции питания марийцев складывались под воздействием природно-экологических, социально-экономических и этнических факторов. Они имеют определенную специфику в составе потребляемых продуктов, в способах приготовления и в наборе блюд. В них выявляются общие черты и сходства с кухней родственных и других соседних народов.

Основу традиционной марийской кухни издавна составляла продукция земледелия и животноводства. Немалое место занимает в ней и древний пласт питания, представленный продуктами охоты, рыболовства и собирательства.

Пища из продукции земледелия и огородничества. Важнейшими компонентами для ее изготовления являлись мука (*ложаш, лашаш*) и крупа (*шўраш, шбїрїш*). Муку, помимо зерновых культур, получали также из гороха и конопляного семени. Крупа употреблялась издавна овсяная, ячменная, пшенная, полбенная, позднее ржаная, пшеничная, гречневая. Хлеб (*кинде, сыкыр*) считался главным продуктом питания (*тўн кочкыш*). К нему воспитывалось почтительное, бережное отношение, что нашло отражение в поговорках: "Киндылан нимо ок шу" (с хлебом ничто не сравнится), "Кинде деч

кугу от лий" (выше, важнее хлеба не будешь). Непочатый каравай хлеба (*тичмаш кинде*) — необходимый атрибут празднично-обрядового стола. Его пекли для молитв и жертвоприношений, на праздники, во время свадеб и похорон.

Поскольку озимую рожь мари́йцы стали культивировать не ранее XVI—XVII веков, то в прошлом хлеб обычно пекли из яровой муки, делая пресное тесто. Пресный хлеб (*шергинде*) долгое время сохранялся в качестве празднично-обрядового. С появлением ржи хлеб нередко выпекали из двух видов муки, то есть ставили тесто на закваску на ржаной муке, а замешивали яровой мукой. Такой хлеб, называемый ярушником, был известен у русских в уездах Вятской губернии.

Повседневный употребляемый в пищу хлеб — это каравай из кислого ржаного теста, выпекаемый на поду печи. Из теста, предназначенного для выпечки хлеба, предварительно пекли два вида лепешек: из незамешенного жидкого теста (*оварчык, аварцы*) и из замешенного, крутого (*салмагинде, селмӓгиндӓ*). Пекли их на раскаленной сковороде обычно к завтраку. Форма их была круглая, по размеру сковороды. Горные мари́йцы селмӓгиндӓ делали в качестве обрядового хлеба. Их пекли к свадьбе, посылали с гостями в качестве гостинца, а в дни престольных праздников и поминований несли в церковь для причта и раздачи нищим.

Пресный хлеб (*шергинде, ширгиндӓ*) — это круглые плоские лепешки размером с каравай, изготавливаемые из яровой муки, замешиваемые на воде или молоке. Их выпекали на поду печи, а в прошлом — в золе и на углях очага. Их готовили к языческим молениям, брали с собой в дальние поездки и отлучки из дому (в извоз, на сенокос, лесные работы, охоту). В качестве праздничного и обрядового печения выпекались также пресные овальные колобки (*эгерче*) из просеянной овсяной, ячменной или пшеничной муки, замешанной на молоке или сливках. У горных мари́йцев *эгерцы* — аналогично приготовленные, но отварные колобки. Луговые мари́йцы отварные колобки называли *подкинде* (п о д — котел, т.е. котловые).

Распространенным кушаньем были блины (*мелна, мелла, меленӓ*) и олады (*изи мелна*), выпекаемые на сковороде. Их делали из овсяной, ячменной, полбенной, просяной, гречишной муки. По способу приготовления различались блины из кислого теста (*шушо мелна*) и пресного (*шере мелна*). Наиболее популярными считались блины из кислого овсяного теста (*шӹльӹ мелна*), позднее пшеничного (*шыдан мелна*) — в качестве празднично-обрядового блюда. Горка блинов, обильно смазанных маслом, — одно из самых необходимых кушаний на праздничном и обрядовом столе. Ими угощали гостей, пекли для молитв и жертвоприношений, свадебных и поминальных обрядов. Во время свадьбы в доме жениха молодежидам в первую очередь преподносили блины и пиво. На следующий день невеста должна была испечь свадебные блины (*орӹен мелна, арвӓтӓ меленӓ*)

и угощать ими участников свадебного обряда. Оладьи также клали с покойником в гроб в качестве подарка умершим родственникам.

Оригинальным блюдом марийской кухни являются слоеные блины — *коман мелна* (к о м — сочень). Это — одно из почетных, престижных кушаний марийцев. В своем традиционном виде они состояли из трех слоев. Нижний слой — сочень из тонко раскатанного крутого пресного ржаного теста, средний — кислое тесто из яровой муки, верхний — жидкая каша из предварительно замоченной на молоке или сметане крупы, иногда с добавлением сырых яиц. Слоеные блины пекли перед огнем на сковороде: вначале сочень, затем на него клали тесто и пекли до появления румянца, наконец сверху заливали кашцей и ставили на огонь в третий раз.

Нередко марийцы пекли двухслойные блины: сочень с тестом или сочень с кашцей. Позднее более популярными стали блины из сочня с картофельным пюре (*паренге мелна, тури меленӓ*), нередко с добавлением конопляного семени. Пеклись также двухслойные блины из кислого теста с кашцей (*шӹрашан мелна, немӹрӓн меленӓ*). Среди восточных марийцев получили распространение заимствованные блины *кыстыви* (перегнутый пополам сочень с кашцей или пюре внутри, с начинкой между двумя сочнями).

При выпечке хлеба обычно пекли ватрушки (*перемеч, шаньга, туткал*) в качестве повседневного и праздничного кушанья. Это — сравнительно позднее, заимствованное блюдо. В качестве начинки использовались творог, картофельное пюре, конопляное семя, ягоды. Иногда для выпечки ватрушек использовали и пресное тесто, тогда они назывались — *шергом перемеч*.

Пироги (*когыльо, кагыль*) делались из кислого и пресного теста с разнообразными начинками. Причем характерно было применение начинки из нескольких компонентов. Крупные пироги делались из кислого ржаного теста при выпечке хлеба. Их пекли для повседневного употребления и обязательно на праздники, по случаю молений и обрядов. Так, для семейных и общественных молений выпекались пироги с мясом (*шыл когыльо*) или субпродуктами (*кӱргӱ йӱрвар когыльо*), для похоронно-поминальных обрядов — из рыбы (*кол когыльо*). В праздничные дни к мясной и рыбной начинке добавляли крупу, репчатый лук, позднее картофель, пекли пироги с начинкой из ягод и плодов (калина, рябина, позднее яблоки). Пироги с начинкой из овощей (свеклы, капусты, картофеля) изготавливались для повседневного употребления. Среди горных и северо-западных марийцев в качестве праздничного блюда пекли круглый пирог — *кравец* — с мясо-крупяной начинкой, заимствованный от местных русских, у которых он назывался караваем. Марийцы, соседящие с татарами, пекли круглый пирог — *палыш* — с начинкой из мяса и сала с крупой между двумя сочнями, с отверстием в верхнем сочне для вливания масла.

Более широкоупотребительными были мелкие пироги из пресного теста, которые готовили на выходные дни и в праздники. Они были печеные и отварные.

Печеные пирожки имели самую разнообразную мелкорубленную или толченую начинку: мясо, субпродукты, кишки, дичь, яйца вкрутую, овощи, крупы, горох, ягоды, плоды, грибы. Нередко начинка состояла из 2—3 компонентов: мясо или субпродукты с крупой и репчатым луком; рыба с яйцом или луком; капуста с конопляным семенем; крупа с зеленым луком или диким чесноком; дичь или кишки с крупой, луком или картофелем; смородина, калина или рябина с медом; морковь с маком; репа с тыквой; яблоки или вишни с медом или сахаром и прочее. Края пирожков зачастую прикрывались своеобразными защипами, имитирующими шнуровой орнамент. Многие виды пирожков употребляли в пищу с топленым маслом: наливали его внутрь, открывая один из концов.

Отварные пирожки являются одним из старинных традиционных блюд финно-угров. Марийцы называли их *подкогыльо*, *падкагыль* (котловые пироги). Сочни делали из тонко раскатанного пресного теста, в качестве начинки закладывали рубленое мясо или дичь с репчатым луком. Иногда в качестве начинки использовали квашеную капусту, грибы, ягоды. Наиболее популярными были пирожки-вареники с начинкой из отжатого творога (*торык когыльо*, *тувыртыш когыльо*), иногда смешанного с сырыми яйцами. Позднее творог стали смешивать с картофельным пюре. Пирожки-вареники отваривали в подсоленном бульоне с добавлением жира, ели их, окуная в топленое масло.

Одним из праздничных кушаний-лакомств марийцев были вареные в масле клецки в виде шариков или мелких лепешек (*йяча*, *йяцä*) из сдобного овсяного, ячменного и пшеничного теста (пресного или кислого) с добавлением сырых яиц, известные у соседних финно-угров и тюрков. Позднее марийцы стали выпекать изделия типа баранок (*калаче*, *клендыр*, *кокурка*) и пряников (*мйгунде* — медовый хлеб).

К числу традиционных повседневных блюд относились каши: густые из крупы (*пучымыш*, *шйрäш немйр*) и жидкие из муки (*немыр*, *лашаш немйр*). В будни варили кашу на воде или молоке, в празднично-обрядовых ситуациях — с мясом, салом или на мясном бульоне. Обрядовую кашу варили во время языческих молений и жертвоприношений (*немырвот*), по случаю засухи (*ййр пучымыш*), на праздник нового урожая (*у пучымыш*). Позднее помимо каш из крупы зерновых культур, гороха, конопляного семени марийцы стали варить кашу из картофельного и тыквенного пюре с добавлением муки. Подобно русским, марийцы варили также кисели из овсяного ситева (*шйльö кышал*) и гороховой муки (*пурса кышал*).

Одним из традиционных кушаний марийцев было толокно (*пушто*), которое варили из солодовой муки. В летнее время из толокна делали холодное блюдо — болтушку (*лапаш*) на воде, простокваше или пахте. Аналогичную болтушку делали и из овсяной, ячменной, пшеничной муки.

К традиционным блюдам относились различные кушанья с использованием конопляного семени. Из него отжимали растительное масло (*нõш-мйй*), толченое семя шло в начинку пирогов и ватрушек, из него варили суп (*нõшмõ шйр*) и кисель (*нõшмõ тувыртыш*). Лакомым кушаньем считались колобочки из толченого конопляного семени, смешанного с хлебным мякишем (*нõшмыгинде*). Во время праздников, посиделок, игр и развлечений молодежь грызла подсушенные конопляные семена, как впоследствии подсолнечные. Конопляным маслом, как и льняным (*йытынйй*), сдабривали холодные блюда, особенно картофель и овощи.

Продукты земледелия и огородничества являлись необходимым компонентом для приготовления первых блюд. Одним из ежедневных блюд считались супы (*шйр, шйрõ, лем, штей*), которые обычно готовили в котле на обед, а в страдную пору — на ужин. В зависимости от основного компонента они назывались — *шылшйр* (мясной суп), *колшйр* (рыбный). Самым распространенным и глубоко традиционным среди марийцев был суп с клецками (*лашкашйр*). Клецки готовились из кислого теста (*шопо лашка, шушо лашка*) и из пресного (*шере лашка*). Клецки обычно формировались путем раскатывания крутого теста в палочки толщиной в большой палец и нарезания их ножом на кусочки (иногда эти кусочки скатывали в шарики). Суп с клецками варили в различном бульоне — мясном, рыбном, овощном, грибном, крупяном, гороховом. Лакомым блюдом считался молочный суп с клецками (*шõран лашка*). При его приготовлении клецки отваривали в кипятке, затем кипятили их в молоке, добавляя сырые яйца. Позднее вместе с клецками отваривали картофель, ставший важным компонентом и в других видах супов. Суп с клецками был распространенным блюдом народов Поволжья.

Овощи употребляли в пищу в сыром виде, использовали как приправу в супы и начинку для пирогов. Репу, брюкву и морковь варили в печи. Капусту и огурцы солили на зиму. С середины XIX века, с массовым распространением картофеля, он занял важное место в пище марийцев.

Блюда из продукции животноводства. В питании марийцев эта продукция издавна занимала определенное место: мясо (*шыл, пызе, йõр, йår, пай*), кровь (*вйр, вйр*), молоко (*шõр, шйжõр, шйшер*) и продукты его переработки, яйца кур (*муно, мйны, чымьне*).

Мясо в летний сезон употреблялось редко, в основном во время праздников и обрядов жертвоприношения. Чаще питались им в зимнее время. Употреблялось в пищу мясо всех разводимых животных и птиц: конина, говядина, баранина, мясо кур, гусей и уток. Конина марийцами признавалась наилучшей жертвой для богов и лакомой пищей. Свиньи и козы разводились не везде, отношение к ним было двойственное. Они считались неугодными языческим богам (*юмын пйрыдымо вольык*), их не приносили в жертву. Свиней не разводили и не употребляли в пищу марийцы восточных районов

края (в основном язычники и двоеверцы), соседящие с татарами, а также живущие среди татар и башкир восточные марийцы, что объясняется влиянием мусульманских традиций. Они же в основном не употребляли в пищу мясо коз. На севере и западе края отношение к свиньям и козам было обратное: сказывалось тесное соседство марийцев с русскими и влияние традиций православия. Немногочисленные приверженцы секты "Кугу сорта" воздерживались от употребления в пищу мяса кур. Мясо употребляли в пищу, отваривая в супах, используя в качестве приправы в кашах и начинки в пирогах. Варили его крупными кусками и подавали отдельно от бульона в качестве второго блюда. Под влиянием русских марийцы позднее тушили или жарили мясо с картофелем и овощами. Животное сало (*коя, шел*) использовалось для заправки и сдабривания пищи, нередко заменяя масло.

Марийцы использовали в пищу кровь (*вѳр*) домашних животных. При забое скота ее бережно сцеживали в чашу с крупой. Крупа с кровью, смешанная для связи с мукой и сырыми яйцами, использовалась для изготовления биточков (*вѳр чунга*), которые отваривали в супе. Эта масса шла также на изготовление вареной колбасы (*вѳр сокта*). Кровь домашних животных и птицы в прошлом использовалась в тесте для изготовления клецек во время свадьбы. Тесто с кровью применялось для изготовления обрядовых блюд и у других родственных марийцам народов. Колбаса (*сокта, шокта*) является одним из старинных традиционных блюд марийцев, как и других финно-угорских народов. Нередко ее готовили без крови. Начинкой такой колбасы являлись крупа и внутреннее сало, иногда с добавлением мелко рубленного мяса или субпродуктов. Ими начиняли промытые кишки, которыми запасались при забое скота. Варили колбасу в котлах — в суповом бульоне, подавали как второе блюдо. Марийцы, соседящие с чувашами, кроме того, набивали кусками мяса овечьих сычуг и запекали в печи. Такой вид колбасы складывали в мешок и засушивали в клетки для длительного хранения. Луговые марийцы, живущие по соседству с татарами, и восточные заготавливали колбасу из соленого мяса (*каж, орлай*), заправленного в конские кишки. Солонину хранили также в бочках в погребе.

Головы и ноги забитого скота обычно оставляли на зиму, причем головы хранили до весны. Один из дней языческого праздника поминовения умерших *Кугече* (мар. — Пасха) назывался *вольык вуй кочмо кече* (день поедания голов скота). Крещенные марийцы делали из ног и голов студень — блюдо, пришедшее в их меню от русских.

Широко употреблялись в пищу марийцами молочные продукты (*шѳр-торык, шѳрвар*). Свежее молоко в основном шло на детское питание. Из молока варили также молочные супы: с клецками (*шѳран лашка*), с капустой (*ковыштан шѳр*), с крупой и сырыми яйцами, позднее с картофелем. Молоко главным образом применялось в переработанном виде. Из него получали масло (*ѳй*) и творог

(*тувыртыш, тывыртыш, торык*). Летом употребляли простоквашу из цельного молока (*торык, тарык*) или кислого кипяченого (*малтыме торык, амалтымы тарык*), предварительно сняв сливки, сметану (*шөрвал, ѓмбал, лай, патыл*). Праздничным блюдом было кипяченое кислое молоко без снятых сливок (*шөрвалан шөр*). На простокваше готовили болтушки из яровой муки и толокна, особенно в летнее время.

Простокваша из цельного молока шла на получение отжатого творога. Простоквашу сливали в специальный холщовый мешочек (*тувыртыш мешак*) с коническим дном для отделения сыворотки (*тувыртышвѓд*), затем отжимали под прессом между двумя дощечками. Горные марийцы отжимали творог из кислого молока, который, разведя водой, употребляли во время сенокоса.

Свежий творог использовался в качестве начинки для ватрушек, традиционных пирожков-вареников и изготовления празднично-обрядовых круглых сырников (*туара, тара*). Подсоленный творог с добавлением сырых яиц и топленого масла формовали в виде круглых булочек шириной в ладонь и ненадолго ставили в печь, употребляя в пищу свежими в течение ближайших дней. Туара были необходимым блюдом в праздники и обязательным во время молений и семейных обрядов. Их укладывали поверх каравай хлеба и поверх горки блинов на празднично-обрядовом столе. На зиму заготавливали большое количество сушеных твердых сырников меньших размеров. Их хранили плотно уложенными боком в плоских, залитых топленным маслом (*ѓян туара* — масляные сырники). В этих плоских они ставились на празднично-обрядовый стол. Восточные марийцы делали также сырники из творога, полученного из кислого кипяченого молока или пахты (*курт*), аналогично башкирам и татарам.

Сливочное масло (*шѓшмѓй*) получали из сливок путем сбивания в долбленом цилиндрическом сосуде (*ѓыравочко, орен вачкы*), с помощью палки с круглым или крестообразным поршнем в нижнем конце. В качестве самостоятельного блюда колобок масла в чашке с холодной водой ставили на празднично-обрядовом столе. Так, во время свадьбы хлебом и маслом угощали жениха и невесту после обмена кольцами. Топленое масло (*пелтымѓй*) употреблялось для смазывания печеных изделий (блинов, лепешек, пирогов, ватрушек, сырников), для сдабривания празднично-обрядовых и повседневных блюд.

Яйца кур в основном употреблялись в период их яйценоскости. Их использовали для сдабривания теста, бульонов и молочных супов, для изготовления биточков из мяса и дичи, слоеных блинов, пирогов, ватрушек, сырников. Повседневными и праздничными блюдами были яйца вкрутую, сваренные в котле, и яичница-селянка (*муныдувыртыш, мунывулашка, мыны плошка*), представляющая собой взбитые яйца, смешанные с молоком, иногда зеленым луком (позже и с картофелем), сваренные в глиняной чаше в духовой печи.

Обрядовым блюдом считалась, кроме крутых яиц, яичница-запеканка, типа омлета (*салмамуну, муноварчык, мыны жаркой*) — взбитые на масле яйца, испеченные на сковороде в духовой печи. Вареные яйца и яичница-омлет являлись необходимым блюдом во время весенне-летних календарных празднеств и ритуалов, в свадебной и похоронно-поминальной обрядности. Яйца клали в гроб умершему.

Пища из продукции охоты, рыболовства, собирательства. Эти древнейшие непроизводящие отрасли хозяйства длительное время занимали важное место в быту марийцев (как и всех финно-угров), а их продукция составляла основу многих блюд марийской кухни. Натуральные продукты широко использовались в марийской кулинарии вплоть до конца XIX — начала XX веков, входили в число необходимых компонентов при приготовлении разных традиционных блюд.

Большое место в рационе питания марийцев занимала дичь. Из диких животных они употребляли главным образом мясо лося, оленя, медведя, зайца, белки, из птиц — уток, глухарей, тетеревов, куропаток, рябчиков. Двойное отношение было к лебедям, диким гусям и журавлям. Большинство марийцев считали грехом преследование и употребление их в пищу, называя их *юмын кайык, йымын кек* (божьи птицы).

Дичь обычно варили в супах. Мясо животных отваривали крупными кусками, боровую и водоплавающую птицу, а также белку, после разделки, — целыми тушками. Хранили мясо в соленом или засушенном виде. Рубленое мясо дичи использовали также в качестве начинки для печеных и отварных пирогов. Из рубленой зайчатины, смешанной с крупой, мукой и сырыми яйцами, делали биточки (*меран чунга*). Мелкую дичь (заяц, белка) и птицу с крупой тушили в печи в глиняных горшках. Позднее стали тушить дичь с картофелем. Охотники, долго промышлявшие в лесу, применяли старинный подручный способ тушения птицы. Ее покрывали слоем глины и пекли в костре. По готовности вместе с глиной с птицы снимались перья и пух. Мелкую дичь и птицу приносили в жертву низшим божествам во время частных молений за благополучие домашнего скота и птицы и в случае их болезней.

Традиционно любимой пищей марийцев была рыба (*кол*). Она широко использовалась для приготовления повседневных и празднично-обрядовых блюд. Обязательными они считались в похоронно-поминальных обрядах. Рыбу употребляли в вареном, соленном, сушеном и вяленом виде. Наиболее распространенными блюдами были уха (*колишёр, кол лем*) и пироги из рыбы. Среди горных и ветлужских марийцев популярным считалось блюдо *кол плошка*. Разделанную рыбу целыми тушками или кусками укладывали в глиняную плошку, заливали водой или молоком, смешанными с сырыми яйцами, и ставили в духовую печь. Позднее среди марийцев распространилось жарение рыбы в сковороде с добавлением яиц

и картофеля. Известны и старинные способы, сохранившиеся среди рыбаков. Они выпекали рыбу, нанизанную на прутьях с развилкой, в огне костра, употребляли в пищу и сырую рыбу. Иногда мелкую сушеную рыбу мололи на ручной мельнице и эту муку использовали для супа и начинки пирогов.

В традиционной марийской кулинарии широкое применение находили дикорастущие ягоды и плоды. Их употребляли в свежем виде, на зиму запасали в сушеном или моченом виде. Из свежих ягод земляники (*снеге, изимёр*), клубники (*кугумёр*), малины (*эныж, ынгыж*) делали холодные супы на молоке. Эти же ягоды, а также чернику (*модо, муды*) и смородину (*шоптыр, шаптыр*) использовали в качестве начинки для пирогов и ватрушек. Ягоды сушили в виде блинчиков, используя осенью и зимой для начинки, а также для заварки чая. Пироги пекли и с начинкой из ягод калины (*полан, шоршо, шаршы*), рябины (*пызле, пйзълмы*), черемухи (*ломбо, ломбы*) с добавлением меда, позднее сахара. На зиму рябину хранили на сеновале, бруснику (*пöчыж*) и клюкву (*турнявöчыж, тырнявöчыж*) мочили в бочонках и кадках. Летом в качестве приправы в суп использовали дикорастущие травы: борщевник (*полдыран, киндйвöч*), крапиву (*нуж, почкалмыш*), дикий чеснок (*юа*), медуницу (*чечкевондо, цйшпöль*), щавель (*шинчаланшудо, шапшуды*), сныть (*серде, седйрö*) и другие. Стебли борщевника вначале отваривали отдельно, чтобы удалить зеленый сок. Отварной борщевник также солили и квасили, ели его со сметаной или растительным маслом. Дикий чеснок добавляли в качестве одного из компонентов в начинки для пирогов. Многие из трав употребляли в пищу в сыром виде. Лакомством детей и молодежи считались еловые и сосновые марёшки (*кожгичке, кожмёр, пйнчыгичке, йöктёмёр*).

Для марийской кухни характерным было использование грибов (*понго, понгы*). Их употребляли в вареном, сушеном и соленом виде. Свежие и сушеные грибы служили приправой в супах, использовались в качестве начинки для пирогов. На засолку шли пластинчатые грибы, предпочтительно грузди и рыжики. Губчатые грибы собирались на засушку. Жареные грибы марийцы стали потреблять сравнительно поздно под влиянием русской кухни. Жарили на сковороде с добавлением картофеля и лука.

Мед (*мүй*) марийцы считали одним из самых чистых продуктов питания и относились к нему с особой почитательностью и уважением. Его ели с хлебом, пили с чаем, ставили в отдельной посуде на праздничный и обрядовый стол. Каждый пчеловод обычно приглашал на первый мед ближайших родственников и соседей. Мед добавляли для сладости в начинку для пирогов из плодов и ягод, в сладкое блюдо из пареной калины (*полан торык*), в тесто для лепешек-пряников (*мүйгинде*).

Напитки. В традиционный набор напитков, употребляемых марийцами, входили безалкогольные и алкогольные. По своему происхождению различаются натуральные (родниковая или колодез-

ная вода — *памаш вјѣд, таве вјѣд; колодич вјѣд, клочеч вјѣд*; березовый или кленовый сок — *кузевјѣд, кѡгивјѣд, ваштар вјѣд*; молоко) и специально приготовленные напитки из растительных и животных продуктов. Напитки употреблялись повседневно, изготовлялись на праздники, для ритуально-обрядовых целей, в качестве лечебно-оздоровительных средств.

Из повседневных напитков, помимо натуральных, широко употреблялись простокваша и квашеное кипяченое молоко, разбавленное водой (*торык, йыра*), пахта (*ѡран, орен, йыра*), квас (*шово, шопо, шапы*) из солода, овощные напитки из редьки, репы, брюквы, свеклы (*ушменвјѣд*), подслащенная медом вода (*мјѣвјѣд, шерывјѣд*). Популярны были отвары из дикорастущих трав: кипрея — *чайшудо*, мяты — *пјѣтньыкшудо*, медуницы и других; листьев и ягод смородины, малины, брусники, земляники. Многие из них в прошлом применялись в лечебно-оздоровительных целях, принимались после банных процедур, во время полевых работ в страдную пору. Чай марийцы стали употреблять сравнительно поздно, со второй половины XIX века. Однако наряду с натуральным покупным чаем в смеси с ним в качестве заварки использовались сушеные ягоды (земляника, малина, смородина) и овощи (морковь, свекла). Без чая не обходился повседневный и праздничный стол, на который обычно ставился самовар. Чай стал считаться первым угощением гостей. Его подавали к блинам, ватрушкам, пирогам. Пили его с медом, позже с сахаром, разбавляли молоком. Чай, как и ряд кисломолочных напитков, получил распространение через тюркских соседей.

Древним слабоалкогольным напитком марийцев является хлебное хмельное пиво (*пура, сыра*). Оно употреблялось в качестве празднично-обрядового напитка, который варили в котлах из ржаного, ячменного или овсяного солода (*полто, салат*) и хмеля. Известны два способа выварки пива. Традиционный старинный способ был сложным. Солод и хмель варили в отдельных котлах в родниковой воде. Слитые вместе отвары профильтровывали. Фильтр представлял собой развязанный сноп ржаной соломы, который укладывали на 2—3 деревянные планочки, уложенные поперек пивного корыта со сливным отверстием на дне, в которое вставлялась длинная затычка. Поверх соломы ложили мякину, нередко в 2—3 слоя. Под планками оставлялось пространство (примерно треть высоты от дна корыта) для скапливания профильтрованного пива, которое периодически сливали через отверстие в подставленную под ним посуду. Профильтрованный отвар разливали по бочонкам, добавляли закваску (тесто или ломоть хлеба) и ставили на брожение. С образованием пены по краям сосуда (по выражению марийцев — *пура йштым кучен*, т.е. пиво подпоясалось) пиво считалось готовым к употреблению. Наилучшим сортом марийского домашнего пива являлось ячменное, что нашло выражение в свадебных песнях: "Ужар шонган шож пураже кѡрага йырет савырна" (ячменное пиво с зеленоватой пеной бродит по краям сосуда). Более поздний,

простой и распространенный способ варки пива состоял в том, что солод и хмель кипятили вместе в одном котле. В качестве фильтра иногда использовали решето с уложенной в него мякиной. В прошлом для придания крепости пиву и другим хмельным напиткам вместе с солодом и хмелем отваривали грибковые наросты на дереве. Пиво обычно ставилось на стол в деревянных или берестяных сосудах, разливалось специальным ковшом с резной ручкой и подавалось в пивных деревянных кружках.

К числу крепких алкогольных напитков марийцев относятся изготовленные на меду (*пӱрӱ, пуйыр, шорва*) медовщины, известные многим народам, проживающим в лесной зоне. Способы приготовления браги-медовщины были разнообразные. Ее ставили на кипяченой или холодной родниковой воде, применяли свежий сотовый, очищенный или старый мед, использовали хмелевую или хлебную закваску, ставили на непродолжительную или длительную выдержку, хранили в открытом месте или закопанной в землю. Хранили мед обычно в бочонках из дубовой клепки, стянутых обручами, или в крупных глиняных корчагах, перекрестно стянутых обмазанными глиной или смолой берестяными лентами. Легкие, маловыдержанные медовые напитки потреблялись во время праздников, семейных обрядов. Для молений и жертвоприношений готовили на сотовом меду и длительно выдерживали хмельной напиток — *шорва*.

С распространением христианства в быт марийцев вошли покупные алкогольные напитки. Постепенно во время православных праздников и семейных обрядов крещеные марийцы стали употреблять водку (*ош арака*) и вина (*йошкар арака*). К концу XIX века марийцы Уржумского и Царевококшайского уездов освоили самогонование и стали изготавливать домашнюю водку, аналогичную "кумышке" соседних удмуртов (*кумышка арака, шолтымo арака*). С начала XX века изготовление водки-самогонки распространилось среди марийцев повсеместно.

Посуда и утварь. Для сбора и хранения продуктов, приготовления и приема пищи и напитков марийцы имели необходимый набор посуды и утвари. Их разнообразие и качество во многом определялось социально-экономическим состоянием семьи. В определенной степени в этом проявлялась и приверженность экологическим, конфессиональным и этническим традициям.

Марийцы издавна пользовались металлической, деревянной и глиняной посудой. По археологическим данным, у марийцев конца I — начала II тысячелетия н.э. известны железные и медные котлы, деревянные и металлические чаши, керамическая посуда различных форм. Исследователи быта марийцев отмечали разнообразие их самодельной посуды и утвари.

Для варки горячих первых и вторых блюд использовались котлы (*под, пад*), с появлением духовой печи — горшки (*кӱршӱк, коршок*), глиняные (*шун кӱршӱк*) и чугунные (*чойн кӱршӱк*). Позднее в них

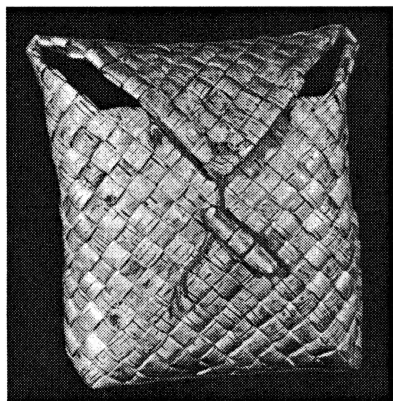
готовили тушеные блюда. Ставили горшки в печь с помощью ухвата (*кõриõккучем, ухват*). Пищу принимали из общей для семьи большой чаши (*кўмыж, цяшкя*), деревянной или глиняной, или из нескольких небольших таких же чашек (*терке*) деревянными ложками (*совла, савала, пане*). Суп в чашки разливали половником (*марласовла*).

Для приготовления хлеба и других печений муку просеивали решетом (*шокте, шакте*) или ситом (*шар шокте*) в начевки (*тыгына, тйгнй*). Тесто (*руаш*) замешивали в долбленной бочке-квашне (*руашвочко, куашна*). Хлеб формовали в караваи в деревянных чашках (*киндерке*) или лыковых кольцах, сажали в печь специальной лопатой (*киндыгольмо*). Тесто для сочней раскатывали на доске с помощью деревянной скалки. Для печения блинов использовались чугунные сковороды (*салма, селмй*), которые ставились в печь с помощью сковородника (*салмавондо, селмйаванды*). В архивных документах у марийцев упоминаются каменные чаши и блюда, на которых пекли хлеб и блины. Очевидно, это была древняя посуда, предшественница сковороды, с помощью которой пекли хлеб, лепешки и блины на углях очага. Не случайно в основе слов *кўмыж* (чаша) и *кўзшташ* (испечь) отчетливо выявляется корень *кў* (камень).

Разнообразна была у марийцев деревянная посуда и утварь собственного производства. Это долбленная цилиндрическая посуда с вставным дном, иногда с крышкой (*ленеж, калнык*), которая использовалась для хранения крупы, масла, творога, меда, сушеных продуктов, в качестве квашни для хлебного и блинного теста. Подобный же высокий и узкий сосуд служил для сбивания масла (*õранвочко, орен вõчки*). Клепаная посуда разных размеров — бочки, бочонки, кадки (*печке, пецкй, вочко*) — использовалась для засолки овощей, грибов, мочения клюквы, брусники и яблок и их последующего хранения. Широко была распространена посуда и

емкости из бересты, лыка, луба, дранки и прутьев: берестяные тусе-бураки (*туйыс, пурак*), лыковые или берестяные солонки (*шинчалате*), лубяные или плетенные из бересты и лыка кузова (*куриш, кырыш, лаче*), плетенные из прута корзины (*воштыр комдо*), гнутые из тонкой осинової дранки лукошки (*шопкегомдо, шуматкомдо*).

Специальная посуда и утварь была связана с изготовлением и употреблением пива. Пиво варили в массивных котлах над очагом в летней кухне, реже в больших горшках в печи. Последние закатывали

Берестяная сумка
для сбора грибов, орехов, ягод

в печь специальными деревянными ухватами с деревянными колесиками на оси (*пураорава*). Пивное сусло размешивали и разливали ковшом с длинной ручкой (*алдыр*), сливали для брожения и хранили в пивных бочках и бочонках (*пуравочко*). Предварительно сусло после варки фильтровали в специальном корыте (*пуравол*) со сливным отверстием на дне поблизости от одного из концов, куда вставлялась длинная палка-затычка (*чыкем*). Пиво ставилось на стол в долбленых или клепаных сосудах (*жбрага, жван*) или берестяных туссах. Разливали его ковшами с длинной резной ручкой (*шушлык, шушкыч*), пили из деревянных кружек с одной ручкой (*корка*) или с двумя (*ташлама корка*).

К домашней утвари, используемой для переработки продуктов земледелия, относились ручные мельницы (*кидвакиш*) с каменными или дубовыми жерновами, ступы (*шуар, шуэр*) с пестами (*шуарвондо, шуэрванды*) для обдирки зерна, производства муки и крупы, толчения конопляного семени. Изредка у марийцев встречались масловыжималки (*йй лукмо стан*) для производства конопляного и льняного масла, аналогичные русским образцам. Необходимой утварью были корытца (*изивол*), в которых рубили и измельчали мясо и овощи, толкли вареные и печеные продукты для последующего изготовления различных блюд. Рубили особо выделанными топориками (*товар, тавар*), толкли толкушками (*туржмо ййш*).

Имеющая древние традиции в быту марийцев глиняная посуда также использовалась в значительной степени. В горшки разливалось цельное молоко для получения последующих продуктов. Глиняные чашки и плошки использовались в качестве тарелок для приема пищи и для варки в печи некоторых традиционных блюд. В глиняных горшках и чашках зимой хранили продукты (масло, творог и прочее). Кружками (*шунгорка*) пили напитки. Крупные сосуды-корчаги использовались для хранения пива и медовых напитков. Большинство видов деревянной и глиняной посуды и утвари аналогичны таковым у родственных финно-угров, как и у соседних народов.

В период капитализма в быту марийцев постепенно стал расширяться набор посуды и утвари фабрично-заводского производства: металлической (самовары, кастрюли, миски, чашки, кружки, ложки, ковши, черпаки, умывальники), стеклянной (бутыли, бутылки, стаканы), фарфоровой (чайники, чашки, блюдца, тарелки). Вначале новая посуда и утварь стала появляться в зажиточных семьях, среди жителей пригородных селений, особенно приволжских, теснее связанных с рынком промышленных товаров, постепенно распространяясь на периферию и среди других социальных слоев населения, хотя и не в широком наборе. Но к концу XIX — началу XX веков большинство марийских семей имело самовар, чайник, кружки, чашки, ложки, стеклянную посуду. Приверженцы секты "Кугу сорта" фабрично-заводскую посуду и утварь отвергали по религиозным соображениям. Язычники и двоеверцы, не отказываясь от упот-

ребления в быту, в ритуальных же целях (во время молений и жертвоприношений) обходились традиционной посудой. К ней относились и издавна традиционно используемые большие многоведерные котлы, в которых варили жертвенное мясо в бульоне и обрядовую кашу.

Дореволюционные авторы нередко отмечали приверженность марийцев к алкогольным напиткам. Однако в прошлом те употребляли пиво и медовые напитки домашнего изготовления умеренно, в основном во время праздников, семейных обрядов и некоторых молений. Крепкие напитки заводского изготовления вошли в их быт сравнительно поздно. Чрезмерное употребление водки и других алкогольных напитков осуждалось общественным мнением. Отношение к пьянству нашло отражение в пословицах и поговорках: "Ара-калан вуйым пуэт — вуетым йомдарет" (отдашься водке — потеряешь голову), "Логар ашыкым чикта" (пьяное горло вынудит одеваться в рогожу), "Кочкын от йом, йуын йомат" (не от еды, а от пьянства разоришься, пропадешь). Участникам свадебного поезда одним из главных напутствий со стороны родителей было пожелание пристойного, тактичного поведения во время обряда: "Ушдам, койыш-шоктышдам сайын кучыза! Кугурак деч лүдса, изирак деч вожылза!" (Ум, голову не теряйте, ведите себя прилично! Старших побаивайтесь, младших стыдитесь!) Широкое употребление марийцами водки и вина в быту и празднично-обрядовых ритуалах связано с массовым их крещением, вхождением в их быт христианских праздников и обрядов.

Визит в гости (*унала каяш*) в прошлом назывался также *кинде дене каяш* (ехать с хлебом) или *пура ййаш каяш* (ехать пить пиво), что подразумевало — преподнести хозяевам хлеб, другие кушанья и насладиться их слабоалкогольными напитками. Отправляясь в гости, марийцы обычно брали с собой следующий стандартный набор гостинцев: каравай хлеба, блины, лепешки (*эгерче*) или булочки (*ййча*), яичницу-омлет (*салмамуно*) и сырники (*туара*). Нередко вместо хлеба и блинов брали толстую лепешку из блинного теста (*кйжгинде*). В особо торжественных случаях (например, первый визит вновь породнившихся семей) к этому набору добавлялись отварная курица или утка, бочонок пива или браги. Впоследствии ассортимент гостинцев стал более разнообразным (пирог с мясом или рыбой, ватрушки, слоеные блины и бутылка водки или вина, а также покупные булки, баранки, кондитерские изделия, сладости).

В послеоктябрьский период пища марийцев подверглась дальнейшим изменениям, обусловленным социально-экономическими преобразованиями, сдвигами в структуре полевых и огородных культур, расширением садоводства, развитием сети предприятий государственной и кооперативной торговли и общественного питания, повышением уровня жизни, расширением возможностей личного приусадебного хозяйства населения. Существенно изменились со-

став и соотношение исходных продуктов, из которых готовятся пищевые блюда. В структуре питания возросла доля продуктов животного происхождения, овощей, фруктов, морской рыбы. Резко возросло потребление чая, сахара, кондитерских изделий, кофе, пряностей. В то же время несколько уменьшилось потребление традиционных мучных и крупяных изделий, что отчасти объясняется прекращением или сокращением возделывания некоторых полевых культур (полба, просо, конопля, ячмень) и уменьшением их поступления в личное хозяйство из урожая коллективных хозяйств. Марийцы больше используют муку, крупу, макаронные изделия промышленной переработки, поступающие в торговую сеть. Хлеб домашнего печения употребляется редко, поскольку с 60—70-х годов потребности в нем обеспечиваются местными хлебозаводами и пекарнями. Местное растительное масло заменилось привозным, преимущественно подсолнечным.

В республике Марий Эл возделываются преимущественно традиционные полевые и огородные культуры, разводятся в основном те же виды домашних животных. Специализированные сельскохозяйственные и связанные с ними перерабатывающие предприятия производят главным образом традиционную продукцию: муку, крупу, толокно, овощи, ягоды, плоды, хмель, молоко, сметану, масло, творог, говядину, свинину, баранину, мясо кур, уток, гусей, куриные яйца, речную рыбу, мед. Выпускают также разнообразную нетрадиционную в прошлом продукцию: макаронные и кондитерские изделия, овощные и плодовые консервы, маринады, варенья из плодов и ягод, консервы из свинной и говяжьей тушенки, колбасные изделия, мясные и рыбные копчености, майонез, кефир, кумыс, мясо кроликов, индюков и цесарок, перепелиные яйца. Производятся также различные напитки: водка, вина, пиво, квас, минеральная вода, фруктово-ягодные напитки и компоты. В последние годы на стол марийцев поступает и импортная продукция.

В современном рационе питания сохраняются многие народные блюда. Традиции народной кухни более устойчивы в сельской среде. По данным статистико-этнографического исследования середины 80-х годов, 44,7 процента сельских марийцев умеют готовить более 10 национальных блюд, 24,0 — от 5 до 10 блюд, 20,9 — менее 5 блюд, 10,3 — не умеют. У 22,2 процента опрошенных марийцев такие кушанья бывают постоянно (почти каждый день), у 42,2 — систематически, не менее 1 раза в неделю, у 34,4 — в основном по праздникам, у 0,6 процента — не бывают совсем.

Несмотря на широкое распространение покупных продуктов и блюд интернациональной кухни, своеобразные черты питания сохраняются в быту марийцев, хотя и с использованием не всегда традиционных продуктов.

Средства передвижения и транспорт

Этническая территория марийцев находилась в местности, занятой лесами, болотами и разветвленной сетью рек, связанной с Волго-Вятской речной системой. Поэтому с давних пор решающее значение для населения имело водное сообщение. Сухопутные пути в виде пешеходно-конных дорог между территориальными группами марийцев и с их соседями на ранних этапах их этнической истории прокладывались по течениям рек и охотничье-промысловым тропам. Государственные дороги получили развитие сравнительно поздно. Даже после присоединения Марийского края к России важнейшие пути сообщения, почтово-торговые магистрали (старый и новый Сибирский тракты, Вятско-Уфимский тракт) проходили по его окраинам. Межуездные же дороги, пересекавшие территорию края, по своему техническому состоянию находились в неудовлетворительном состоянии. Не случайно иностранные автомобили, испытывавшиеся в 1914 году на Царевококшайском и Кокшайском трактах, по свидетельству современников, "экзамена" не выдержали. Однако по этим дорогам осуществлялись оживленные торговые связи гужевым транспортом земледельческих и лесных левобережных уездов Вятской, Казанской, Нижегородской и Костромской губерний с волжскими и вятскими пристанями. Помимо хлебных грузов этими дорогами перевозили изделия местных лесных промыслов и деревообработки. Обратно шли промышленные изделия. Помимо межуездных трактов имелись многочисленные местные проселочные дороги, соединявшие важнейшие населенные пункты края с уездными центрами, с речными пристанями, с волостными и ярмарочно-базарными селами и деревнями. Железные дороги в дореволюционный период по существу обошли места расселения марийцев, исключая несколько населенных мест восточных марийцев.

Территория, примыкающая к Волге и другим крупным рекам, в транспортном отношении находилась в более благоприятном положении. Волжские пристани в Козьмодемьянске, Коротнях, Кокшайске являлись местом сбора и отправки различных хозяйственных грузов (продукция животноводства, земледелия, деревообработки и других промыслов) и лесных плотов в Нижнее Поволжье. По Волге и Ветлуге осуществлялось также судоходство. В Звениговском заоне был основан судоремонтный завод. Северо-восточная земледельческая часть края, входившая в Уржумский, Малмыжский, Яранский уезды, в транспортном отношении была связана с Вятскими пристанями Кукарка, Лебяжье, Медведка и другими, куда доставлялись хлебные грузы для северных губерний России. Таким образом, транспортно-экономические связи, сложившиеся в крае, в меньшей степени способствовали развитию местных производственных сил, они были ориентированы преимущественно на хищническую эксплуатацию дешевых природных сырьевых ресурсов и вывоз

их за пределы края. Совершенствованию и развитию путей сообщения и транспортных средств внутри края препятствовало отсутствие заметных месторождений полезных ископаемых и преобладающий лесисто-болотистый характер местности. Поэтому основными средствами передвижения и транспортировки являлись водные, конно-гужевые и пешеходные.

Средства передвижения определялись природно-географическими условиями, уровнем развития производительных сил и культурно-бытовыми традициями и связями. У марийцев они сложились как характерные для жителей лесной полосы. Древние традиции охоты, рыболовства и собирательства способствовали распространению пешеходного сообщения. Развитая речная и озерная сеть требовала использования средств передвижения по воде. С приходом в Поволжье в эпоху металла скотоводческих племен местное население (в том числе и предки марийцев) усвоили традиции коневодства, и лошадь стала использоваться для передвижения людей и транспортировки грузов вначале вьючным способом, а позднее с помощью упряжки.

Пешее передвижение долгое время имело важное значение в хозяйстве и быту. Даже в XIX веке им широко пользовались охотники, пчеловоды-бортники, лесорабчие, промысловики-отходники, собиратели даров леса. Однако пешеходы во время переходов и длительного пребывания в лесу и на отхожих работах нуждались в необходимых и удобных средствах переноски подсобного инвентаря, продуктов питания и добычи, а также соответствующей обуви. В качестве средств переноски использовались плетенные из бересты или лыка крошны и кузова типа ранца (*лаче, пешыр, куриш, кырыш*) с двумя лямками для ношения за спиной, чересплечные кожаные сумки (*шувыш, тапняк*) и плетеные коробки из двух половинок, вставляемых одна в другую (нижняя половина представляла дно, верхняя крышку короба). В старину охотники использовали носильную раму в виде ранца с остовом из гибкой перегнутой палки и днищем из коры, в которую укладывалась добыча и связывалась с наружной стороны бечевками. Собиратели ягод, грибов, орехов, хмеля иногда использовали коромысло для переноски пары нагруженных корзин и других емкостей.

В зимнее время пешее передвижение осуществлялось с помощью лыж (*ече*), которые, как и у других народов лесной полосы, издавна связаны с зимней охотой. Лыжи финно-уграм известны издавна, поскольку ранние находки лыж встречаются на древней территории обитания их предков от Урала до Скандинавии с эпохи неолита. Известные в марийском фольклоре предания о лыжах-сорокодах (*шйшкан ече* — свистящие лыжи) из кленовой древесины, очевидно, являются свидетельством умения марийцев как выделывать лыжи, так и быстро на них передвигаться. Немецкий путешественник и дипломат А. Олеарий в XVII веке отметил, что лесные народы, "как и лапландцы, финны и черемисы, зимою для перехода че-

рез глубокий снег надевают длинные и широкие лыжи... на них они умеют быстро передвигаться". В архивном документе начала XVIII века об уральских марийцах сказано, что "за промыслом зверя ходят с начала самой осени, как снег на землю падает, и ходят больше на лыжах... к лыжному хождению весьма способны и скоры и сильны". У марийцев более распространены были обычные лыжи, хотя встречались, особенно в старину, подбитые мехом с бедра лося или оленя.

Охотник, получивший богатую добычу, не помещавшуюся в ранце или носильной раме, был вынужден тащить ее волоком. Средства волока постепенно совершенствовались: вначале это была шкура убитого зверя, на которую складывали разделанную тушу или разрубленные ее части, затем использовались сами лыжи (при неглубоком снеге), пара связанных жердей-волокуш с ветками, корыто-волокуша из коры или доски и, наконец, — ручные двухполосные санки.

В более раннее время передвижение на лошадях осуществлялось верхом. Предметы конской сбруи известны в археологических находках на территории края у ананьинских предков поволжских финно-угров (I тыс. до н.э.). Лошадь использовалась и в качестве вьючного животного при транспортировке грузов. Известно, что при переездах и переселениях марийцы складывали имущество в долбленые кадки или кожаные сумы, которые вешались по обеим сторонам специального седла. Следы использования вьюков при конных передвижениях в пережиточной форме сохранились в свадебном обряде марийцев. Известно, что в середине XIX века приданое невесты они укладывали в большие липовые долбленые кади и навьючивали их на лошадей. Традиции верховой езды длительное время сохранялись среди марийцев. К этому приучали детей обоого пола. Исследователям XIX века приходилось очень часто видеть "черемисок, разъезжающих верхами".

Древним видом упряжного транспорта была волокуша, причем ее использовали до последнего столетия и летом, особенно при перевозке копен сена для укладки стогов. На основе волокуш и ручных санок путем их усовершенствования возникали упряжные сани (*тер, тир*).

Для марийцев, как и для всех восточно-европейских народов лесной зоны, характерны сани с высокозагнутыми в передке полозьями (*тертаван, тир положа*). Сани по своему устройству и назначению были различны. Сани-дровни (*пу тер, цара тир*) с двумя поперечными перекладинами-подушками (у передка и в задке) использовались для транспортировки дров и бревен. Длинные концы последних укладывались на малые дровни-подсанки с небольшим низкозагнутым передком, которые привязывались к задку больших дровен. Для транспортировки других грузов служили сани-розвальни (*салан тер, креслй тир*) с бортами, основу которых составляла пара боковых жердей (*сал, креслй*), расширяющихся к задку саней (впереди бортовые жерди укреплялись на высокозагнутых концах полозьев, сзади — на концах длинной перекладины). С брусьями грузовой

площадки боковые жерди скреплялись деревянными планками или веревками. Сани снабжались парой оглобель (*торта, тарта*), привязанных к копыльям (*терпій, теріол, тирыл*), скрепляющим полость с брусьями грузовой площадки. Сани-розвальни для удобства транспортировки клади или груза застилались лубяным настилом (*кёр, кёр*) или рогожей (*чыпта, рогоза*), а поверх них соломой или сеном. В розвальнях с соответствующей поклажей или грузом ездили в извоз, на базар, на мельницу. Для торжественных выездов во время праздника, в гости, на ярмарку использовали легкие сани-кошевы со спинкой на задке (*энертышан тер, кошовка тер, шем тер, шим тир*), которые нередко украшались решеткой и окрашивались в черную краску. Иногда на передке устраивалось сиденье для возницы. Большое распространение в быту марийцев имели ручные санки-салазки (*издер, изидир*), служившие для перевозки вручную мелкой поклажи на небольшие расстояния и для детских игр и развлечений.

Сани долгое время служили у марийцев (и других финно-угров) в качестве летнего транспортного средства даже с появлением колесных повозок. Использование саней летом в лесной зоне известно у многих народов, особенно у финно-угров, как для хозяйственных нужд, так и для ритуально-обрядовых целей. Так, марийцы-язычники еще в конце XIX — начале XX веков отвозили покойников на кладбище в санях-дровнях, которые там и оставляли. Летнее использование саней объясняется как бытованием пережиточных традиций, так и природными условиями (болотистость местности, обилие лесов). Последнее обстоятельство затрудняло широкое использование здесь колесного транспорта, который утвердился, в отличие от степных и лесостепных районов, позднее, чем у соседних тюркских народов, которым он был известен издавна.

Колесные повозки появились у марийцев не ранее конца XVII — начала XVIII веков. Они были безрессорными: телега (*орва, орава*) и тарантас (*тарандас, карандас, тарантас*) с передней подвижной осью. Марийские телеги были преимущественно на деревянном ходу, то есть, с деревянными осями и колесами (*пу шўдыран орва*). Кузов телеги опирался на пару жестких брусьев-дрог (*орвакашта*), был с неглубокими бортами (*орвасал*), прогнутыми в середине, застилался досками или лубом.

Телега использовалась для перевозки различных грузов и поклажи (сена, снопов, дров, бревен, затаренных мешков, навоза), служила для поездок в лес, на сенокос, в поле, на мельницу, на базар, в гости, на моления, для занятий извозом и другими промысловыми работами. Телеги, используемые для различных целей, имели свои конструктивные особенности. Телега для транспортировки снопов и сена (*кылта орва*) снабжалась двумя парными стойками с поперечинами на передке и задке, имела более широкие борта. Непременной ее принадлежностью были бастрык (*пошлык вара*) — жердь для придавливания уложенных снопов или

сена. Навозная телега (*шур орва*, *терыс орва*) имела сбитый из досок корытообразный кузов без передка и задка. Для перевозки бревен и жердей использовалась телега с длинными массивными дрогами без кузова (*кужу орва*, *ломаш орва*). Для удобства укладки бревен и жердей она снабжалась прогнутыми брусьями, устанавливаемыми на подушках передней и задней осей. Телега на железном ходу (*күртнӧ шӱдыран орва*) встречалась в основном у состоятельных домохозяев. Она использовалась для поездок на базар или ярмарку, в гости, во время свадебных обрядов и молебний. Задок телеги украшался решеткой или резной доской. Марийцы, занимавшиеся лесными промыслами, устанавливали на телегу крупные плетеные кузова-корзины, используемые для перевозки древесного угля и других грузов.

Празднично-обрядовым экипажем марийцев являлся тарантас. Это легкая повозка на железном ходу, оси которой соединялись 4—6 хорошо отделанными и окрашенными в черный цвет дрогами, на которые устанавливался плетеный из прутьев кузов (*карандас купча*). Он имел закругленные края, задок-спинку и передок-сиденье для возницы. Состоятельные хозяева окрашивали кузов черной краской, отделывали его кожей и металлическими бляшками. Существовала в прошлом у марийцев также специальная свадебная повозка-кибитка (*сӱан повозка*) для жениха и невесты. Это была легкая телега со сводчатым или плоским верхом и задней стенкой, которая нередко украшалась традиционной выемчатой резьбой. У горных марийцев остов кибитки состоял из дугообразных планок, обитых кожей и гвоздями с медными шляпками. Впоследствии в качестве свадебной повозки стали использовать обычную телегу на железном ходу или тарантас, помещая на них на время обряда свадебный верх.

Распространение колесных средств передвижения на конной тяге среди финно-угров во многом объясняется влиянием соседних тюрок. Многие марийские термины, связанные с конными повозками и упряжью, происходят из татарского и чувашского языков.

Двухколесные упряжные повозки на одной оси, получившие распространение среди финно-угров в северных районах, у марийцев встречались редко. Более широко бытовали ручные одноосные тележки (*изорва*) с дощатой платформой и бортами с трех или четырех сторон. Они использовались для перевозки вручную небольшой поклажи (дров, хвороста, веников, сена, снопов конопли, мешков) на близкое расстояние, то есть в пределах усадьбы, из ближних полей, лугов и леса. В каждой семье имелись ручные тележки в виде детской коляски, которые снабжались лубяным кузовом и крытым верхом. В них возили младенцев на сенокос, в поле в сезон летних сельскохозяйственных работ.

Для передвижения по рекам и озерам марийцы издавна использовали различные лодки (*пуш*). Повсеместное распространение имели плоты, лодки-однодеревки, лодки с нашивными бортами, лодки-

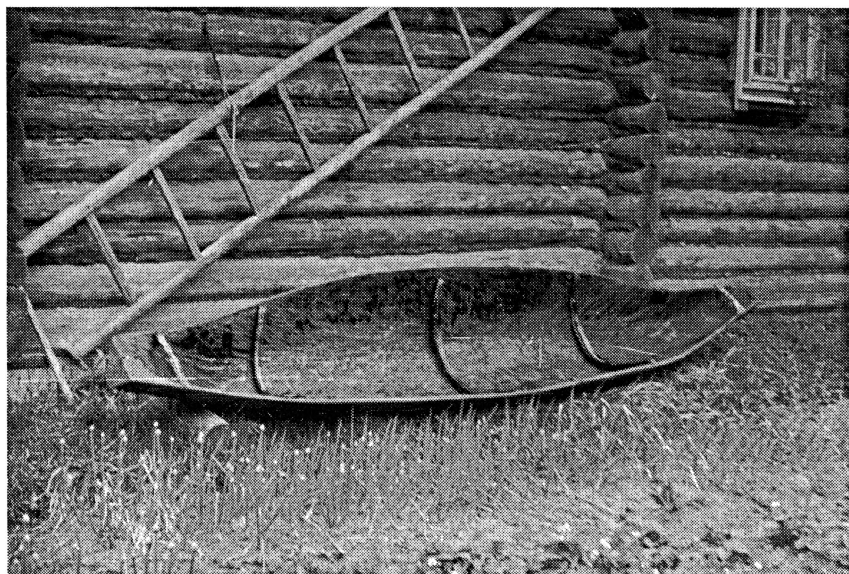

Детская коляска

дощаники и другие. Самыми распространенными были однодеревки, выделяемые из цельного ствола дерева. Обрубок ствола выжигался и выдалбливался изнутри и обтесывался снаружи с помощью обычного и поперечного топоров, тесла и скобеля. Различали два вида таких лодок.

Простой корытообразный челн (*волак пуш*) был громоздок и трудноуправляем, слабоустойчив на поверхности воды. Для устойчивости челн снабжался двумя плахами, укрепляемыми вдоль обоих бортов на уровне воды. Использовался такой челн преимущественно для рыбной ловли, поездок на небольшие расстояния в тихую погоду. Он был более подходящ для спокойной поверхности лесных озер. Этот вид лодки более древнего происхождения.

Наиболее совершенной была лодка типа каноэ с широкими тонкостенными бортами (*тагына пуш*). Для приготовления ее брали дерево с мягкой древесиной, обычно осину, легче поддающуюся механической и тепловой обработке. После первичного выжигания, выскабливания и наружной обработки в бортах будущей лодки просверливали несколько отверстий, в которые забивали деревянные гвозди длиной до 2—2,5 см и диаметром до 0,5 см, с помощью которых при последующей обработке бортов можно было проследить и добиться равномерной толщины стенок. Их выскабливали изнутри осторожно, пока не становились видны концы забитых гвоздей. На этом выдалбливание и скобление заканчивали. Важной операцией было расширение бортов лодки, для чего ее подвергали тепловой обработке. Лодку поднимали на подставку, в нее наливали воду. С обеих сторон на земле зажигался длинный костер, лодку периодически обливали и снаружи. От действия воды и тепла древесина размягчалась, и борта лодки легче

Долблёная лодка (тагына пуш)

поддавались расширению. Для этого использовали дугообразные распорки, которые по мере нагревания лодки вбивались все глубже. Таким образом формировалась выпуклая поверхность бортов. Для фиксирования ширины бортов лодка снабжалась прямыми брусками-перекладинами, которые одновременно являлись сиденьями. Движение лодки осуществлялось с помощью пары бортовых весел (*пушкольмо*) или кормового шеста.

Встречались у марийцев, как и у других финно-угров, сдвоенные, парные челны (*йыгыр пуш*). Сдваивание челнов способствовало их устойчивости на воде и повышению грузоподъемности. Сдвоенные лодки больше встречались в местностях, примыкающих к крупным рекам (Волга, Ветлуга, Вятка). На них транспортировали сено, снопы, дрова и другие грузы.

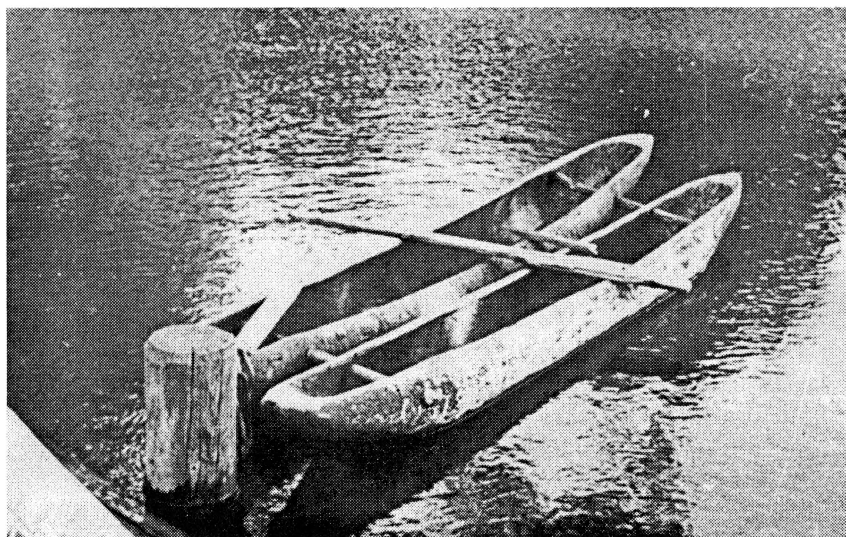
Лодки с нашивными бортами своей основной тоже имели однодеревки. Они делались в случае, если деревья были недостаточно крупны и челны получались небольшими. Поэтому борта лодки приходилось наращивать досками, которые скреплялись с помощью шпонов. Края сшиваемых досок просверливали наискось, продевали в них корни или прутья, затем забивали деревянные гвозди-шпоны. Пазы, щели, отверстия заделывали паклей, мхом, заливали смолой или дегтем. Появление лодок с нашивными бортами дало позднее толчок строительству крупных лодок и судов из составных деталей. При этом использовались и традиции русских речников-судостроителей. Под влиянием русского населения появились у марийцев также плоскодонные лодки-дощаники или ботники (*потньык*).

Плоты в прошлом связывались канатом из нескольких бревен или плах и снабжались дощатым настилом. Они использовались для переправы через реки в случаях, когда полевые наделы, сенокосные и лесные угодья общины находились за рекой, при отсутствии поблизости моста. Передвижение осуществлялось с помощью шестов или каната, натянутого с одного берега на другой. На больших реках мари́йцы пользовались паромными переправами. Паромная площадка устанавливалась на крупных парных лодках. Встречались паромы в основном у горных мари́йцев, лесные угодья и сенокосы которых нередко находились за Волгой.

У мари́йцев, в значительной степени занятых в лесной промышленности и на сплаве в капиталистическую эпоху, имелись традиции в сплотке (укладке) крупных лесных плотов и в устройстве речных судов (барок, белян, расшив, барж). По замечанию военного чиновника и этнографа А. Риттиха, “многие из черемис, береговых жителей, привыкших к воде и к управлению различной величины судов... весьма смелые матросы и приносят существенную пользу волжскому судоходству”.

В послеоктябрьский период произошли коренные изменения в развитии и совершенствовании путей и средств сообщения, в появлении и расширении современных видов транспорта. Наряду с индивидуальными средствами передвижения, значительно возросли масштабы использования общественного транспорта.

В 20—50-е годы продолжалось использование традиционных ви-

Парный челн (йыгыр пуш)

дов летнего и зимнего транспорта (пешеходного, гужевого и водного). Сохранялись местные традиции изготовления повозок и средств упряжи, речных лодок и охотничьих лыж, ручных санок и тележек. Изготавливались они также артелями промысловой кооперации. Лыжи и речные суда-буксиры производились и промышленными предприятиями. Конный транспорт сохранял заметное преимущество в сельском хозяйстве и лесной промышленности, хотя сфера использования механизированного транспорта (тракторы, автомашины) постепенно увеличивалась.

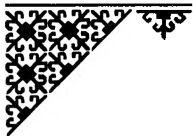
Эксплуатация современных видов транспорта в республике началась с конца 20-х годов. В 1928 году было завершено строительство железной дороги Зеленодольск — Йошкар-Ола, связавшей республику с магистралью Москва — Казань. Позднее было построено несколько лесовозно-пассажирских узкоколеек местного значения. Увеличилась эксплуатация водных путей сообщения — реконструированы и вновь созданы речные пристани, открыты грузо-пассажирские линии по Волге и Ветлуге. В 30-е годы были построены первые автодороги с твердым покрытием, положено начало регулярному автомобильному сообщению столицы с периферией, установлен ряд автобусных маршрутов. Началось применение воздушного транспорта — были построены авиаплощадки в Йошкар-Оле и отдаленных райцентрах, осуществлялись перевозки почты и пассажиров.

Дальнейшее развитие современных механизированный транспорт получил в послевоенные годы, особенно в 60—80-е. Железнодорожный транспорт переведен на тепловозную и электровозную тягу. Железная дорога от г. Йошкар-Олы продлена до г. Яранска. Электрифицирован железнодорожный путь Зеленодольск — Волжск.

Особенно широкое распространение получил автомобильный транспорт: реконструированы старые и проложены новые асфальтированные автотрассы, связывающие центр республики со всеми райцентрами, с большинством центральных усадеб сельхозпредприятий. Существует межреспубликанское, межрайонное и пригородное автобусное сообщение. С 1970 года в г. Йошкар-Оле введены троллейбусные маршруты.

С введением в эксплуатацию аэропорта и созданием авиапредприятия в г. Йошкар-Оле, получил развитие воздушный транспорт. Авиамаршруты связывают республику с Москвой, отдельными регионами России. Создана сеть местных авиалиний, санитарный и сельскохозяйственный авиатранспорт.

Традиционные средства передвижения постепенно уступают место современным транспортным средствам промышленного изготовления. В большинстве семей имеется вело- и мототранспорт. Увеличивается количество владельцев автомашин, моторных лодок и других средств индивидуального механизированного транспорта.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Социальная структура

Марийское население в дореволюционный период в социально-классовом отношении характеризуется преобладанием крестьянства. Оно составляло до 97 процентов его общей численности. Другие социальные группы были незначительны. Из зажиточной верхушки крестьянства формировалась национальная буржуазия, преимущественно сельская. Эту прослойку представляли кулаки, торговцы-лавочники, леспромышленники. Росло количество бедняцких элементов, из которых формировался рабочий класс. Однако подавляющую часть рабочих составляли полупролетарские группы населения, не порвавшие связь с сельским хозяйством. Незначительна была и марийская интеллигенция (в основном учительство и священнослужители), которая формировалась также в основном из крестьянства.

Община

Для социальных отношений марийцев было характерно длительное существование пережитков ранних экономических формаций. Вплоть до Октябрьской революции у них сохранилось общинное землевладение с его патриархальными традициями.

Для общины характерно совместное владение надельной землей, уравнительность землепользования, принудительный севооборот, общинный выпас скота, общее владение лесами, сенокосами и пастбищами. Община решала на сходе (собрании глав семей) все административные и хозяйственные дела. Сход собирался 1—2 раза в месяц. На нем решались такие вопросы, как выборы должностных лиц — старосты, десятских, сборщиков налогов и других сборов, наем пастуха, прием в общину, переделы земли, распределение денежных сборов и других повинностей между членами общины.

Община, как низшее звено местного самоуправления, имела ряд функций. Одним из главных в ее ведении дел являлось распределе-

ние и передел земельных наделов, выделение вновь принятым в общину членам или выделившимся молодым семьям земли из общинного земельного фонда в соответствии с количеством мужских душ.

Следующая функция общины — финансовая, то есть распределение причитающихся повинностей: государственных и местных налогов, мирских (общинных) сборов на содержание должностных лиц, прочих повинностей (строительство, ремонт, приобретение общинного имущества, плата пастуху и прочее).

Судебная функция общины выражалась в наблюдении за нравственностью, порядком, выполнением мирских обязанностей, а также наказании за различные нарушения и проступки. Обычно эти “полицейские” функции осуществляли сотские или десятские, по доношению которых община выносила определенные приговоры. Например, если домохозяин не проследил за исправностью своего участка полевой изгороди и из-за этого случилась потрава скотом в полевом наделе, виновному, в зависимости от степени ущерба, по приговору схода определялось наказание в виде определенного количества ударов розгами. Приговор приводился в исполнение тут же, на сходе.

На сходе разбирались конфликты между общинниками и споры между членами семьи (например, при выделе молодой семьи от родителей из-за объектов раздела). О серьезных преступлениях должностные лица общины обязаны были сообщать в высшие судебные инстанции (например, кража, нанесение телесных увечий). Но иногда в пылу страсти дело до суда не доходило и решалось самосудом, что было характерно для быта марийской общины. За кражу имущества на пойманного на месте общинника вешали украденную вещь и под звуки ударов по пустому ведру на глазах собравшихся членов общины устраивали “позорную прогулку” по деревне, причем никому не возбранялось ударять провинившегося. Изредка случались и жестокие наказания. За поджог и случившийся от этого пожар виновного связывали и бросали в огонь.

Поскольку многие марийцы, будучи православными, по существу являлись двоеверцами, то есть, признавая Христа, поклонялись и дохристианским (языческим) божествам, то в ряде общин принимались решения относительно участия в языческих общественных молениях, намечавшихся в близкой или дальней округе. В этом случае по рекомендации языческих священников-картов принимались решения о степени участия, расходах на покупку жертвенных животных и доле выразивших желание участвовать в молении. В этом случае сходы собирались тайно, без участия нежелательных членов общины. Но подобная ритуальная функция общины была весьма ограниченной и проявлялась эпизодически.

В деревнях община устанавливала пожарно-караульную службу. За счет средств, собранных от общинников, строились пожарные сараи, приобретались повозки и бочки с водой, инструменты. Каж-

дое хозяйство поочередно обязано было нести суточный караул, следить за пожарной безопасностью и порядком, особенно в ночное время. Отвечал за дежурство домохозяин.

Община несла ответственность за благоустройство населенных пунктов и прилегающей территории (сооружение и ремонт мостов и дорог, общественной полевой изгороди). За каждым хозяйством закреплялись определенные участки дороги и изгороди, за которые они несли ответственность. Под ответственность нанятых общиной пастухов передавалось деревенское стадо. Платили пастуху и кормили его поочередно все владельцы скота в зависимости от его количества.

Общины у марийцев были простые (состоящие из одной деревни) и сложные (объединяющие несколько селений). Последние в Поволжье характерны были для марийцев и чувашей. Они образовались из волостей XVI—VII веков. Наиболее крупные общины встречались у горных марийцев. Так, община “Большая веревка” в Козьмодемьянском уезде состояла из 42 деревень и их околотков Кулаковской, Больше-Юнгинской и Мало-Карачкинской волостей. Общины, включающие от 6—8 до 15—20 марийских деревень, встречались в Козьмодемьянском, Царевококшайском, Чебоксарском и других уездах. В целом по Казанской губернии из 135 марийских общин 82 являлись сложными.

Для сложных общин весьма характерна была запутанность землепользования, наличие страшной чересполосицы, так как не проводилось размежевания земельных дач между селениями. Это объясняется стремлением крестьян равномерно распределить между селениями земли по качеству почвы. Во многих деревнях полевые участки одного домохозяина были раскиданы в нескольких местах, иногда он имел до 10—20 участков.

Марийские общины не были замкнутыми единицами, то есть были свободны для вхождения в ее состав новых членов. Поэтому в крае было много смешанных марийско-русских общин, главным образом в Уржумском и Яранском уездах. Это объясняется, очевидно, давними хозяйственно-культурными связями марийцев с русскими.

Семейно-родовые связи

К пережиткам общинно-родовых отношений марийцев, бытовавших в конце XIX—начале XX веков, относились обычаи широкого участия родственников в помочах, в подготовке и проведении родовых молений, семейных обрядов и т.д.

Помочи (*мўма*, *вўма*) устраивала семья, нуждающаяся в срочном выполнении неотложной трудоемкой работы, требующей определенного количества рабочих рук. В этом случае глава небольшой семьи обращался к родственникам, так как своими силами эта семья вовремя с работой не справлялась и упускала благоприятные сроки. Помочи организовывались, например, для вывозки навоза из

хлебов на паровое поле (обычно эту работу нужно было завершить до начала сенокоса). Поводом для помочей могли быть также вывозка бревен из лесной дачи и рубка сруба, молотьба цепами снопов после овинной сушки (необходимость воспользоваться благоприятной погодой, продать зерно для уплаты налогов, покупки нужных вещей), разборка и перевозка на усадьбу купленного строения и прочее. Женщины устраивали помочи для ломки и трепания конопли, вышивания и пошива одежды, головных уборов, полотенец, необходимых в качестве приданого невесте и в качестве подарков близкой родне жениха и некоторым участникам свадьбы.

Марийцы чутко реагировали на все события в семьях родственников, стремясь принимать в них непосредственное участие, разделяя радость и горе. Приходили с угощением поздравлять роженицу и новорожденного, оказывали посильную помощь по случаю смерти, были участниками поминальных обрядов в день похорон, на третий, седьмой и сороковой дни, причем приходили со своими обрядовыми блюдами.

Активное участие родня принимала в свадебной обрядности. Из них выбирались сваты, свадебные чины, участники свадебного поезда. Ими выполнялись отдельные ритуалы и обряды. Они же принимали гостей со стороны будущих родственников.

Народные праздники, игры и развлечения

Общественная и трудовая жизнь марийской деревни, заботы крестьян о хлебе насущном требовали периодического снятия напряжения и усталости, разгрузки души и тела от хозяйственных и общественных забот. Монотонные трудовые будни чередовались с днями отдыха, праздниками и развлечениями. Труд и отдых, будни и праздники были тесно связаны между собой, чередовались и взаимно дополняли друг друга.

Коллективный труд, что было вполне естественно для такого общественного института, как крестьянская сельская община, сопровождался коллективным торжеством. Для марийской общины было характерно как общее начало определенных циклов календарных сезонных работ, так и предваряющих или завершающих празднично-обрядовых мероприятий.

В недельном цикле трудовых будней традиционным днем отдыха у марийцев считалась пятница — *кугарня* (большая неделя). В качестве выходного дня пятница отмечалась марийцами издавна, с языческой древности, когда они придерживались дохристианских верований и обрядов. Ее соблюдали длительное время марийцы-язычники (*чимарий*) и двоеверцы (*марла вера*), то есть крещеные марийцы, формально выполняющие основные требования православной религии и ее обрядности, но фактически не отошедшие от дохристианских верований, их культовых обрядов и обычаев.

Представители обеих этих конфессиональных групп (язычники и двоеверцы) накануне выходного дня, в четверг, (*изарня*, то есть малая неделя), раньше заканчивали работу, занимались уборкой жилища и двора. Банным днем у них также был четверг.

Большинство же марийцев, принявших православную религию, постепенно под влиянием церкви и соседнего русского населения стало следовать православно-церковной обрядности. Поэтому у этой самой многочисленной конфессиональной группы марийцев в качестве выходного дня утвердилось воскресенье — *рушарня* (русская неделя). Естественно, предвыходной день, суббота — *шумат, шуматкече, кукушыгечы* (сухой день), посвящался уборке и банным процедурам.

Баня (*монча, моча, моца, момоца*) служила у марийцев одним из важных средств проведения отдыха и разрядки души и тела. Марийцы, как и другие соседние народы, являлись истинными почитателями и ценителями бани. Посещение бани включало в себя помывку, парение веником и водные процедуры (купание в речке, обливание прохладной или холодной водой, а зимой валяние в снегу). Обычно бани ставили на берегу реки или озера, чтобы можно было после парения окунуться в холодную воду.

Основное назначение бани — омовение от пыли, грязи, пота, накопившихся на теле за определенное время, отдохновение от трудового напряжения и забот, снятие утомления и стресса, восстановление физических сил и душевного равновесия. В этой связи весьма показательна марийская пословица: “Монча могырым куштылемда, чоным поремда” (баня облегчает тело, облагораживает душу).

Обычно баню марийцы топили еженедельно. Но в периоды напряженных сезонных работ (сев, вывозка навоза, сенокос, уборка, молотьба, лесные работы) посещение бани происходило почти ежедневно.

Подготовка бани к ее использованию в основном ложилась на женскую половину семьи. Затапливала баню и закрывала трубу дымоход, устранив угарный газ, обычно домохозяйка. Ей помогали (носили дрова и воду, поддерживали огонь в печи-каменке) сноха или старшая дочь. Почитая банного духа-покровителя, которого марийцы представляли в виде пожилой супружеской пары — *моча кува-кугыза* (банные старуха и старик), — домохозяйка просила содействия в благополучии банных процедур, защиты от несчастий (угар, травма) и козней злых сил при затапливании бани и при выпуске первого жара перед закрытием: “Моча кува-кугыза, шокшым, куштылгым пу, аныртыш деч, сусыргымо деч, осал деч ара-ле!” Аналогичную просьбу выражал старший из моющих при каждом заходе в баню.

Банные процедуры марийская семья принимала поочередно, в несколько заходов. Вначале мылись и парились члены семьи мужского пола (взрослые и подростки). После них шли в баню женщины и девушки, забирая с собой малолетних детей обоего пола. Если эта группа была многочисленной, в баню шли в два захода: вначале хо-

зяйка со взрослыми дочерьми, затем снохи с детьми. Но в более раннюю эпоху в баню марийцы ходили без разделения по половому признаку. В одном из архивных документов первой половины XVIII века встречается упоминание о том, что марийцы парятся в банях с женами. Очевидно, согласно традиционным обычаям, до принятия православной религии, баню посещали отдельными семьями, то есть каждая супружеская пара с детьми мылась в бане поочередно с другой.

Банные процедуры и последующий день отдыха, восстанавливая физические и душевные силы, обеспечивали трудовой настрой крестьян на следующую неделю.

В периодически обусловленных календарными сроками основных циклах сельскохозяйственных работ днями отдохновения являлись календарные народные праздники. Со времени принятия марийцами христианства многие из них, связанные с древней языческой традицией, постепенно сближались по срокам с православными праздниками. Разница в сроках между ними была невелика, поскольку православие издавна приспособлялось к языческим календарным праздникам.

Марийские календарные праздники зачастую приурочивались к завершению одного и началу другого этапа трудовой деятельности. Между основными календарными праздниками, как правило, выдерживался семинедельный период. Через семь недель после праздника *Ўярня* (Масленица) отмечали *Кугече* (букв. — великий день, в христианской традиции — Пасха), еще через семь недель — *Семык* (семик, в христианской традиции — Троица). Но между праздниками *Семык* и *Кўсё* семинедельная традиция отсчета нарушалась. Последний приходился на середину лета. Ориентиром здесь являлось новолуние. Поэтому следующий за празднованием *Семыка* месяц считался месяцем праздника *Кўсё* (*кўсё тылзе*).

В дальнейшем вновь возобновлялась семинедельная периодичность между празднествами *Угинде* (праздник нового хлеба), *Шыже кўсё* (праздник осеннего жертвоприношения) и *Шорыкйол* (святки). Вновь нарушался семинедельный счет между праздниками *Шорыкйол* и *Ўярня*. Это было связано с тем, что отсчет периодически производили на основе лунной календарной системы. Для того, чтобы соотнести эти праздники со сроками начала весенне-полевых работ, вводилась корректировка. Исходя из этого, между праздниками *Шорыкйол* и *Ўярня* отсчитывали в первый год пять, в следующий — семь, в третий — девять недель.

Первым календарным праздником в году являлся *Шорыкйол*. В конце XIX — начале XX веков начало этого праздника стали связывать с Новым годом. Следующая за новогодним праздником пятница считалась началом праздника *Шорыкйол* (святки).

В начале святочной недели две-три девушки (*сий погышо*) ходили по деревне, собирая к празднику припасы. Вместе с девушками расхаживали ряженые парни. Их называли *шорыкйол маска* (святочные медведи) или *мёчёр*. *Шорыкйол* считался серединой зимы.

По народным поверьям, в это время медведь в берлоге переворачивался на другой бок.

Хозяева угощали девушек и ряженных пивом и орехами. Те просили показать им результаты своего труда. Поэтому хозяйка, увидев ряженных, садилась за прялку, хозяин брал в руки кочедык и принимался плести лапти или другое изделие. Дети также должны были перед ними продемонстрировать свое умение в рукоделии или спеть и сплясать. Затем один из посетителей начинал играть, а остальные танцевали. Вслед за этим хозяйка для проведения святочных посиделок отдавала муку, солод, соль, воск, кудель и т.п. Таким образом эта процессия обходила всю деревню. Набрав необходимое, девушки начинали готовиться к посиделкам. Для проведения девичьих посиделок, а также святочных игр и забав, заблаговременно арендовали чью-либо избу. Здесь варили пиво, готовили различные кушанья. Закончив приготовления, девушки занимались рукоделием: пряли, вышивали, вязали, шили.

Парней на танцы и игры без угощения не пускали. Вечерами девушки гадали о будущей своей судьбе: выйдут ли в этом году замуж, каков будет суженый. Среди этих гаданий неизменным было одно: выйти ночью в хлев и ухватить за ногу овцу. По масти овцы определяли, какой будет жених — светловолосый или темноволосый.

Одним из элементов праздника являлся обряд приумножения домашнего скота, прежде всего — овец. Этой цели были подчинены детские игры и ритуальное поедание мяса филина. В проведении праздника обнаруживаются черты и аграрных культов. В первое праздничное утро все от мала до велика должны были выйти в огород и сделать снежные кучи. Считалось, сколько будет таких куч, столько же уродится и стогов хлеба.

Празднование Масленицы (*Ўярня*) начиналось с понедельника. У горных марийцев в начале XX века оно продолжалось в течение одной недели. У луговых в большинстве случаев сохранилось традиционное двухнедельное ее празднование.

К праздничному столу готовили специальные кушанья. Среди них жареные на коровьем масле небольшие колобки (*ўярча*, *ўяча*). На стол выставляли полный горшок масла или блюдо с творожными сырками в масле (*ўян туара*). Пекли праздничные блины. Также для ритуальных целей и для угощения гостей выпекали специальные пресные блины.

В понедельник после завтрака начинались катания с горок, склонов оврагов и балок (*ўярня курык*). Если таковых не было, устраивали искусственные горки. Для веселого праздничного катания строили огромные сани, снабженные козлами и продольными шестами в качестве поручней. На эти сани вставали по обе стороны и стар и млад, разгонялись и с шумом, криком, смехом спускались по склону. Устраивали и ледяные горки, для катания с которых были специальные санки — *ийтер*. Луговые марийцы по пологому склону горки или оврага укладывали параллельные жерди в несколько

пролетов, с которых скатывались на ногах, вставая парами и держась за руки друг друга (*йолгурык*, букв. — ножная горка). В катании, веселье проходил первый день Масленицы. Катания продолжались и в последующие дни праздника, но взрослые в них уже участия не принимали.

В понедельник с утра девушки старались первыми успеть к роднику за водой. Считалось, что если первой зачерпнет воду замужняя женщина, то никто из девушек в этом году замуж не выйдет.

У горных марийцев устраивали общие катания на лошадях. В начале XX века они проходили близ сел Еласы, Кузнецово, Малый Сундырь. Для катания использовались легкие сани-кошеры. Их по верху обтягивали цветной материей. Из ярких тканей изготавливали подушечки для сидения. Лошадей разукрашивали лентами, покрывали разноцветными самоткаными коврами. Упряжь на лошадях состояла из медных или серебряных наборов с бубенчиками.

И горные, и луговые марийцы в праздничные дни ездили на лошадях к своим родственникам, кумовьям, сватам, друзьям с обязательным бочонком пива, большим караваем и масленичными блинами. В последний день масленицы вновь устраивали массовые катания с горок. В этот день изготавливали соломенное чучело, проводжали его из деревни и сжигали за околицей. У луговых марийцев на этом праздник заканчивался. Горные марийцы вечером, после проводов масленицы, ходили по домам, просили друг у друга прощения и целовались. По завершению праздника у крещеных марийцев начинался великий пост — *кугу пйтö*.

Спустя семь недель отмечался календарный праздник *Кугече*. На рубеже XIX — XX веков у марийцев сложились два варианта проведения праздника: традиционно-языческий и синкретический христианско-языческий. Приверженцы язычества отмечали традиционный праздник *Марла кугече*. У крещеных марийцев сочетались обряды православной Пасхи с включением разной степени элементов традиционного праздника.

Праздник *Кугече* входил в число так называемых поминальных праздников (*тошто марий пайрем, кон кече*). В эту же группу празднеств входили *Семык* и *Угинде*. Эти три “кон кече” представляли три важнейших периода земледельческих работ. *Кугече* был связан с началом весенне-полевых работ. *Семык* отмечался после их завершения, *Угинде* приурочивался к окончанию сельскохозяйственных работ в году.

Все эти праздники (исключая марийцев северо-восточной части республики, у которых некоторые праздники начинались во вторник) начинались в среду. Среда тем не менее повсеместно являлась днем поминовения и называлась *сорта кече* (день свечи). В этот день во всех трех праздниках в честь усопших родственников ставили свечи, топили баню, готовили угощение. В *Кугече* и *Семык* в ночь со среды на четверг существовали всевозможные запреты. Это время считалось самым тяжелым в году. По поверьям, в эту ночь в образе различных животных и птиц рыщут колдуны, нанося порчу

(локтыш). Поэтому выполнялись всевозможные предохранительные обряды. Накануне старались убрать весь накопившийся мусор, подмести и вычистить двор и хлева, все ненужное сжечь с тем, чтобы оно не стало достоянием колдунов. В *Семык* с этой же целью по всей деревне устраивались различные потехи. Снимали полотнища ворот, разбрасывали бревна, раскидывали поленья. Жгли можжевельник и окуривали этим дымом членов семьи и домашний скот. Молодежь уходила из села и всю ночь до утра проводила в играх и веселье у празднично-ритуального костра. Ранним утром, нарвав веники и собрав цветы (до этого праздника запрещали их рвать), возвращались домой. Старшие к этому времени топили баню, и молодежь, попарившись свежим веником в *тўвйт моча* (баня всех бань в году) и окатив себя *пеледыш сорва* (отваром из собранных цветов), ложилась спать.

Во время праздника *Угинде*, наряду с другими обрядами, обязательным являлось изготовление праздничной пищи из нового урожая. После ритуальной трапезы хозяин трубил в трубу — *шыжывуч*.

Во второй день *кон кече* совершались семейные и общественные моления. Затем провожали души умерших родственников. В последующие дни до конца недели устраивали праздничные гуляния.

Среди других весенне-летних праздников выделяются еще так называемые *окшак пайрем-влак* (хромые праздники). Они не совсем укладываются в систему календарных праздников, исчисляющихся на основе лунного календаря. Среди них можно отметить *Агавайрем* и *Урлык лукмаш*. *Агавайрем* буквально означает праздник сева или праздник пашни. Его отмечали по-разному: одни — до начала сева, другие — после посевных работ. Во втором случае *Агавайрем* становился составной частью праздника *Семык*, что и привело к тому, что *Семык* в этом случае праздновали со вторника.

Моление на празднике Агавайрем

При первом варианте празднования *Агавайрем* совершали обряд изгнания нечистой силы — *сүрем*. Мальчики 10—12 лет рябиновыми прутьями хлестали по дворовым строениям, изгородям, начиная с одного конца деревни до другого, “очищая” ее от духов (*сүрем мужо*). Собравшись на околице, они бросали или сжигали свои прутья. Затем здесь же устраивали игрища.

Взрослые к этому времени собирались в специально предназначенное для этих целей мольбище — *шелык* или *шелык ото*. После этого здесь же устраивались празднично-ритуальные игры. Среди них самыми популярными являлись игры с вареными яйцами. Суть их сводилась к выигрыванию яиц соперника. Затем эти яйца клали в лукошко и разбрасывали по полю вместе с посевным зерном.

Другим такого рода праздничным обрядом являлся обряд *Урлык лукмаш* (букв. — вынос семенного зерна). Обряд также представлял собой религиозно-магический ритуал воображаемого предпосевного выноса семенного зерна из амбаров и его освящения перед посевом. Здесь также большую роль играли яйца, символизирующие жизненные начала, основу основ мироздания в религиозно-мифологических представлениях марийцев.

Самым главным праздником в году считался праздник *Күсö*. Перед его началом совершали обряд изгнания нечистой силы (*сүрем мужо*). Поэтому иногда этот праздник называли *Сүрем*. Он длился две недели. В период всего праздника запрещалось употреблять спиртное, курить, сквернословить. Необходимо было также воздерживаться от половых связей.

За неделю до праздника начинался период очищения от грехов, а также подготовка к будущим праздничным жертвоприношениям. Перед началом праздника и во все его время совершались ежедневные омовения. В течение праздника носили только чистые белые одеяния. Работать по дому разрешалось лишь в послеобеденное время. Утренние часы посвящались молитвам и жертвоприношениям.

Праздничная обрядность *Күсö* предписывала последовательное совершение различного рода молений и жертвоприношений. Сначала верующие совершали общинные жертвоприношения в *күсото* — священных рощах, посвященных этому празднику. Вслед за ними проводились моления в *тиште кумалтыш* (в мольбищах, объединяющих группы деревень), затем *мер ото* (священной роще округа). У восточных марийцев кроме того совершалось крупное территориальное моление *вичймбал кумалтыш* (моление прибельских марийцев).

Последним в году праздником является *Шыже күсö*. Это был праздник осенних жертвоприношений. Он завершал годичный цикл календарной обрядности. К началу XX века этот праздник отмечался уже не повсеместно. Сроки его проведения были также смещены. Обычно его справляли в середине ноября. Однако в последующее время стали отмечать в конце октября или в начале ноября.

Итак, календарные праздники были важнейшими вехами в духовной жизни марийцев. Они вносили ритмичность и стройность в нелегкий труд земледельца, являясь одним из важнейших организационных начал в жизни крестьянской общины. Календарная обрядность сохранила многие народные традиции, обрядовую поэзию и другие жанры устного народного творчества, которые были ее органической частью.

Праздники с их ритуально-обрядовыми действиями, как периодически повторяющиеся циклы отдохновения и разрядки от повседневных трудовых и бытовых забот, сопровождались гостеванием, играми, развлечениями, сочетались с исполнением песенно-музыкального фольклора и семейных обрядов. Обычно во время праздников завязывались знакомства молодежи, проводились свадьбы. Дети и подростки, являясь свидетелями и участниками ритуально-обрядовых и развлекательно-игровых действий, приобщались к традициям, получали своеобразные уроки нравственного, эстетического и физического воспитания.

Празднично-календарным циклам была присуща определенная направленность развлечений и игр, что получило, например, отражение в песне:

Шорыкйол толеш — мочөр лияш (пура йёаш),
Ўярня толеш — мунчалташ,
Кугече толеш — лўнгалташ,
Семык толеш — тан кучаш.

Святки приходят — ряжеными быть (пиво пить),
Масленица приходит — кататься,
Пасха приходит — качаться,
Семи́к приходит — любимых заводить.

На праздник *Шорыкйол*, совпадающий со святочной неделей, группа девушек, будущих невест, с помощью парней собирала вскладчину солод, хмель и продукты, варила пиво и готовила кушанья. В нанятой избе девушки устраивали вечер-угощение — *йдырсий*, *йдырйёиш*, *йдырпура* (девичье угощение, девичий пир, девичье пиво), куда приглашали однодеревенцев и гостей. Угощение чередовалось с песнями, плясками в сопровождении музыки (волынка, барабан, гармонь). Вечер оживлялся посещением ряженных (*мочөр*) во главе с *Васлий кува-кугыза* (старик Василий со старухой), которые тешили присутствующих песнями, плясками, юмористическими бытовыми сценками, шутками-прибаутками, высказывали различные пожелания девушкам-устроителям вечера и хозяевам избы. В течение праздника девичьи вечера с пивом и представлениями ряженных поочередно происходили в соседних деревнях (или в разных концах большого селения). Поэтому праздник *Шорыкйол* отождествлялся с питьем пива и ряжеными.

Кроме того, праздник имел и аграрную символику, направленную на магическое стимулирование урожайности. Помимо молит-

венных обращений к богам, магия выражалась в выделянии снежных куч, имитирующих хлебные скирды. Особое внимание уделялось урожайности конопли. В праздничные дни в каждой семье слегка обжаривали конопляные зерна, которые издавна грызли вместо семян подсолнечника. Ряженые бросали горсточку семян к потолку, приговаривая, чтобы зерна было много, а волокно длинно. Старик Василий со старухой проверяли количество и качество конопляной пряжи и других изделий домохозяев, давая добрую или нехотелую оценку сделанного.

Одним из развлечений молодежи в праздник *Шорыкйол*, как и в другие зимние праздники, были вечерние посиделки (*шинчаш кош-тмаш*), начинающиеся еще в предпраздничные дни. Обычно в это время к девушкам приезжали гостить родственницы из других деревень. Девушки, собираясь у одной из подруг, брали с собой рукоделье в виде прядения, вязанья, приглашали парней, нередко и музыкантов. Рукоделье сопровождалось пением песен и частушек, периодическими плясками (*куштымаш*) и играми (*модыш*), т.е. полезное сочеталось с приятным.

В зимние праздники и во время посиделок наиболее популярны были: игра в жмурки — *сокыртага* (слепой баран); в утаивание колечка — *шергаш шылтен модмаш* (ведущий обходит играющих по кругу, имитируя упрямывание колечка в сложенные на коленях руки каждого, а водящий должен угадать, кому оно вложено); игра в лычки или в пояски — *ний (йүштө) кучен модмаш* (ведущий брал пучок лык или поясов, держа их за середину, и приглашал участвующих в игре девушек взяться за лыко (пояс) с одного конца, а юношей — с противоположного; когда ведущий отпускал руку, каждое лыко (пояс) оказывалось в руках пары, которой надлежало поцеловаться); игра в хлопки по спине — *туп кырен модмаш* (водящий стоит в кругу играющих, один из которых хлопает его по спине; он должен угадать ударившего, после чего тот становится водящим). В этих играх во время девичьего пира участвовали ряженые, присутствующие взрослые и подростки. Смех и потеху вызывали моменты, когда при игре в лычки выпадало целоваться старым с молодыми. Для детей наиболее характерными были игры в жмурки и хлопки по спине, а также в утаивание колечка либо мелкой монеты.

В праздник *Ўярня* (Масленица) помимо различных видов массового катания была популярна игра типа салок (*карта модыш*). Веревку длиной 5-6 м одним концом вмораживали в снежный холмик, у подножия которого складывали кучу деревянных чурбачков из отрезков жерди (*карта панга*), наподобие городошных. За другой конец веревки держался водящий, который сторожил чурбачки и, бегая по кругу, пытался салить ногой играющих. Последние старались, уловив момент, выпинывать чурбачки за пределы досягаемости водящего. Осаленный игрок становился водящим. Когда пинком одного из игроков последний чурбачок улетал из-под опеки водящего, дружный возглас “Карта-а-а!” возвещал об окончании

очередного тура игры. В игре участвовали в основном дети и молодежь, присоединялись к ней и взрослые.

Основным развлечением праздника *Кугече*, совпадающего по времени с Пасхой, были качели. Почти в каждой семье для детей устраивались качели из прочных веревок с дощатым сиденьем во дворе или на задворках. Молодежь сооружала общественные качели, причем в крупном селении — не одни. Выбирали два близко стоящих дерева с мощными ответвлениями, на которые укладывали брус-перекладину с подвешенной к ней парой березовых жердей с поперечной опорой для ног внизу. Иногда в качестве опор качелей ставили пару козлов, состоящих из трех толстых жердей, связанных ближе кверху прочным канатом, а нижними концами врытых в землю. Качание происходило преимущественно в послеобеденное время, достигая пика массовости зрителей и попеременно качающихся ближе к вечеру. Качались обычно, вставая на опору попарно, лицом друг к другу. Пары сменялись через каждые 5—10 минут. В это время качались в основном молодежь и взрослые. Подростки и дети постарше качались в дневное время. Не упускали возможности покачаться пожилые и старые, хотя бы 1—2 раза за время праздника по утрам, когда не были заняты ритуально-обрядовыми действиями.

Во время праздника *Агавайрем* (праздник папши), после моления в роще (*агавайрем ото*), производились магические игровые действия с яйцами, почитаемыми как символ плодородия. Воздействие на высокую урожайность зерновых выражалось в метании яиц через деревья, катании их на поляне. Существенным моментом праздника являлись соревнования в беге и конские скачки. Дистанцией являлось расстояние от рощи до околицы деревни. В главных забегах и заездах участвовали юноши и молодые мужчины. В качестве призов победителям вручались собранные от молодых вышитые полотенца. Остальным участникам выдавались яйца. Отдельные забеги и заезды проводились для старших детей и подростков, которые поощрялись также яйцами. Среди восточных марийцев проводились состязания в борьбе (*кўрашымаш*). Вечерами молодежь собиралась в определенных местах для гуляний (*кастене лекмаш*), где проводила время в играх и развлечениях (песни и пляски под музыкальное сопровождение).

В весенне-летние праздники, как и в свободное от страдной поры время, среди молодежи были популярны подвижные игры. В игре *пелменгыла модыш* (наподобие игры в горелки) участники становились парами в ряд, впереди вставал водящий — *пелменге* (букв. — одинокий столб). Первая в ряду пара, обегая водящего, устремлялась вперед до условленного места, водящий же должен был догнать и схватить одного из партнеров, прежде чем достигнут его и возьмутся за руки. Среди юношей позднее популярной стала игра в лапту (*мече перен модмаш*). Летним развлечением было также купание в водоемах, причем считалось, что до семика нужно выку-

паться не менее семи раз, чтобы обеспечить себе здоровье и трудоспособность в страдную пору.

В летних праздничных сборищах, развлечениях, играх и забавах, в условиях более массового гостевания продолжались зимние знакомства, завязывались новые, определялись взаимные симпатии юношей и девушек. Не случайно *Семык*, как и близкий предыдущий *Агавайрем*, считался временем закрепления любовных связей. В период между завершением весенне-полевых работ и летней страдой, когда праздновались *Агавайрем*, *Семык* и *Кўсё*, проводилось большинство летних свадеб.

Мальчики, повторяя некоторые игры взрослых, развлекались различными подвижными играми. Они играли в прятки, в чехарду, в ножички, в охотников и зверей, упражнялись в стрельбе из лука в цель, бегали и плавали наперегонки, лазили на деревья и строения. Развлечением для них было и участие в выезде на конях в ночное: возвращаясь, они устраивали состязания в скачках с места пастбы до деревни. Девочкам, хотя они иногда и играли с мальчиками в прятки, бегали и плавали, даже ездили верхом, в основном были присущи более спокойные игры. Обычно они играли в куклы (*курчак*), осваивали фольклор, устраивали себе игрушечный домик (*модыш пёрт*), в котором воспроизводили элементы традиционной обстановки, имитировали семейную жизнь. Они разыгрывали уход за младенцами, приготовление кушаний, прием гостей, свадебный обряд и т.п., исподволь готовя себя к женскому труду и заботам. Таким образом, игровые действия детей являлись подготовкой к освоению необходимых навыков крестьянского труда, традиционного наследия культуры и быта.

В страдную пору вечеринки молодежи были редки и кратковременны, развлекательно-игровая активность заметно снижалась, несколько оживляясь во время праздника *Угинде пайрем* (праздник нового хлеба) и постепенно усиливаясь в осенне-зимний период от праздника *Шыже кўсё* (осеннее моление) к празднику *Шорыкйол*. Праздничные вечеринки, игры и посиделки с улицы переходили в помещение — от караульной сторожки (*орол леваш*) к избе. Зимние игры, пение и пляски чередовались с рассказыванием сказок, преданий, легенд, быличек, небылиц и других жанров фольклора. Считалось, что время сказок наступает с установлением снежного покрова (по выражению сказочников, когда пни покрываются снегом).

В послеоктябрьский период в соответствии с антирелигиозно-атеистической направленностью официальной идеологии традиционные народные праздники, как и православные, фактически бытовали в неофициальной форме, потеряли былую массовость и развлекательность. Получили распространение общесоветские и международные праздники — Новый год, 8 марта, 1 мая, День Победы, годовщина Октябрьской революции, День Конституции. С 60—70-х годов стали учреждаться профессиональные праздники — дни работников различных отраслей народного хозяйства и культуры.

Взамен традиционных праздников стали проводиться праздники проводов зимы, первой борозды, урожая и другие. В 20—30-е годы в республике праздновались *Юбилей пайрем* (в честь образования автономии) и *Пеледыш пайрем* (Праздник красного цветка) в противовес традиционным *Агавайрем* и *Семьк*. В военные и послевоенные годы их официальное празднование не проводилось, они восстановлены в 60-х годах. Новые праздники, наряду с официальной торжественностью, в определенной степени продолжили традиции массовости и игровой развлекательности. Однако зачастую на праздниках в качестве развлечения предлагаются выступления профессиональных и самодеятельных коллективов, спортивные мероприятия, а основная масса участников присутствует в качестве зрителей.

В проведении досуга и развлечений населения, в т.ч. молодежи и детей, важную роль играют местные учреждения культуры, спорта, народного образования, различные общественные организации. В Домах культуры, в производственных коллективах, общеобразовательных и детско-юношеских спортивных школах, ИТУ функционируют различные кружки, фольклорные и эстрадные ансамбли, спортивные секции, клубы по интересам и т.п. Результаты их работы периодически представляются на смотрах художественной самодеятельности, эстафетах культуры, спортивных соревнованиях, школьных творческих олимпиадах и спартакиадах. В круг молодежных и детских игр и развлечений вошли, кроме традиционных, настольные игры и дискотеки, чтение и театр, футбол и хоккей, турпоходы и экскурсии и другое — и в форме участия, и в форме зрелища.

В последние годы возрождаются некоторые народные праздники, проявляется интерес к традиционным играм и забавам. Сочетание традиционного и нового в современной праздничной обрядности — одно из важных средств в воспитании у подрастающего поколения черт патриотизма, коллективизма и интернационализма.

Структура семьи, внутрисемейные отношения

Марийская семья (*еш*) в дореволюционный период представляла собой сложно организованный коллектив, объединенный кровным родством и тесными хозяйственными связями. Все члены семьи, за редким исключением, были родственниками по крови. В зависимости от состава и величины семьи они были связаны прямым и двоюродным родством, реже — троюродным. Семья являлась своеобразным экономическим коллективом, в котором все ее члены были связаны общей собственностью, совместным производством и потреблением.

По своей структуре марийские семьи были разнообразны. Они сводились к двум основным типам. К концу XIX — началу XX

*Типичная марийская семья
начала века в три поколения*

веков преобладающей была малая индивидуальная семья. В периферийных, экономически слабо развитых уголках края в значительном количестве сохранилась большая (сложная) неразделенная семья, характерная для отдаленного прошлого. Имелось несколько разновидностей малой и большой семьи.

Большие семьи включали несколько брачных (супружеских) пар двух-трех поколений: стариков, их женатых сыновей (иногда и женатых внуков) с детьми. Численность большой семьи была довольно значительной — от одного до трех-четыре десятков человек. Чаще же они состояли из 16—24 человек. Наиболее распространенной разновидностью большой семьи у марийцев была семья, представляющая собой одну ветвь близких родственников, то есть, состоящая из отца, его женатых сыновей (иногда внуков) и их детей. Такие семьи возникали путем разрастания малых семей в результате женитьбы сыновей (и внуков), не отделившихся от родителей. Вторая разновидность большой семьи объединяла лиц различной степени родства: дядей, племянников, двоюродных братьев и других. Это более архаичный тип марийской семьи. Он возникал путем сегментации (разделения) больших патриархальных семей на самостоятельные части.

Из разновидностей малых семей наиболее распространены были трехпоколенные, включавшие в свой состав родителей и одного женатого сына с детьми, и двухпоколенные, состоявшие из родителей

и их детей. Семьи с замужней дочерью среди марийцев были очень редки, так как примачество — *марийым суртым пуртым* (когда зять проживает в семье родителей жены) для них в прошлом не было характерно.

Численность малых семей зависела от числа детей у младшей супружеской пары. Обычно они состояли из 5—7 членов и не превышали 10—12 человек. На размеры дореволюционной семьи сильно сказывалась детская смертность, особенно в младенческом возрасте. Средний размер марийской семьи к началу XX века уменьшился вследствие обнищания крестьянства, распада больших семей и высокой смертности детей, составляя от 5,3 человека в Козьмодемьянском уезде до 5,9 в Яранском.

Структура семей с течением времени не оставалась неизменной. Большие семьи могли распадаться на малые простые, а малые семьи, разрастаясь, превращались в большие. Среди марийцев деление больших семей происходило путем разделов и выделов (*посна лекме*). При разделе семья распадалась на несколько семейных коллективов. Выдел предусматривал выделение из большой семьи лишь одной малой семьи в самостоятельное хозяйство, а остальные продолжали жить вместе. По обычаю при разделах и выделах в доме отца оставался младший сын, который после смерти отца вступал во владение родительским хозяйством. Если в прошлом выделявшаяся семья обычно располагалась рядом с отцовской усадьбой, то во второй половине XIX века, с распространением уличной планировки деревень, новую усадьбу ставили в зависимости от наличия свободного места, застраивались там, где указывала община. В прошлом разделы и выделы совершались согласно обычаю в семейном кругу, без возражения родительской воле. В капиталистический период, с развитием товарно-денежных отношений и повышением роли сыновей в производстве продукции и “добыче” денег, разделы и выделы не обходились без ссор и конфликтов. В таких случаях дело доходило до сельского схода и волостного суда.

Обычно для семьи выделенного сына отец должен был построить дом и клеть. Переход в новый дом выделившейся семьи сопровождался специальным молением, сопутствующими обычаями и обрядами, которые проводились совместно с родительской семьей. Среди них выделяется моление духу-покровителю и хранителю дома и семьи (*кудӱводьж*). Глава отделяющейся семьи обращался к нему и предкам с просьбой оказать покровительство новой семье. Моление проходило в летней кухне (*кудо*), где в специальной берестяной сумочке (*кудо-эртне*) оставлялись дары покровителю (куски специально приготовленного обрядового хлеба и сыра из творога). При переходе в новый дом марийцы-язычники варили обрядовую кашу, которую разливали в две чаши: одна оставалась на столе в старом доме, другую уносили в новый дом. Крещеные марийцы при разделах и выделах пекли блины, которые также делили пополам для старого и нового дома. В прошлом из отцовского очага в

дом выделившейся семьи переносили горячие угли, чтобы разжечь в нем первый огонь. Для ограждения нового дома от действий злых сил, несчастий, порчи и т.п. в наружные щели бревен избы засовывали рябиновые прутьики или щепотку мышьяка, завернутого в тряпочку.

В результате разделов и выделов возникали группы родственных семей — патронимии (*полко, беляк*). Хотя каждая семья этой группы вела собственное самостоятельное хозяйство, тем не менее они длительное время сохраняли тесные связи между собой во всех областях внутрисемейной и духовной жизни. Помимо родственных чувств, семьи, входящие в состав патронимии, спланивало и сознание того, что хранитель дома и семьи (*кудыводьж*) всегда оставался в отцовской (родовой) усадьбе. Выделившаяся семья всегда сознавала некоторую зависимость от последнего, и при необходимости глава новой семьи обычно обращался к нему за покровительством.

Возникшие путем разделов и разросшиеся группы родственных семей причисляли себя к одному роду (*тукым, урлык, родо*), происходящему от одного родоначальника (*Мемей тукым, Эшпай родо* — род Мемей, род Эшпай). Члены семей, связанные прямым кровным родством до второго колена, считались близкими родственниками: *ик урлык* (одна родня), *лишыл родо* (близкая родня), *туйн родо* (главная родня). Они поддерживали между собой тесные связи, помогали в выполнении хозяйственных работ, активно участвовали в семейно-родовых молениях и обрядах. Именно эту группу родственников невеста одаривала подарками во время свадьбы.

В числе других марийцы различали просто родственников (*родо*) и дальнюю родню (*муйндыр родо, укш мучаш родо*). С первыми поддерживалось взаимопосещение во время крупных общественных праздников. С дальними родственниками таких контактов не было, хотя представление о своем родстве имелось. Суть отношений с ними выражалась словами: “ик урлык улына, но родо кучымаш уке” (мы одного потомства, но родственных связей не поддерживаем).

Марийская семья традиционно основывалась на патрилокальном поселении, то есть, женщина после вступления в брак переходила в дом мужа.

Для внутрисемейных отношений марийцев были характерны патриархальные традиции с главенством старшего мужчины, подчинение жены мужу, младших членов семьи старшим, детей — родителям. Женщина могла быть главой семьи в случае смерти мужа, да и то временно. По мере утраты физических сил она передавала функции главы семьи достигшему совершеннолетия сыну. Власть главы в семье была различна в зависимости от ее состава и структуры. В малых семьях он был полным хозяином всего имущества и единственным блюстителем семейного быта. В больших семьях он советовался со старшими мужчинами в решении хозяйственных дел,

был вынужден считаться с их интересами, не мог наказывать их жен и детей. Глава семьи представлял ее на сельском сходе, распоряжался хозяйственными работами, имуществом и деньгами. Жена главы семьи распределяла домашнюю работу между невестками и дочерьми.

В марийской семье сложились определенные традиции разделения труда между мужчинами и женщинами, между представителями половозрастных групп. Мужчины выполняли все работы, связанные с сельским хозяйством. Они обрабатывали землю, проводили посев и уборку урожая, заготавливали корма, ухаживали за рабочим скотом, изготавливали и чинили сельхозорудия, инвентарь, транспортные средства, возводили необходимые постройки. В свободное от сельхозработ время они занимались традиционными занятиями (охотой, рыболовством, пчеловодством) и различными промыслами (местными и отхожими). Подростки трудились почти наравне со взрослыми мужчинами. Старики чинили мелкий инвентарь и сбрую, ухаживали за пчелами, плели лапти и веревки, обучали детей различным хозяйственным работам в соответствии с возрастом.

Женщины выполняли разнообразную работу по обслуживанию семьи, содержанию дома, двора и огорода, ухаживали за детьми. В их ведении был продуктивный скот и птица. В страдную пору женщины трудились наравне с мужчинами на лугах, в поле и на току. Специфически женскую сферу труда составляли работы по выращиванию, уборке и обработке конопли и льна, прядение, ткачество и шитье нижней одежды для членов семьи. Кропотливой и трудоемкой являлось вышивание одежды и головных уборов, предметов интерьера. Во всех этих работах им помогали девочки-подростки, которые овладевали нужными умениями и навыками под присмотром и наставничеством старших. Этим занимались и старухи, которые, помимо посильного участия в женских работах, обучали малолетних девочек. В больших семьях больше всех трудились невестки-снохи. Девушки на выданье сравнительно меньше были загружены различными работами, так как были заняты подготовкой приданого.

Воспитание детей в семьях марийцев определялось системой трудовых и культурно-нравственных навыков, соответствующих уровню социально-экономического развития марийского общества. Мать ухаживала за грудным ребенком не более года, передавая его под присмотр бабушки, более старших детей. Образованию детей особого внимания не уделялось. Большинство семей обычно отдавало одного сына в ближайшую школу на 1—2 года, девочек же — крайне редко. С ростом сети сельских школ значение образования возрастало, и в первые десятилетия XX века школьным обучением было охвачено около половины марийских детей школьного возраста.

К трудовой деятельности дети привлекались довольно рано. С 5—6 лет они начинали помогать взрослым в работах по дому, двору

и огороду. Мальчики с 7—8 лет начинали работать возчиками, заниматься боронованием. С 9—10 лет работали на току, плели лапти, с 12—13 лет начинали пахать. 14—15-летние подростки помогали взрослым почти во всех работах, зимой уходили с отцами и братьями на лесоразработки. В этом возрасте они приобретали практически все умения и навыки крестьянского труда. Девочки с 6 лет помогали в работе по дому, кормили птицу, присматривали за малолетними. С 7—8 лет их привлекали к работе на огороде и в поле (полоть, носить воду, поливать, вязать снопы, жать). В возрасте 9—10 лет их учили прясть, шить, вышивать, готовить пищу. В 11—12 лет девочки помогали матерям убирать и обрабатывать коноплю, учились ткать на станке. К 14—15 годам они умели выполнять все женские работы.

Нравственное воспитание марийских детей в семье было направлено на привитие с ранних лет послушания, почтительного отношения и уважения к старшим, в первую очередь к родителям и старикам. Ослушание, пренебрежение и спор со старшими считалось в высшей степени непозволительным и непристойным. В больших семьях дети обязаны были подчиняться, помимо родителей, всем старшим по возрасту членам семьи. Основой формирования положительных нравственных качеств детей считался здоровый морально-этический климат и добрые взаимоотношения в семье. Эта мысль выражалась в пословицах и поговорках типа: “Могане пушенте, тугане шанчашыже” (какое дерево, таковы его щепки), “Шопкепу деч олмапу ок шоч” (от осины яблоня не вырастет), “Олмапужо могай, олмажат тугай” (какова яблоня, таковы и яблоки). Воспитанный на добрых семейных традициях, почитающий родительскую волю и авторитет подросток не пойдет на противоправные поступки: “Вўранлыме талгыде менгыж йыр веле савырнен кертеш” (привязанная лошадь-молодяшка может вращаться только вокруг колышка). Легче повлиять на ребенка с младенческих лет, чем в подростковом возрасте: “Шўльў кылтам кучет, уржа кылтам от кучо” (овсяный сноп легче удержать, ржаной — труднее). В формировании нравственных привычек, в усвоении трудовых и духовных традиций народа детьми заметную роль играли представители самого старшего поколения (дедушки, бабушки) и женщины, как хранители и передатчики народной мудрости, фольклора и традиционного быта.

Почитание старших младшими в обращении к ним выражалось в уважительной форме речи с прибавлением к соответствующему термину родства окончания -й: *ачай*, *ачий* (отец), *авай*, *авий* (мать), *изай* (старший брат, дядя), *акай* (старшая сестра, тетя), *енгай* (жена страшого брата). Супруги обращались друг к другу, употребляя соответствующий термин родства с окончанием -же, -жы: муж звал жену *аваже* (его или её мать), жена мужа — *ачаже* (его или ее отец). Старшие к младшим обращались в ласкательной форме, прибавляя к термину родства окончание -ым, -ем: *эргым* (мой сын), *ўды-*

рем (моя дочь), *шольым* (мой младший брат), *шўжарем* (моя младшая сестра). Сноху-невестку старшие члены семьи называли *шешке* (сноха). По именам в семье обращались редко. Обычно имя прибавлялось к соответствующему термину родства при наличии в семье нескольких братьев, сестер, дядей и теток, например, *Эчан изай* (старший брат или дядя Саша), *Начи акай* (старшая сестра или тетя Настя). При нескольких невестках к ним обращались с употреблением имени их мужа. Старшие их называли *Йыван вате шешке* (сноха Иваниха), младшие — *Йыван вате енгай* (тетя Иваниха).

Уважение и почитание родителей взрослыми детьми выражалось и в решении вопроса о браке. Даже в конце XIX — начале XX веков выбор невесты сыну и жениха дочери нередко определялся отцом и матерью. Если молодые вступали в брак по любви, они из уважения к родителям добивались предварительного их согласия. Впрочем, девушкам значительно реже, чем парням, удавалось вступать в брак по любви. Обычно их вынуждали выходить замуж по выбору родителей. Последние, если жених их устраивал, нередко даже формального согласия дочери не спрашивали. В обычае марийцев было соблюдать возрастную очередность вступления в брак: младшие сыновья не могли жениться раньше старших, младшие дочери выходили замуж только после старших.

Большинство браков, согласно обычаю, совершалось по сватовству. Нередко бывало так, что молодые до этого момента не знали друг друга. При выборе брачных партнеров брались в расчет, наряду с состоянием хозяйства, и личные качества родителей: как говорится в марийской пословице, “Аважым ончен, ўдыржым нал, ачажым ончен, эргыжлан мие” (глядя на мать, женись на дочери, глядя на отца, выходи за сына). Что касается личных качеств невесты, родители жениха в первую очередь старались добыть сведения о ее здоровье, поведении и трудолюбии. В девушках ценились способность родить здоровое потомство, скромность, аккуратность, терпеливость, умение вести домашнее хозяйство — стряпать, шить, вышивать и другое. Внешняя привлекательность невесты также учитывалась, но с оговоркой, ибо “Чиялтыме муно пужлышо лийын кертеш” (и крашеное яйцо иногда бывает тухлым), “Сылнын тўрлымō тувырын тупынь могыржо козыра лиеш” (у красиво вышитой рубашки изнанка бывает шершавой). Впрочем, в этом отношении родители постепенно стали полагаться на мнение сына, которому не возбранялось устраивать неоднократные смотрины. При определении кандидатуры жениха родители невесты также стремились узнать о его внешних и внутренних качествах. Тем не менее нередко они при первой возможности были вынуждены отдавать дочерей замуж, особенно если семья малосостоятельная и в ней не одна дочь. В таких семьях родители часто к мнению дочери не прислушивались и принуждали к замужеству помимо ее воли.

Браки марийцев в прошлом преимущественно были одесонациональные. Межэтнические браки имели место в этноконтактных зо-

нах, то есть, в местах, где смыкались этнические территории соседних народов, где эти народы близко соседнили или жили чересполосно, или где марийцы отдельными островками проживали среди массы другого населения, в том числе и в смешанных селениях. Однако вступлению в межэтнические браки в последние столетия предшествовало принятие христианства. Марийско-русские браки встречались на западе и севере этнической территории марийцев (Козьмодемьянский, Воскресенский, Ветлужский, Яранский, Уржумский уезды). Марийско-чувашские браки имели место на западе Козьмодемьянского уезда (преимущественно в пограничных с чувашами Больше-Юнгинской, Виловатовражской, Малокарачкинской и Сундырской волостях). Среди восточных марийцев встречались браки с удмуртами, татарами, башкирами и русскими. В смешанные браки обычно вступали марийцы, принявшие православие или ислам. Потомство от русско-марийских и татарско-марийских браков преимущественно уже во втором-третьем поколении становилось русским или татарским. Последствия марийско-чувашских и марийско-удмуртских браков не были столь однозначными. Если чувашка выходила замуж за марийца в марийскую деревню, ее дети становились марийцами, при обратном супружестве — чувашами. Аналогичное явление происходило и при марийско-удмуртских браках. В целом же в дореволюционный период межэтнические браки с участием марийцев не имели широкого распространения.

В послеоктябрьский период произошли значительные изменения как в структуре семьи, так и во внутрисемейных отношениях. В течение 20—30-х годов исчезла большая неразделенная семья. Наряду с сельской, существует городская марийская семья, составляющая из общего количества около четверти. Заметно снизился численный состав марийской семьи. Средний размер ее в республике, еще в 1926 году составлявший 5,1 человека, ныне равен 3,9, в том числе в городах 3,4, на селе — 4,0. Преобладают небольшие семьи — около 70 процентов из общего количества марийских семей в республике состоят из 2—4 человек.

Преобладающим типом является двухпоколенная семья, состоящая из родителей и детей (около 2/3 общего количества). Трехпоколенные, сложные по составу семьи составляют более четверти. В большинстве сложных семей брачная пара по традиции проживает с родственниками мужа. Однако ныне нередки случаи, когда вместе с молодыми супругами живет мать жены, что не было обычным для прошлого.

Политические, социально-экономические и культурно-бытовые преобразования в послеоктябрьский период обусловили изменение положения женщины-марийки в семье. Предоставление ей равных прав с мужчиной в сфере общественной и хозяйственной жизни, в образовании и быту способствовало повышению ее авторитета и роли в семье. Ныне в большинстве случаев мужчины и женщины имеют примерно одинаковый образовательный и профессиональный уро-

вень. Нередки случаи фактического главенства женщины в семье. Жена обычно является хранительницей семейной кассы.

Внутрисемейные отношения строятся на равноправии, взаимном уважении и любви. Различные вопросы семейной жизни обсуждаются обычно всеми взрослыми членами семьи, хотя глава семьи может принимать и единоличное решение. Вопросы распределения денежных средств чаще решаются супругами совместно. Во взаимоотношениях старших и младших ушли в прошлое беспрекословное подчинение последних первым. В семьях учитываются различия во взглядах, привычках, интересах и старших, и младших. Воспитание детей лежит преимущественно на родителях. Целью воспитания является главным образом их подготовка к самостоятельной трудовой жизни. С помощью трудовых коллективов создаются условия для воспитания детей в детских дошкольных учреждениях, особенно в городах и крупных сельских поселках. С 30-х годов введено обязательное обучение в школах, где в тесной связи с семьей ведется образование и воспитание детей и подростков. В последние годы в республике получают развитие различные виды школ (гимназии и лицеи), профтехучилищ, средних учебных заведений и вузов, вводятся различные формы экспериментального обучения. В марийских школах большее внимание стало уделяться изучению родного языка и литературы, истории и культуры края.

Браки между марийской молодежью преимущественно заключаются по их выбору, хотя нередко из уважения к родителям молодые ставят их в известность и обсуждают с ними вопросы о времени и месте проведения свадьбы, о будущем обустройстве. В сельской местности иногда сохраняются и браки со сватовством, хотя последнее совершается после решения молодых вступить в брак. Наряду с получившей широкое распространение в 60—80-е годы формой торжественной регистрации брака в Домах культуры и других специальных помещениях, в последние годы среди марийской молодежи оживляется обычай церковного венчания.

В послевоенные годы с ростом полиэтничности (многонациональности) населения республики получают распространение, как и в других регионах, национально-смешанные браки. Если в середине 20-х годов в межнациональном браке состояло около 8 процентов мужчин-марийцев и 2,4 процента женщин, то по переписи 1979 года из общего количества марийских семей республики 10,7 процента были национально-смешанными (в том числе среди городского населения они составляли 13,7, среди сельского — 7,2 процента). В смешанный брак марийцы-мужчины вступают чаще, чем женщины; служащие и рабочие — чаще, чем работники сельскохозяйственного труда. Наибольшее количество смешанных браков в республике заключено между марийцами и русскими. Марийско-русские браки составляют около 2/3 всех национально-смешанных браков. Ныне марийцы состоят в браке не только с представителями издавна расселившихся в крае народов (русских, татар, чувашей и

удмуртов), но и с лицами других национальностей, проживающих в Республике Марий Эл, а также на территории России и за ее пределами.

Родильные обряды

Традиционные марийские родильные обряды связаны с обеспечением безопасности роженицы и ребенка, пожеланиями хорошей судьбы новорожденному, с совершением акта приобщения к родственникам, выражением радости и надежды с появлением нового члена семьи. В этих обрядах был сконцентрирован многовековой опыт народа.

В период беременности женщина-марийка должна была соблюдать предписанные обычаям запреты в отношении определенных предметов и действий, чтобы роды прошли благополучно и ребенок был здоров. Беременной нельзя было пинать свинью, кошку, иначе у ребенка будет волосаяница (*сӱснашу*); хранить что-нибудь за пазухой — у младенца будут бородавки или пигментные пятна; нельзя перешагивать через веревку — пуповина обернется вокруг шеи ребенка; запрещалось смотреть на покойника — ребенок родится бледным и т.п. Существовали приметы определения пола будущего ребенка: если во сне беременной снились женские предметы, например, платок, то будет девочка, в противном случае — мальчик; если болела поясница, то родится мальчик, если боли в области живота — девочка; если ребенок “пинается” в левой стороне живота, ожидали мальчика, а правой — девочку.

Роды обычно происходили в бане, реже в избе. Рожали марийки обычно стоя на коленях. Во время родов помогали повитухи (*кува*). Часто рожали и без помощи повитух. Муж присутствовал лишь во время трудных родов. Рациональные приемы родовспоможения (массаж) дополнялись магическими приемами. Так, в случае трудных родов в доме раскрывали все замки и двери, развязывали все узлы. Новорожденному отрезали пуповину, отмеряя длиной до лба младенца. Короче не обрезали, иначе плохо бы функционировал мочеточник ребенка. В народе считали, если пуповина отсыхает 5—6 дней, ребенок будет жить долго, при меньшем количестве дней его век будет недолгим. Отсохшую пуповину сохраняли. В многодетных семьях пуповины хранили связанными в один пучок, чтобы дети в этой семье жили дружно, не ссорились. Новорожденного мыла в бане повитуха. В воду бросали серебряные монеты, чтобы ребенок был здоровым и богатым. У луговых марийцев младенца символически парили рябиновым веником, считая, что тогда ребенок будет защищен от болезней. Новорожденного заворачивали в рубаху отца для того, чтобы ребенок был его любимцем.

Роженицы после родов отдыхали незначительное время. Практически их трудовой режим не менялся. Для быстрой очистки орга-

низма роженицы употребляли настои трав. Например, у уральских марийцев для этой цели использовался настой зверобоя (*вўршудо*). Послед (*аза кўпчык, аза кудо, сўм*) помещали и связывали между двух старых лаптей, закидывали на чердак или закапывали в таком месте, где не могли наступить ногами.

Уже в день рождения ребенка пытались определить по некоторым приметам судьбу новорожденного. Если родился в “рубашке” или в “колпаке” — счастливый; если родился утром — жизнь будет трудной, вечером родился — жизнь легкая.

Новорожденному старались побыстрее дать имя, а крещенные марийцы спешили его окрестить, так как считали, что в случае смерти безымянный младенец на том свете не найдет себе места. Крестили детей в церкви, обычно через 1—2 недели после рождения, нарекая именем по христианскому именику. Нередки были случаи, когда у детей было два имени: одно давали при рождении, другое — во время крещения. У луговых марийцев бытовал также обычай домашнего крещения — родители передавали младенца крестным через стол, читая молитву. В крестные выбирали наиболее уважаемых людей. Ими не должны были быть близкие родственники. Ребенку полагались крестная мать и крестный отец. Новорожденного мальчика крестил мужчина, девочку — женщина. После крещения в доме новорожденного собирались кумовья и проводили небольшое застолье по поводу крещения. Крестные ребенка становились близкими родственниками. Кумовьев уважали и всегда уделяли им большое внимание.

В прошлом у марийцев-язычников существовали и оригинальные способы имянаречения ребенка. Имя давал *карт* — языческий жрец. В одном случае он высекал огонь из кремня — при каком имени загорался трут, тем именем и нарекал новорожденного. Или карт брал ребенка в тот момент, когда он плакал, и перечислял имена — при каком имени ребенок замолчит, то имя и оставалось за ним. Ребенка могли назвать в зависимости от дня недели: если он родился в пятницу (*кугарня*), то имя младенцу нарекали с прибавлением слова *кугу* (большой) — *Кугерге* (Большой сын), *Кугўдыр* (Большая дочь). Бытовал и такой способ: при выпечке хлеба каждому караваю давали имя — по имени лучше испекшегося каравай и нарекали ребенка. Известен и такой обычай при выборе имени младенцу: в имени новорожденного мальчика старались оставить начальный звук имени отца, деда, братьев, в имени девочки также повторялся начальный звук имени матери, бабушки. Марийские языческие имена и в настоящее время частично сохранились у некрещенных марийцев старшего поколения (особенно среди восточных марийцев).

Традиционными были различные обереги для детей. В колыбель к ребенку помещали ножницы, нож, шлак из кузницы. Когда младенец оставался в доме один, в зыбке лежала горбушка хлеба для защиты от нечистого духа. Марийцы Чебоксарского уезда в каче-

стве оберега использовали медвежью лапу. В других уездах от сглаза детям шили красные шапочки, к одежде пришивали яркие ленты, бусины, серебряные монеты или раковины каури. Иногда к шапочке ребенка пришивали беличий хвост.

Для лечения детей существовали народные способы — как рациональные, так и магические. Например, рахитичных детей в бане натирали солью, кормили мясом ежа. В целях предохранения от болезней в пищу добавляли порошок из толченого осиног гнезда. Применяли специальные разнообразны заговоры от грыжи, рахита, от сильного плача и других болезней. В случаях частых заболеваний или смерти детей в семье проводился обряд “продажи” ребенка. При этом часто меняли его имя. В Уржумском уезде в прошлом существовал обряд обмана духа смерти — мать новорожденного лепила из глины человечка и имитировала похороны.

Перед тем как поставить ребенка на ноги, производили магический обряд “развязывания пут”. В этом случае ноги ребенка завязывали бечевкой или лыком и кто-нибудь из родственников разрубал топориком веревочку и говорил: “Кепшылым руалына, кепшылым руалына, ынде кошт, ынде кошт” (развязываем путы, развязываем путы, теперь ходи, теперь ходи).

Родильные обычаи и обряды во многом идентичны для всех групп марийцев. Однако в настоящее время большинство обрядов исчезло в связи с унификацией быта. Они заменились современными обрядами именнаячения в отделах ЗАГС местной администрации с участием новорожденных с родителями и близкими родственниками. Среди православных марийцев учащаются случаи церковного крещения.

Свадебные обряды

Являясь одним из значительных событий в жизни человека, вступление в брак издавна сопровождалось различными обрядами, которые, по мнению их исполнителей, должны были обеспечить благополучную и счастливую жизнь супругов. В свадебных обрядах находили отражение, с одной стороны, различные верования в сверхъестественные силы, якобы влияющие на устройство супружеской жизни, с другой — вполне рациональные представления их участников и исполнителей о разных сторонах семейной жизни. Все обряды, сопровождающие отдельные моменты происходящего события: сватовство и сговор, отъезд невесты из родительского дома и прибытие ее в дом мужа, — объединяются в свадебный ритуал, связанный общей тематикой.

Марийская традиционная свадьба представляет собой сложный комплекс действий и обрядов, имевших социальное, правовое, религиозно-магическое и иные значения. Это является отражением сложных процессов этногенеза, развития культуры марийцев.

В свадебном цикле марийцев XIX — начала XX веков можно выделить условно три основных периода: предсвадебный, охватывающий время от смотрин до свадьбы; свадебный, представляющий собственно свадьбу; послесвадебный, олицетворяющий этап вступления молодых в трудовую жизнь.

Предсвадебный период. *Ўдыр ончымаш* (смотрины) — один из первых актов предсвадебного периода. Вопрос о женитьбе сына, так же как и о замужестве дочери, решался старшими членами семьи. Когда сыну исполнилось 16—17 лет, родители начинали присматривать в округе невесту. Брачный возраст для юношей колебался от 16 до 24 лет, при наиболее распространенном возрасте вступления в брак в 18—20 лет. Возраст невесты в прошлом нередко превышал возраст жениха на 3—5 лет, так как родители не спешили выдавать своих дочерей замуж, чтобы они дольше потрудились в своем хозяйстве, в то время как парней было выгодно женить раньше, чтобы иметь в доме работницу.

В выборе невесты, которую чаще всего искали в других населенных пунктах, активно помогали родственники. Человека, по чьей рекомендации начиналось сватовство, называли *ончыч кошшо*. Эту функцию свахи чаще выполняла женщина. Присмотрев девушку, навели справки о ее родителях, их характере, репутации, материальном состоянии. В невесте их интересовало прежде всего, как и у других народов, здоровье, трудолюбие, сноровка, отношение к хозяйству. Не последнюю роль при выборе невесты играло материальное состояние ее родителей. Особенно большое внимание выбору невесты уделяли в зажиточных семьях; некоторые главы таких семей, чтобы сделать окончательный выбор, смотрели не один десяток невест.

Если материальное положение родителей невесты и ее характеристика удовлетворяли родственников жениха, отправлялись на смотрины (*ўдыр ончымаш*), основная цель которых получить согласие обеих сторон на брак их детей.

На эту процедуру обычно приезжали отец жениха с кем-либо из родственников и сваха. При отсутствии отца его заменяла мать, но вместе они в этом обряде не участвовали. Разговор в доме невесты затевала сваха, как правило, в иносказательной форме, чаще всего начиная беседу о купле-продаже телки: “Мемнан туна йомын. Шуко ялыш коштын эртарышна, ен-влак ойлышт, тудо тендан дене петырыме, ончалнена ыле тудым”. (У нас потерялась телка, много деревень обошли, и люди сказали, что она попала в ваш двор, и хотели бы мы на нее посмотреть.) После этого приглашали девушку; сваты расхваливали молодую и признавали, что нашли ту, которую искали.

Получив согласие родителей невесты, совместно договаривались о дне сватовства (*ўдыр йўктымаш*). Но это еще не согласие на свадьбу. Окончательный ответ родители невесты дают на следующем этапе, при сватовстве.

Ўдыр йўктымаш (сватовство) и *тувыр шулмаш* (свадебный договор) — следующий комплекс предсвадебных ритуалов. Одежда свата и свахи на этом этапе отличается от той, в которую они должны одеваться собственно на свадьбе. На первом этапе мужчины одеты в лучший кафтан и вышитую национальным узором рубашку, женщины в традиционный национальный костюм данной местности *марий тувыр* — марийское национальное платье, подпоясанное передником, на голове — соответствующий местный головной убор — *шымакш*, *сорока*, или *шарпан-нашмак*. Количество родственников, принимающих участие в сватовстве, обычно нечетное, включая самого жениха.

В современной литературе эта церемония называется сватовство. А.Фукс в своих “Записках...” этот этап называет помолвкой. Жених со сватом и свахой идут к невесте. Отец невесты, ожидая жениха, кладет на стол каравай хлеба и блюдо коровьего топленого масла. Невеста дожидается в избе, стоя у печки. Встретив жениха, тотчас нарезают ломтиками хлеб и намазывают маслом. Жених первый берет ломтик и подает невесте, которая, откусив, передает его отцу. От него ломтик таким же порядком переходит к невесте и, наконец, возвращается к жениху, который должен съесть весь остальной кусочек.

По-видимому, исполнение этого обряда означало согласие девушки на брак. По обычаю, получить согласие девушки на брак считалось обязательным, хотя часто оно было формальным. К ней обычно обращались в последнюю очередь, когда вопрос был уже решен с родителями, и редкая девушка осмеливалась ослушаться воли родителей. К. И. Козлова в этой связи отмечает, что “согласие на брак дочери давал обычно отец”, описывая попутно интересный вариант обряда при сватовстве. Мать играла одну из главных ролей при выдаче дочери замуж. Часто последнее решающее слово было за ней. Окончательное получение согласия родителей на брак дочери было, если мать принимала опущенную ей за пазуху женихом монету. Эту монету — “плату за молоко” — она передавала дочери, которая, приняв ее, не имела права отказаться от брака. При этом подносили девушке рюмку пива или водки. Затем угощали ее родителей.

После этих действий, получив согласие девушки на брак, жених с невестой обходили деревню, заглядывая во все дома, особенно родственников невесты, которых звали на свадьбу.

Свадьба была всегда многолюдной. В некоторых деревнях каждый приглашенный приносил с собой в дом невесты водку, пиво и другие угощения. Характерным атрибутом свадьбы было одаривание свах и сватов. Невеста раздавала каждому из них по три аршина холста. Для жениха у нее должен быть подготовлен заранее вышитый своими руками платок, с которым он приходил на свадьбу. Так, старшему брату, называемому большим зятем, она подносила платок, а тот одаривал ее свечкой или чем другим. После обмена

подарками начиналось моление. Затем невеста с двумя подругами обносила всех медом, пивом и водкой, начиная с отца жениха, а *кугу вене* (старший брат жениха) начинал петь песни.

На третий день после всей этой церемонии отец, мать и сват со свахой приходили к отцу невесты для заключения свадебного договора (*тувыр шулаш*), по которому определялись размеры калыма (олно) и приданого, обговаривались окончательный день свадьбы и количество гостей.

Калым обычно был вполне посильным, чтобы жених мог расплатиться. Случалось, особенно у восточных марийцев, что уплата продолжалась так долго, что молодежь не выдерживала, а невеста, сговорившись со своим женихом, бежала с ним, что ускоряло уплату калыма и приближало день свадьбы.

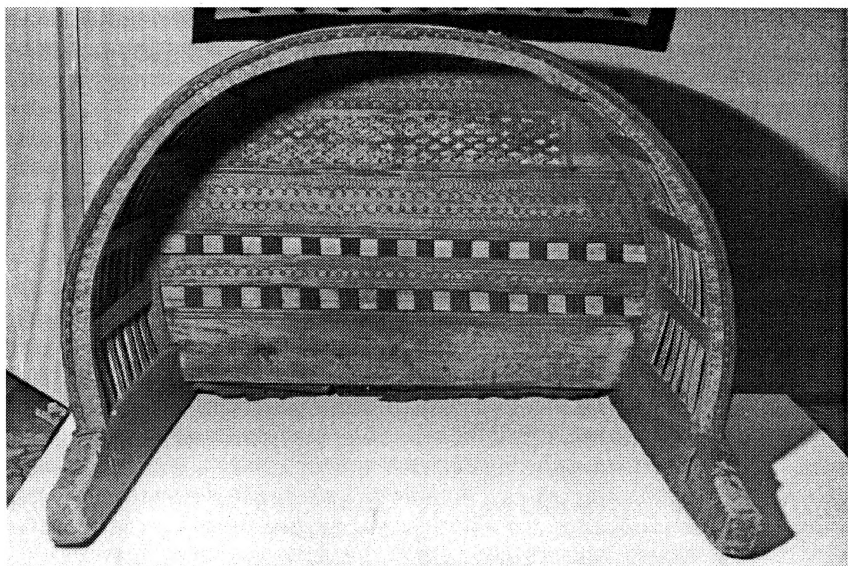
Прежде время проведения свадеб было ограничено. По свидетельству дореволюционных авторов, свадьбы совершались всегда в одно время, после Петрова дня, в период хлебного цвета.

Свадьба. Собственно сама свадьба (*сјан*) проходит в доме жениха и в доме невесты. Утром в день свадьбы родители жениха оповещали всю деревню об этом и собирали свадебный поезд, который состоял из 20 и более подвод. Участниками свадебного поезда являлись родственники, представленные соответствующими свадебными чинами — *сјанвуй*, *кугу вене*, *пјрашвате* и другими. Девушек на эту церемонию никогда не брали. Отец жениха мог также ехать за невестой, но мать обычно оставалась дома. Случалось, свадебный поезд собирался не в доме жениха, а у его крестного отца, если он из этой же деревни, или у дяди жениха.

Крестный отец получал свадебный чин *сјанвуй*, которому обязывалось водить участников свадебного поезда по домам и угощать их, а также следить за дисциплиной и порядком в свадебном поезде — то есть он являлся распорядителем, главой поезда.

В обязанность свадебных чинов *пјрашвате* и *пјрашмарий*, назначаемых родителями жениха, входило уберечь жениха и невесту. Это объясняется тем, что в прошлом, по-видимому, довольно распространенным было похищение невест. И. Н. Смирнов в своей монографии “Черемисы” пишет, что “там, где похищение невесты уже не практикуется, свадебный обряд включает в себе значительное количество его следов из прошлого. На него указывает прежде всего отправление за невестой организованного поезда, в котором принимает участие вся деревня с распорядителем во главе, затем остановка поезда в доме сватуна, а не у родителей невесты, указывает на то, что они чувствуют себя в нем завоевателями; глава поезда устраивает на дворе столы для своей команды, распоряжается вином, пивом и кушаньями”.

Пока свадебный поезд собирается в дорогу, движется и останавливается в доме свата, в доме невесты идут соответствующие приготовления к встрече свадебного поезда: сбор невесты и подготовка подарков. Здесь очень чутко прислушиваются к звуку свадебного

*Задок свадебной повозки конца XIX века
(Козьмодемьянский уезд)*

поезда, выехавшего от жениха. Как только они услышат звук барабанного боя (*тўмыр йўк*) или мелодии гармони, то две подружки невесты начинают укладывать в сундук приданое. При исполнении этого обряда ни в коем случае не должны были присутствовать сестры невесты. Это делалось из опасения, чтобы младшие дочери не засиделись в девушках. На крышке сундука оставляли ленточку, половина которой завязывается с внешней стороны в бантик. Лента предназначена для подружки невесты (*ончыч шогышо*) со стороны жениха.

Невесту одевали в традиционный костюм: платье с вышивкой (*тувыр*), поверх платья надевали кафтан черного цвета (*шем шовыр*), затем завязывали пояс (*йўштö*) и передник (*запон*). Кроме всего этого использовали набор серебряных украшений. Голову повязывали платком, это означало, что она еще девушка, пока не принадлежащая и не зависящая от своего будущего мужа, и что еще не стала женой. Встречает свадебный поезд так называемый *тöрыштö шинчыше* — специально назначенный для этого обряда родственник невесты пожилого возраста. Невеста с подружкой располагались по правую руку от него.

Первыми в дом невесты заходят дружка жениха (*изи вене*), жених, *пўрашмарий* и *пўрашвате*. У моркинских марийцев дружку жениха называли наоборот — *кугу вене* (большой зять). Так об этом писал И. Н. Смирнов: “В дом невесты являются таким образом два жениха-зятя: один фиктивный, но пользующийся преимуществами, другой — фактический, но в обряде играющий второсте-

пенную роль. Этот факт может сделаться для нас понятным только в том случае, если мы будем рассматривать его, как переживание от той эпохи, когда невеста бралась для всех братьев и права на нее определялись возрастом. Кугу вене, избираемый отцом жениха, является носителем братских прав на невесту. В доме невестиного отца он является как бы главным женихом. С ним вступают родители невесты в общение. Он вводит невесту в родной дом и, засвидетельствовав свои жениховские права на нее, уступает ее постоянному жениху в последний момент брачного обряда”.

Отведав хлеб с солью, жених становится между невестой и ее пожилым родственником, сидевшим вначале за столом. Чтобы не было порчи со стороны злых духов, *ончыч шогышо* (подруга невесты) должна идти по следам невесты. После этого жениха с невестой и *ончыч шогышо* отводят в специально отведенное для них помещение.

Тем временем участники свадебного поезда празднуют в деревне, восхваляя в своих песнях жениха и невесту, благодаря их родителей:

Корным йодын толын онал,
Пёртдам йодын пурен онал.
Шкендан сайдам, ўдырдан моторжым
Ўжын-колде толын онал.

Ўжар вынькым конден улына,
Кудо каштадам пуэда?
Волгенче гай качым конден улына,
Кудо ўдырдам пуэда?

Ачаж ден аважым
Ўстел покшек шындена,
Изаж ден енгажым
Почеш мяш ўжына.

Дорога к вам и дом ваш
Известны без расспросов.
О вашей доброте и дочери красоте
Видано и слышано.

Доставили зеленые веники,
Которую жердь ответите?
Доставили жениха пригожего —
Которую дочь выдадите?

Отца и мать (невесты)
Приглашаем за стол,
Старшего брата с супругой
Зовем вслед за поездом ехать.

Затем свадебный поезд возвращается в дом невесты. Все поезжане начинают собираться в обратный путь. В это же время собирают в дорогу невесту. Но прежде чем на нее надеть свадебный кафтан (*сывын*), угощали молодых парней-односельчан (*ўдыр арака йўмаш*). Исполняли этот обряд двоюродный брат, а иногда родной брат невесты, надевая ее свадебный кафтан и имитируя тем самым невесту. Затем мать и отца невесты, а также ее крестных родителей, сажали за стол и одаривали подарками; следующими усаживались за стол жених и невеста, получая благословение от матери, отца и крестных родителей. Рядом с ними присаживались посаженная мать (*пўрашвате*), которая под мышкой держит подушку, и подруга (*ончыч шогышо*). Все четверо они три раза обходят вокруг стола (по солнцу) и быстро направляются к переднему тарантасу. “Когда невеста выходит из родительского дома, чтобы ехать в дом жениха, она не сразу садится в экипаж жениха, три раза заносит

ногу, чтобы сесть, и три раза отступает назад, до тех пор, пока к ней не подойдет распорядитель свадебного поезда и не ударит ее трижды кнутом". По мнению И. Н. Смирнова, автора монографии "Черемисы", "мы имеем здесь дело с символом, который указывает на род насилия в деле приобретения невесты. С похищением же несомненно связан обычай вводить невесту в дом жениха за полотенце, которое она держит в руках, но которое прежде, вероятно, связывало ей руки..."

Но в объяснении этого обряда существует еще и второе мнение. Вот как писал в своей заметке, опубликованной в "Известиях по Казанской епархии за 1896 год", священник Н. Д. Тихомиров: "По нашему предположению, это связано с поверьем, чтобы не увезти с собой в деревню жениха духов рода невесты, которые всегда являлись враждебными духам рода жениха". По нашим же полевым материалам следует, что когда невеста садилась в тарантас, ее ударял кнутом не глава свадьбы, а сам жених.

По пути в дом родителей жениха свадебный поезд должен был останавливаться в заранее назначенном доме, где невесту переодевали уже в соответствующий женский головной убор. Это означало, что с данного дня она является женой своего мужа, должна слушаться и не перечить ему. С этим головным убором она уже больше не должна была расставаться.

Далее свадебный поезд направлялся прямо к дому жениха, где уже все были готовы к встрече. У входа во двор на дорогу стелили старую овчину, а под нее клали железный предмет, через который должна была пройти эта тройка — посаженная мать и жених с невестой.

Совершался этот обряд с целью оберега, чтобы не пропустить в дом злых духов. Невесту с женихом усаживали сразу за стол и угощали горячими блюдами.

Тем временем свадебный поезд снаряжали родственники невесты. Если свадебный поезд со стороны жениха называли *сѣян*, то этот назывался *почеш толшо*. Чтобы вести этот поезд к дому жениха, специально оставляли кого-то из родственников со стороны жениха. Он же должен был выкупать приданое невесты. Название этого обряда — *сондык ѓмбак шинчаш*, т.е. "сесть на сундук". Садись на этот сундук младшие братья или сестры и племянники невесты, которые назначали и сумму выкупа.

Свадебный костюм конца XIX века
(Уржумский уезд)

После выкупа приданого участники свадебного поезда со стороны невесты направлялись в дом жениха. По их прибытии выставляли на стол хлеб-соль, блины (команмелна), пироги (подкогыльо), кашу, брагу, пиво и т.д. и приступали к угощению гостей. Здесь же происходило одаривание родственников жениха. Одаривали мать и отца жениха, братьев, снох, крестных, младших сестер и братьев, близких родственников и музыкантов. Предметами одариваний обычно являлись рубахи и вышитые полотенца.

Вручала подарки сама невеста, которой помогали в этом родственники с той и с другой стороны. Она подходила к сидящим гостям и, угощая каждого из них, спрашивала, довольны ли они подарком. Поблагодарив за подарки, те дружно вставали и начинали пляс. Затем пускались в пляс родственники невесты. Они также обходили все дома, принимая угощение. Вернувшись в дом родителей жениха, участники свадьбы продолжали свадебный церемониал, исполняя песни, в которых восхвалялась красота невесты и достоинства жениха.

Шият, шият ший огыл,
Шёртнят, шёртнят шёртнё огыл.
Ой пеш шерге, пеш шерге
Мемнан шкенап шўжарна.

Кудывече ўштмё шўкдажым
Уремыш луктын ида кудалте.
Мемнан поро ўдырнажым
Ен лўмдылтышыш ида лук.

Чевер ўдыр, мотор каче,
Ваш йёратен илыза.
Ваш йёратен илыза да
Кужу ўмыран те лийза!

Не дорого серебро,
Не дорого золото.
Очень дорога, дорога
Наша родная сестра.

Мусор со двора
Не выметайте на улицу.
Нашу добрую девушку
Не превращайте в посмешище.

Невеста красива, жених пригож,
Живите, друг друга любя.
Живите во взаимной любви
На долгие годы!

Завершив гулянье в деревне жениха, свадебный поезд отправлялся в обратный путь. В отдельных случаях участники его оказывали помощь молодым в устройстве их хозяйства, давая им домашнюю птицу, мелкий скот, зерно и т.п. Проводить родственников невесты выходили в первую очередь жених с невестой, а также близкие родственники жениха.

После проводов всех гостей, молодых отводили в амбар и укладывали в постель. В брачную постель под подушку клали предметы женского или мужского обихода, в зависимости от того, кого хотели видеть в лице первенца — мальчика или девочку. Обычно это были вязальные спицы, крючки, пальцы, нож, кочедык. Стелила и укладывала молодых спать подруга невесты. Оставляла она их вдвоем после слов: “Коктын возын, кумытын кынелза” (ложась вдвоем, вставайте троим).

Послесвадебный период. На следующий день, подняв молодых с постели, отправляли их в истопленную с раннего утра баню. После

возвращения из бани молодая жена раздавала присутствующим в доме подарки, начиная с отца и матери своего мужа. Затем, наоборот, одаривали молодых — кто чем мог, а некоторые из гостей тут же клали на стол деньги — медные и серебряные монеты, “смотря по достатку”.

Завершалась эта утренняя церемония демонстрацией мастерства невесты. Прежде всего она должна была показать, как умеет печь блины. Этими блинами угощали всех, кто приходил посмотреть на молодуху. Таким образом начиналась трудовая жизнь молодой в доме жениха.

В этот же день продолжался пир в доме жениха. Приглашать новую родню (*у родо*) — отца, мать и других родственников невесты направлялся сам жених.

На третий день свадьбы новые родственники, уже со стороны жениха, отправлялись в дом отца невесты. Церемония приема гостей в доме невесты была примерно такой же, как и при угощении двух предыдущих свадебных поездов.

В этот день отдельно от родственников направлялись к родителям молодой молодожены — *кум кечылан каяш*. Там к молодым присоединялась бывшая подруга молодухи — *ончыч шогышо* (впередистоящая). Этим посещением жених выражал благодарность матери невесты за целомудрие дочери. Здесь их угощали блинами, здесь в последний раз собирались у молодухи ее подруги. Впервые после свадьбы молодые получали разрешение петь и плясать. Невеста приходила в родительский дом уже в традиционном костюме замужней женщины и теперь считалась гостьей в отчем доме.

В этот же день, но обязательно раньше чем остальные, все трое — жених с невестой и *ончылно шогышо* — направлялись обратно в дом жениха. До возвращения новой родни невеста должна была убраться в доме, приготовить еду.

Свадебное веселье продолжалось таким образом три дня. Для родителей жениха и его родственников молодая жена теперь становилась снохой — *шешке*, но так ее называли только те, кто был старше жениха, родственники моложе мужа ее называли *енгай*. Жених для родителей невесты и ее родственников старше его по возрасту, становился зятем — *вене*, а те, кто были моложе, называли его *курской*. Молодая жена должна была называть теперь родителей мужа и его родственников так же, как и своих близких: мать, отец, бабушка, дедушка, брат, сестра и т.д. Такими же близкими для мужа становились родственники его молодой жены.

В марийской деревне женщину было принято называть по имени мужа, например, *Алексей вате* (буквально — жена Алексея, т.е. Алексеиха). Ее прежнее девичье имя быстро забывали и помнили редко.

Свадебная обрядность в своем историческом развитии претерпевала непрерывные изменения. Но в то же время сразу необходимо заметить, что, несмотря на довольно значительные изменения, отме-

чавшиеся во всех звеньях свадебного цикла, в целом марийская свадьба продолжала сохранять достаточно хорошо выраженный традиционный колорит.

Октябрьская революция вызвала изменения в политической и социально-экономической жизни сельского населения, нарушив прежний традиционный патриархальный уклад жизни сельского марийского населения. Характер заключения браков и их обрядовое оформление существенным образом изменились. Однако эти изменения происходили не сразу. Традиционные черты свадьбы утрачивались по мере развития экономики и культуры.

В современную свадебную обрядность чаще всего включают традиционные элементы, но это объясняется не знанием традиционной свадьбы и их отношением к ним, — и то и другое в значительной степени корректируется общественным положением жениха и невесты, желаниями их родителей и родственников, составом участников свадьбы и многими другими причинами.

С нарушением патриархального уклада наблюдается непрерывное повышение роли брачащихся при вступлении в брак, то есть определяющую роль при заключении брачных союзов стали играть любовь и согласие, договоренность жениха и невесты, обычно с последующей договоренностью их родителей.

Возрастание роли в заключении брачных союзов самих брачащихся не означает полного отстранения родителей от участия в женитьбе сына или замужестве дочери. В большинстве случаев жених и невеста после договоренности между собой до сих пор спрашивают разрешение на брак у своих родителей. Родители, узнав о намерении сына или дочери вступить в брак, как правило, принимают активное участие в организации брака, а не его заключения.

Вступление в брак без согласия или оповещения родителей связано либо с боязнью возражений и противодействий с их стороны, либо с недостаточным уважением родителей детьми. Однако острые конфликты между родителями и детьми при заключении браков — у марийцев явление довольно редкое.

Вступлению в брак в настоящее время, как правило, предшествует более или менее продолжительное знакомство молодых людей, в то время как в прошлом веке и в начале нынешнего жених и невеста зачастую не знали друг друга до сватовства.

Коренные изменения произошли прежде всего в формах юридического оформления браков. В двадцатые годы, несмотря на то, что церковные браки уже потеряли свою юридическую силу, они еще имели очень широкое распространение. Регистрации брачных союзов в органах ЗАГС и сельских Советах проводились довольно редко. В последующие же годы происходит постепенное снижение доли церковных браков и увеличение доли гражданских. Снижение доли церковных браков, наряду с другими причинами, оказало существенное влияние на свадебную обрядность, способствовало сокращению и упрощению свадебного ритуала. Однако в последние годы происхо-

дит возрождение церковной обрядности, в связи с чем венчание в церкви вновь постепенно входит в свадебный ритуал части марийцев.

Значительные изменения произошли в календарном распределении браков. В отличие от прошлого, когда свадьбы игрались обычно летом, перед страдной порой, в настоящее время свадьбы проводятся в любое время года.

Значительные изменения произошли в структуре и обрядовом оформлении всего свадебного цикла. Несмотря на то, что в настоящее время отдельные элементы традиционной свадьбы довольно часто включаются в свадебные празднества, они не связаны между собой и не представляют целостного комплекса. Использование традиционных обрядов в современной свадьбе во многих случаях представляется случайным.

Одним из наиболее распространенных и общих для всей рассматриваемой территории свадебных действий в прошлом было сватовство. В текущем столетии отмечается четкая тенденция сокращения доли свадеб со сватовством и роста числа браков, заключенных без сватовства.

Среди предсвадебных действий наибольшую устойчивость имеют одаривание родственников жениха, помощь подруг невесты в подготовке к свадьбе и организации свадебного вечера и некоторые другие действия, имеющие практическое значение.

Обрядовый цикл для свадьбы также претерпел весьма значительные изменения. Современная свадьба не включает ни причитаний, ни магических действий. Редким исключением стали конные сва-

Современный свадебный костюм луговых мари

дебные поезда. В то же время нужно отметить, что устойчивость обрядов дня свадьбы несколько выше, чем обрядов предсвадебного цикла. Так, до сих пор наблюдается сбор свадебного поезда не в доме жениха, а у его дяди или близких родственников, выкуп постели и подарков невесты, угощение молодых парней-односельчан невесты. Вероятно, это связано с тем, что многие из обрядов, совершавшихся в первый день свадьбы, уже давно потеряли свое смысловое значение и приобрели игровой, развлекательный характер. Значительно утратилось понимание роли традиционных участников свадьбы.

Наблюдаются значительные локальные различия обрядности, связанные с функциональной структурой и географическим положением населенных пунктов. Крупные сельские поселения характеризуются значительно меньшей сохранностью старинной свадебной обрядности по сравнению с типично сельским населенным пунктом, расположенными на значительных расстояниях от экономических и культурных центров.

Определенное влияние на интенсивность изменения свадебной обрядности оказывают, по-видимому, и местные особенности традиционного свадебного комплекса. В тех районах, где в свадебном ритуале имело место большое число игровых элементов, сохранность традиционной обрядности выше, чем в тех районах, где свадебный ритуал был насыщен драматическими, магическими и другими аналогичными действиями.

В характере проведения свадеб исключительно ярко проявляется социальная принадлежность брачащихся, их образовательный и квалификационный уровень. Доля свадеб без каких-либо традиционных элементов у служащих выше, чем у колхозников. Свадьбы лиц, имеющих среднее или высшее образование, проводятся обычно без обрядов.

Похоронно-поминальные обряды

Важное значение в жизни и быту марийцев имели похоронно-поминальные обряды, в которых находил проявление древний культ предков. В них выражалось почтительное и уважительное отношение к умершему и ранее погребенным предкам. Эти обряды, состоявшие из различных ритуальных действий, были направлены на то, чтобы облегчить умершему переход в потусторонний мир, обеспечить там его благополучное существование. По поверьям, соблюдение обрядов по проводам умершего в иной мир успокаивало его душу, и она могла помочь живым членам семьи в их хозяйственных и семейных делах и заботах. В случае же непочтительного отношения к умершему, несоблюдения положенных обрядовых действий, его душа могла обидеться и навредить оставшимся родственникам.

У разных групп марийцев были неодинаковые представления о потустороннем мире и загробной жизни душ умерших, поскольку в них в различной степени насаивались влияния различных религий — язычества, ислама, христианства. Однако при всем многообразии ритуальных действий преобладающими в системе погребально-поминальной обрядности были элементы языческого культа предков.

Смерть, по представлениям народа, ассоциировалась с приходом духа смерти (*азырен*). Взрослым людям он “перерезал горло ножом”, а маленьких детей лишал жизни при помощи “придавливания половой доской”. После смерти человека в доме вешали чистое полотенце и ставили чашу с водой, чтобы дух смерти “ополоснул в воде нож и вытер его”. По другим представлениям, после физической смерти человека душа (*чон, öрт, йăнг*), покидая тело, должна была искупаться в чистой воде, находящейся в чаше.

Все наказания по поводу погребения усопших делал еще при жизни; если же человек умирал внезапно, то родственники и близкие старались сделать все так, чтобы душа покойного не была в обиде. Тело умершего обмывали близкие ему люди или те, кому он заранее об этом завещал. Женщину обмывали женщины, мужчину — мужчины.

Смертную одежду пожилые люди готовили заранее. Раньше в качестве погребальной одежды использовали свадебный костюм. Обязательными принадлежностями похоронного костюма были головной убор, рубаха, кафтан, пояс, штаны, обувь. Умершей девушке в гроб клали женский головной убор, типичный для той или иной этнической группы. Это делали для того, чтобы она на том свете “вышла замуж”. Существуют сведения о захоронении в прошлом умерших в меховой одежде. Отголоском этого древнего обычая было надевание меховых или шерстяных рукавиц или варежек на руки усопшего. В настоящее время в погребальный костюмный комплекс включают как народную, так и фабричную одежду и обувь, в зависимости от вкусов и представлений.

Тело умершего помещали в сколоченный из досок гроб (*колотка*), дно которого устилалось березовыми ветками или войлоком и покрывалось холстом, в изголовье подкладывалась маленькая подушечка из пуха или пера. Дополнительно в гроб помещали смену белья, кошелек с монетами, чтобы на том свете всегда у покойного были деньги, мешочек с гостинцами (блины, конфеты, орехи и др.) для умерших родственников. По народным представлениям считалось, что в загробном мире нужно все то же, что и при жизни, поэтому в старину в гроб умершим клали нож, топор или кочедык для плетения лаптей, женщинам — холст, нитки, иголку, детям — игрушки. Тело покойного накрывали холстом. Поверх холста, по обычаю, протягивали шерстяные или шелковые нитки красного, черного и зеленого цветов вдоль тела покойного. Считалось, что при помощи этих нитей умерший, как на качелях, должен спуститься в

загробный мир (*вес тўня*). С целью защиты от злых духов и собак того света в гроб помещали веточки рябины и шиповника.

Захоронение в гробах распространилось среди марийцев со времени массовой их христианизации. В древнемарийских могильниках, по археологическим данным, гробов не обнаружено. Согласно языческой традиции, умерших хоронили в неглубоких могилах (*шўгар*), дно которых устилали войлоком, древесной корой или ветками. Вначале вместо гробов использовали поставленные ребром вдоль тела умершего две доски, накрытые корой или досками. В XVII веке марийцы стали хоронить покойников в долбленых колодах (отчего утвердился термин “*колотка*” — гроб). В XIX веке долбленные гробы постепенно сменились дощатыми. Гроб, по народным представлениям, являлся домом для умершего, поэтому в одной из его стенок язычники прорубали окошечко. Гроб с покойным в доме у некрещеных марийцев ставился ближе к двери, дальше от матицы, у крещеных — ближе к красному углу, под матицей. Характерной чертой погребального обряда была коллективность — в нем участвовали практически все родственники и многие односельчане усопшего. Дом умершего навещали соседи, близкие, друзья, родственники. Они приносили куски холста для покрытия лица покойного (*шўргö леведыш*), угощение, свечи, деньги. Все стремились оказать посильную помощь: копать могилу, делать гроб, одевать покойника и т.п.

Крещеные марийцы при похоронах придерживались православных обрядов, проводя отпевание в церкви или приглашая священника на дом. При этом произносились соответствующие молитвы, выполнялись ритуалы, покойника снабжали нательным крестом.

Перед выносом тела при прощальной трапезе зажигали свечи, в выделенную для покойного посуду складывали кусочки от всех приготовленных семей и принесенных родственниками и соседями угощений и напитков, сопровождая это наказом, чтобы пища и питье дошли до покойного, чтобы он на том свете не испытывал голода и жажды. Присутствующие при похоронах угощались, понемногу отведывая всю установленную на столе еду, поминали умершего, желали ему благополучия в ином мире.

После выноса тела во дворе резали курицу или петуха в соответствии с полом покойника, для умерших детей разбивали яйцо. Капелькой куриной крови мазали лоб покойного, якобы для выкупа своей крови у духа смерти. Прощаясь с покойным, близкие дотрагивались до его одежды и говорили, чтобы счастье свое он не увозил с собой, а оставил им. Куриную тушку использовали для приготовления поминального супа. В современный период этот обряд с закалыванием птицы встречается редко.

Гроб с покойным помещали на телегу или сани, запряженные лошадью, и отвозили на кладбище (*шўгарла*). В настоящее время гроб обычно несут до конца деревни, а далее отвозят на кладбище автотранспортом.

По языческому обряду умершего хоронили на следующий день после смерти. Могилу обычно копали друзья и соседи, но отнюдь не близкие родственники усопшего. Перед захоронением тела в могилу бросали монеты, чтобы “откупить землю” для покойного. Гроб опускали на веревках, которые оставались на дне могилы. Вначале участники похорон бросали в могилу по 3 горсти земли, затем закапывали лопатами. На могиле зажигали свечи владыкам загробного мира (*кияматтёра* и др.) и покойнику, прося обеспечения света и всех благ в ином мире. Язычники на могиле устанавливали столб или шест с полотенцем, летом сажали березку. В прошлом над могилой ставили легкий сруб из суживающихся кверху трех венцов, символизирующий крышу над “домом” умершего. Крещеные марийцы ставили на могилах кресты, иногда добавляли каменные плиты. После поминок на могиле оставляли остатки пищи и посуду. В прошлом на кладбище оставляли вещи, используемые при подготовке гроба и копке могилы, а восточные марийцы — даже сани, транспортировавшие покойника (они использовались прежде и летом). Обычно же сани и телеги по возвращении с похорон на 3 дня оставались на улице возле ворот. Щепки, стружки от гроба, подстилку, на которой скончался усопший, веник, солому или луб, которыми пользовались при обмывании, выбрасывали по пути на кладбище в определенный овраг (*колышо шӱк корем*). Оставшиеся дома на время похорон мыли полы, лавки, стены, топили баню и готовили поминальный стол. После бани устраивалась поминальная трапеза, при которой обязательными считались рыбный и куриный супы, яйца, мед и пиво. В специальной посуде угощение ставилось и умершему. С принятием христианства на поминальном столе добавились водка и пиво, а у крещеных — кутя. Постепенно стала обычной поминальная трапеза и на могиле покойного сразу после похорон.

Со дня смерти в доме умершего ежедневно зажигались свечи, вплоть до сорокового дня; ставилась посуда для покойного, которого три раза в день “приглашали” к трапезе. В банные дни его приглашали мыться. Считалось, что душа умершего в этот период находится в доме или где-то поблизости.

Таким образом, в похоронном обряде сочетались ритуалы как почитания умершего, так и очистительные, направленные на предупреждение возможных нежелательных последствий от соприкосновения с ним (болезнь, инфекция, “вредоносные намерения” усопшего).

С похоронным ритуалом были связаны представления марийцев о загробном мире. В народе полагали, что душа умершего подвергается суровым испытаниям: ходит по горам, кишащим змеями и злыми собаками, перебирается на тонкой жердочке над кипящим котлом со смолой, знакомится с новыми местами и т.п. Только через 40 дней происходит определение местопребывания души. В этих воззрениях прослеживаются представления марийцев о потустороннем мире — смешение христианских и языческих традиций.

Специальные поминки по умершему проводились на третий, седьмой и сороковой дни после смерти. Поминки на третий и седьмой дни были скромными, в них участвовали близкие родственники, каждый из которых приходил со своим угощением. В первом случае зажигали три свечи, во втором — семь, свечи закреплялись на краю блюда с блинами. Как обычно, перед поминками топили баню, приглашая помыться и душу усопшего.

Самые важные и многолюдные поминки проводились на 40-й день, считавшийся “праздником” покойного и прежде умершей родни. По древнему обряду, на время поминок назначалось специальное замещающее покойного лицо, одевающее его одежду (*вургем чийыше*). Доживающие свой век старые люди еще при жизни называли своего заместителя на будущих сороковинах. Это мог быть друг, сосед, хороший знакомый. Для умерших детей такое лицо не назначалось.

Поминки-сороковины проводились в ночь с 39-го на 40-й день, т.е. пока душа покойного не покинула прежнее местожительство. Считалось, что утром сорокового дня душа окончательно уходит из этого мира на суд загробных владык. На поминки приглашались, помимо близких и дальних родственников, и жители деревни. В этот день с утра топили баню, мылись сами и “приглашали” покойного и прежде умерших родственников. Покойному вешали в бане одежду и выделяли веник. На поминальную трапезу кололи домашнюю птицу, а восточные мари́йцы — барана или овцу, готовили разнообразные кушанья, в том числе блины, рыбные, мясные и молочные блюда, яйца, мед, брагу, пиво, покупали водку. Заготавливалась масса восковых свеч (*шыште сорта*), в том числе одна длинная и толстая, составленная из трех; она посвящалась покойному и другим умершим.

Угощения расставлялись на главном столе в красном углу. В углу у входа ставился особый столик для угощения умерших. Здесь располагалась посуда для складывания блинов и кусочков пищи, бутылка или бурак для отливания напитков, полено или доска для прикрепления большой и малых свечей. Крещеные мари́йцы обходились одним столом в красном углу. Для свечей прибавалась доска перед иконами, а посуда ставилась в углу на лавках под образами.

После полудня, запрягши лошадь, несколько пожилых людей из семьи и родни покойного отправлялись на кладбище. Посетив могилы покойного и других родных, а у восточных мари́йцев еще трижды объехав кладбище, они приглашали покойного и прежде похороненных родственников на “праздник умерших” (*колышо пай-рем*).

Тем временем в дом прибывали родственники и соседи с угощениями, вином или медовщиной. Гости откладывали кусочки пищи, отливали напитки в соответствующую посуду на поминальном столике у входа, выкупали у хозяина за монеты свечи. Принесенное ими

угощение ставилось на другой стол или на лавки. Хозяева угощали гостей по мере их прихода пивом и брагой.

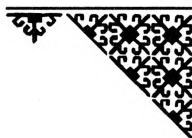
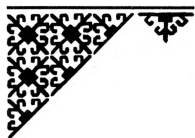
Вечером, когда все приглашенные были в сборе, начинались поминки. Хозяин или назначенный им пожилой мужчина зажигал главную большую свечу (которая должна была гореть во все время поминок) и малые (которые периодически заменялись), называя по именам умерших. Кроме того, одна свеча посвящалась забытым предкам (*утым*), другая — загробным владыкам, отсутствующим умерших на их “праздник”. После молитвы, обращенной к богам и умершим с просьбой обеспечить благополучие в хозяйственных и семейных делах, начиналась поминальная трапеза. Первым хозяева приглашали на почетное место за главным столом заместителя покойного, одетого в его одежду (вургем чийыше). Его потчевали всеми блюдами и напитками. От имени покойного и предков он “передавал” наказы и пожелания членам семьи, обещал оказывать содействие в их нуждах и заботах в ответ на уважение и почтение. Поочередно хозяевами приглашались за стол и угощались родственники и соседи, которые рассаживались по обе стороны от замещающего покойника человека, который сидел на месте все время поминок. К нему также обращались за советами и с просьбами усаживаемые за стол гости, поминали они и своих умерших родственников.

Поминки продолжались за полночь, а перед рассветом приступали к проводам покойного и других умерших. С малого стола забирали собранную для умерших еду и напитки, сложив в отдельную сумку, корзину или мешочек. Заместитель, выходя из дома задом, выносил во двор доску с огарками свечей. Он и близкие родственники покойного, забрав суму с продуктами, садились в повозку. Желющие проводить умерших сопровождали их пешком, по дороге пели поминальные песни. Достигнув определенного места за околицей деревни, процессия останавливалась, едущие в повозке сходили с нее. Из сосуда с напитками первую чарку наливали заместителю покойника, давали закуску. Затем пили и закусывали сопровождающие, поминая умерших и прощаясь с ними. Доску от свечей и остатки пищи оставляли на земле. Замещающее покойника лицо отходило от того места на 41 шаг, снимало верхнюю одежду покойника, отряхивало ее и после пожелания счастливого пути покойнику и умершим возвращалось к провожающим. Заместитель передавал наказ покойного жить в достатке, дружно, добрососедски. Вся процессия возвращалась обратно уже с другими, не поминальными песнями, как бы отвлекаясь от печальных забот. В прошлом заместитель покойника возвращался отдельно, окольным путем, огородами, отряхиваясь от своей роли. Впрочем, одежда покойного передавалась ему. У восточных марийцев покойный задерживался дольше. Ему стелили на ночь постель, а утром после угощения водили в гости к близким и соседям-однодеревенцам, в домах которых по этому случаю вывешивалось полотенце.

Ныне обряд замещения покойного широко не бытует, обычно во время сороковин ограничиваются вывешиванием его одежды. У горных марийцев многие ритуалы поминального обряда исчезли уже во второй половине XIX века.

По народным представлениям, после поминок 40-го дня душа усопшего навсегда уходит в загробный мир и может быть отпущена его владыками лишь на время специальных поминальных дней. По истечении года проводились годовые поминки, иногда поминали через два и три года. Специальные поминальные дни (*сорта кече*) существовали в праздники *Кугече* (Пасха), *Семьк* (семик) и *Угинде пай-рем* (праздник нового хлеба). Умерших поминали и в субботние дни. Крещеные марийцы проводили поминки в родительские дни — на Радуницу (*Радинча*), Ильин день (*Илян кече*) и другие.

В похоронно-поминальной обрядности марийцев в наибольшей степени сохранились ритуальные действия языческого культа предков. Но под влиянием христианства, а в советское время — культурно-бытовых преобразований и антирелигиозной пропаганды, многие древние элементы исчезли из быта, подвергались трансформации и модернизации.

4. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Народные знания

В практике своей жизнедеятельности мари́йцы придерживались сложившихся традиций, которые воспроизводили опыт многих поколений и основывались на познаниях в различных областях хозяйственной деятельности, наблюдениях над природой, отражали экономические и культурные связи с соседними народами. В значительной степени эти знания носили прикладной характер.

В течение многих веков основой хозяйственной деятельности мари́йцев являлось земледелие, где ими были накоплены значительные знания. Наблюдения способствовали выработке наиболее рациональных методов ведения хозяйственной деятельности, определению оптимальных сроков проведения сельскохозяйственных работ, приемов обработки почвы. Из хлебных культур мари́йцы отдавали предпочтение ржи, овсу, ячменю и полбе, которые в местных природно-климатических условиях давали стабильный урожай.

Знания и наблюдения отразились в народном сельскохозяйственном календаре. Для наиболее важных этапов земледельческих работ была выработана понедельная календарная система. Весной, в период подготовки и проведения посевных работ, выделялись *вўд арня* (неделя воды), *кичке арня* (неделя набухания почек), *рок арня* (неделя почвы), *шукиш арня* (неделя гусениц) и другие, к которым приурочивались определенные виды сельскохозяйственных работ. Понедельный счет велся также в период развития зерновых культур. Считалось, что семь недель хлеба растут, семь недель собирают колосья, семь недель зерна наливаются и набирают силу.

Мари́йцы, очевидно, через посредничество волжских булгар, заимствовали ближневосточную систему лунно-солнечного календаря. Эта календарная система отразилась и в названии дней недели, и в системе уравнивания лунного года с солнечным. Лунный месяц состоял из 28 дней, поэтому в году было 13 месяцев, соответственно насчитывалось 364 дня.

Кроме того, сохранились фрагменты какой-то иной календарной системы, отразившейся в приметах. Весной в конце марта—

начале апреля отмечали *тер кудалтым кече* (день отказа от саней). По приметам, если в этот день ветер сдувал через дорогу соломинки, то следовало ожидать ветреное, холодное лето. Достаточное для купания воробья количество воды на дороге предвещало раннюю весну. Если в этот день бывали заморозки, то еще в течение двух недель можно было пользоваться саями.

Осенью такой важной календарной вехой считали *вјд йјкшым кече* (день остывания воды), который приходился на 14 сентября. Этот день также был днем наблюдений. Пожелтение листьев липы и дуба к этому времени возвещало о раннем наступлении зимы. Грозы в этот и последующие дни знаменовали долгую и теплую, но дождливую и сырую осень.

Третьим приметным днем этой календарной системы считали *куван кече* (бабий день), приходящийся на середину октября. По поверьям, бог, жалея женщин, выделяет для них от трех до десяти дней, чтобы они перед началом холодов успели отстирать после осеннего ненастья оставшиеся грязные вещи и белье. Гроза в этот и в последующие дни вещала, что зима будет малоснежной. Если к этому времени не опадут листья, это было признаком грядущей холодной зимы.

В середине ноября замечали *у ий кече* (день ледостава). По первому льду определяли, какой будет предстоящая зима. Если лед был ровный и гладкий, то ожидали холодную зиму, если шероховатый — снежную, сравнительно теплую.

Астрономические наблюдения также были связаны с потребностями сельскохозяйственных работ. Наблюдая за небесными светилами, марийцы отличали планеты от звезд. Планеты они называли *чјксталтше шјдыр* (вспыхивающие звезды). Тем самым подчеркивали их периодичность появления на небосклоне. Наблюдение за планетами имело важное значение в определении сроков тех или иных сельскохозяйственных работ. Так, началом перехода к весеннему циклу работ считалось “вспыхивание” планеты *Тул шјдыр* (огненная звезда — т.е. Марс). Важное значение придавалось наблюдениям за фазами Луны. Новолуние считалось наиболее благоприятным сроком начала ответственных работ. Четвертая, завершающая неделя лунного месяца считалось временем, когда луна “умывала свое лицо”. Было замечено, что в эти сроки, перед новолунием, обычно бывает ненастная погода, что нашло отражение в марийской песне:

Тылзыжат-лай шочылдалеш,
Ош чурийжымат шјалтен...

Луна рождается,
Умыв свое белое личико...

Система счета, измерение времени, объема, веса, площади также были вызваны практическими потребностями. Они отражают исторические особенности, характер хозяйственной деятельности и культурные связи марийцев. Еще в X веке марийцы были втянуты в

систему международной торговли. В счете с восточными купцами основным эквивалентом, с которым соотносили стоимость других товаров, являлась беличья шкурка — *ур*. Впоследствии *ур* становится понятием денежной единицы. Кроме этого, для обозначения единицы серебряной монеты стали использовать понятие *ший ур* или *уриший* (букв. — белка серебра). Еще в конце XIX — начале XX веков одну копейку называли *кум ур* (три белки), 25 копеек — *шйдд ур* (100 белок), 1 рубль — *кум шйдд витле ур* (350 белок) или *ик ший ур* (1 белка серебром).

В системе веса, объема, длины и площади также имелись свои особенности. Для взвешивания небольших по весу предметов у марийцев, как и у других соседних народов, использовался безмен (*пезмен*), единицей измерения являлся фунт — *кремга* (примерно 400 г). Единицей измерения более крупных предметов и сыпучих материалов считались пуд (*пум*), составляющий 40 фунтов (около 16 кг), и батман (*патман*), равный 4 пудам (65,5 кг). Вес более крупного объема сыпучих материалов определялся сшитым из телячьей кожи мешком (*шувыш*) вместимостью 2 или 3 батмана.

Измерения длины производились пядью руки (*шеч*), шагами (*ошкыл*), размахом руки (*шйльд*), вожжами (*сан*). Большие расстояния измерялись в *уштыш* (расстояние слышимого голоса, около 1 версты). Дальние пути отсчитывались днями конного или пешего перехода. За один конный день пути было принято расстояние до пятидесяти верст.

Вычисление площадей производилось соотношением длины к ширине. Таким образом производилось определение площади земельных участков: пахотного надела, сенокосного угодия, лесного участка под корчевание и т.п. При дележе полевых угодий марийцы оставляли широкую полосу между земельными участками, которая считалась священной. По народным поверьям, на эту полосу между хлебами спускался Бог (*Юмо*). Прогуливаясь по этой заповедной земле, он посылал свою благодать и воздавал людям за их труд и радение богатым урожаем.

Размер ткани определялся счетом количества ниток по ширине, которое умножилось затем на длину изделия. Длину ткани измеряли в локтях (*кынер*). Другой единицей измерения длины являлась мера (*ярым*). Один *ярым* равнялся семи аршинам (примерно пяти метрам). Для изготовления определенного количества холста или сукна необходимый объем пряжи вычисляли из расходуемых для этой цели мотков ниток (*мундыра*, *лудыш*, *пошма*).

Житейские потребности способствовали развитию математических знаний. Так, для измерения прямого угла, необходимого при строительстве срубов изб и других строений, применялся способ сопоставления длины двух диагоналей прямоугольника. При счете широко применялся счет десятками (*тесте*), сотнями (*шйдд*), тысячами (*тйжем*). Очевидно, счет парами привел к выделению четного и нечетного чисел — (*тйва* — *тйвыдымд*). Интересным является

понимание множественности в текстах молитв, заговоров, заклинаний. Для ее обозначения использовались такого рода цифры как 41, 77, 81. Причем последняя понималась как квадрат числа 9 (*индеш индеш тјрлѡ*). Однако и математические, и другие рациональные знания в сознании марийцев подчас были тесно переплетены с мифологическими, магическими и другими представлениями. Цифра 77 означала максимум представлений от магической цифры 7. Отсюда, кстати, и представления о 77 языческих богах марийцев, о 77 ярусах неба и т.п. Предельной, отделяющей мир живых от мира мертвых, являлась цифра 41. По поверьям, на 41 день душа умершего навсегда уходила в потусторонний мир. К 41 нечистому духу в своих заклинаниях обращались колдуны. Подобного рода магия цифр встречается у многих народов. Мотив о 77 языках и народах связывает, например, марийскую мифологию с мифологией кавказских народов. Цифра 41 в таком же значении встречается в христианской и мусульманской мифологии, в мифологии других народов.

Важное место в жизненной практике марийцев занимали медицинские и ветеринарные знания, подчас являвшиеся частью тайных знаний “ю”. С последними были знакомы только посвященные: знахари, ясновидящие, предсказатели, ворожеи. Поэтому вся народная медицина марийцев была основана на переплетении рациональных методов врачевания и лечебной магии.

Народная медицина различала простудные, заразные, нервные и другие, вызванные функциональными изменениями в организме, формы заболеваний. Причины болезни видели в воздействии на организм внешних (природных, “насылаемых” колдунами, социальных) и внутренних факторов. Многие заболевания, по мнению марийцев, были вызваны различными духами: *мужо*, *вувер* (*увер*) и другими. Они якобы проникали внутрь человека сами или при помощи колдунов и начинали “грызть” какой-либо внутренний орган и другие части человеческого тела. Знахари должны были перед началом лечения, выяснить природу болезни, для чего расспрашивали пациента и его родственников. Одновременно они выявляли симптомы болезни и ставили диагноз. После этого для “выведения” болезни из организма употребляли как психотерапевтические, так и медикаментозные средства. В арсенале лечебных средств марийских врачей находились различные приемы лечения: биоэнергетические, мануальные, медитирования, иглоукалывания и другие.

Широкое применение в лечебной практике получили траволечение, изготовление отваров и настоев, различного рода примочки и компрессы, банки и грелки, присыпание ран и нагноений разнообразными порошками. Значительное место среди лечебных средств отводилось лекарственным препаратам из минеральных веществ и средств животного происхождения. Из минеральных веществ широко применялись соль, деготь, древесный уголь, зола. Из соли готовили множество лечебных средств. Только обожженной соли было несколько видов, каждый из которых имел свое предназначение.

Из средств животного происхождения широко применялся внутренний жир медведя и барсука. Его употребляли для лечения заболеваний внутренних органов. Применялись также змеиное мясо, жир и кожа после линьки. Кожу змей, распарив или обмазав жиром, накладывали на рану, нагноение, опухоль. В виде порошка она использовалась в качестве заживляющего средства. Хирургические способы лечения, основанные на знании анатомии костно-мышечной системы человека, выражались в практике умельцев-костоправов, которые имелись в каждой округе. Они лечили грыжу и растяжения, вправляли вывихи и переломы, для чего применяли растирания, массаж, парную баню.

Наряду с медицинскими, накапливались и ветеринарные знания. Знание анатомии животных, физиологических особенностей их организма во многом делали лечение успешным. Для этих целей готовили также настои и отвары из различных трав. При отравлениях животных, вздутиях живота у коров и овец, коликах у лошадей применяли отвар из семян льна. Жвачным животным для стимулирования процесса пищеварения в пасть вдевали специальное приспособление из лыка. Для лечения воспалительных процессов и ревматизма конечностей делали припарки из 77 трав, т.е. из сенной трухи.

В дореволюционный период в условиях крайне редкой сети учреждений здравоохранения и острого дефицита медработников народная медицина была едва ли не единственной формой врачебной помощи у подавляющего большинства марийского населения, как и во всей России. В этом отношении ее значение и роль в жизни марийцев нельзя недооценивать.

Что касается географических и исторических знаний, то удобное расположение на волжском торговом пути издревле связывало марийцев с различными странами и народами. В их памяти сохранялись и передавались сведения и названия ряда соседствующих племен и народов. Западными соседями марийцев являлись русские (*руш*), есть сведения о чуди (*тютя*). Былые связи с мордвой, мерей и муромой сохранились в марийских именах. На востоке марийцы тесно контактировали с удмуртами (*одо*). На юго-востоке и юге марийцы имели многовековые связи с булгарами (*суас*), а затем с татарами (*суас, татар*) и чувашами (*кукмари, суасламары*).

Активные связи марийцев с тюркоязычными соседями стали возможными благодаря знанию большинством населения татарского языка, служившего, очевидно, с XV века на Средней Волге языком межнационального общения. Это обогатило географические представления и способствовало установлению контактов с ногайцами, некогда жившими в Заволжье. Кочевья ногайцев распространялись до левобережья Камы. Марийцы получили право на владение бортными угодиями в ногайских улусах по реке Черемшан и даже далее на юг — до Самарской луки. Марийцы принимали участие (в войске Мамай) в Куликовской битве. Вместе с татарами совершали

походы на русские земли. Известен также самостоятельный поход марийцев на Великий Устюг. Марийские князья принимали участие в посольствах от Казани в переговорах с Москвой. Нередко марийцы посещали и Крымское ханство. В анонимном сочинении “История о Казанском царстве” сообщается, что с Сафа-Гиреем в Крым ушло 30 тысяч черемис.

Уже с XVI века упоминается в письменных источниках “далная черемиса”, жившая на востоке Казанского ханства по р. Белой. Связи коренной территории с “далней черемисой” очевидно не прерывались. Именно туда хлынул поток марийцев в XVIII веке. В первое время марийцы-переселенцы, осевшие в Уфимском уезде, периодически возвращались к себе на родину в Казанский уезд для уплаты податей. В исторических источниках есть сообщения о возвращении марийцев-переселенцев из башкирских земель обратно в Марийский край. Все это с очевидностью свидетельствует о хорошем знании марийцами географии Приуральско-Поволжского региона.

Свою память об историческом прошлом народ отразил в преданиях, легендах, былинах. Одним из сохранившихся марийских преданий является “Орвуй” (орвуй — горная крепость, укрепление). В этой крепости жили три марийских богатыря: Онар, Ыжмари, Дурнаран. Они перекидывались огромными валунами с вражескими богатырями, жившими на другой горе. Этот сюжет в марийских исторических легендах и преданиях встречается редко. Такого рода рассказы и былины распространены у коми и коми-пермяков. Но о том, что предание возникло у марийцев, свидетельствуют имена богатырей. Онар — это эпический герой народа. Это великан, перешагивающий через реки и озера. Даже вековой лес был ему по колено. Люди для него казались крохотными существами, копающимися в земле. Там, где он вытряхивал из своей обуви землю, остались огромные курганы, раскиданные по территории обитания марийцев.

Ыжмари представляет собой собирательное название марийцев, проживающих в бассейне реки Иж, притоке Пижмы. Очевидно, в прошлом это было название племени. На это наталкивает имя третьего великана — Дурнаран. На территории края в прошлом имелись несколько волостей и населенных пунктов, включающих в свое название это слово: Турнарань, Вошташ-Турнарань, Ронга-Турнарань, Толмань-Турнарань, Тушнур-Турнарань. На рубеже XVIII — XIX веков название “Турнарань” исчезает из названий волостей и селений. Вероятно, Турнарань — это самоназвание этнической группы, некогда жившей в этой местности. Но после того, как она окончательно смешалась с марийцами, ее самоназвание стало забываться и исчезло.

В слове “*турнарань*” выделяется составная часть — *ярань*. В Марийском крае в XVII — XVIII веках имелись также волости с этим названием — Яран и Кундыш-Яран. Слово “*яран*” входит в состав названий селений Арино, Чкарино, Мушерань, Ерань и дру-

гих. Среди марийцев известна этнографическая группа *ярамари*. Территория ее проживания совпадает с границами бывших волостей Яран и Кундыш-Яран.

Яранами коми называли ненцев. Поэтому население, известное под названием “яран” и “турнарань”, очевидно, было самодийским по происхождению, близким по языку к ненцам, нганасанам и другим.

В исторической памяти марийцев отношения с самодийским населением края нашли отражение также в преданиях и легендах о длинноволосых и грудастых существах — *овда*. В пределах республики выделяются два округа, где бытуют предания о местах обитания и жилищах овды. Первый ограничивается междуречьем Илети и Малого Кундыша, второй охватывает бассейны рек Немда и Иж, включая верхние течения Малой и Большой Кокшаги. В пределах этих территорий в основном распространены сказания о “свадьбах овды”. Здесь же якобы пролегали и “дороги овды”, по которым следовали их свадьбы. Этих дорог было три: первая — вверх по течению Илети, затем по реке Ляж; вторая — по реке Малый Кундыш и далее на север по реке Немда; третья — вверх по Малой Кокшаге и далее по реке Иж.

Показательно, что известные в прошлом волости и селения с названиями Турнарань и Яран находились в пределах территории “обитания” легендарного, возможно, реально существовавшего племени, названного марийцами “овда”. Можно предполагать, что Ветлужско-Вятское междуречье в древности было контактной зоной предков современных самодийцев и волжских финнов, взаимоотношения которых нашли отражение в марийских легендах и преданиях.

В течение многовековой истории народ выработал нормы и правила, регулирующие отношения между людьми. Одной из такого рода норм являлось право. Это было неписаное право, право как обычай. Поэтому его называют обычным правом.

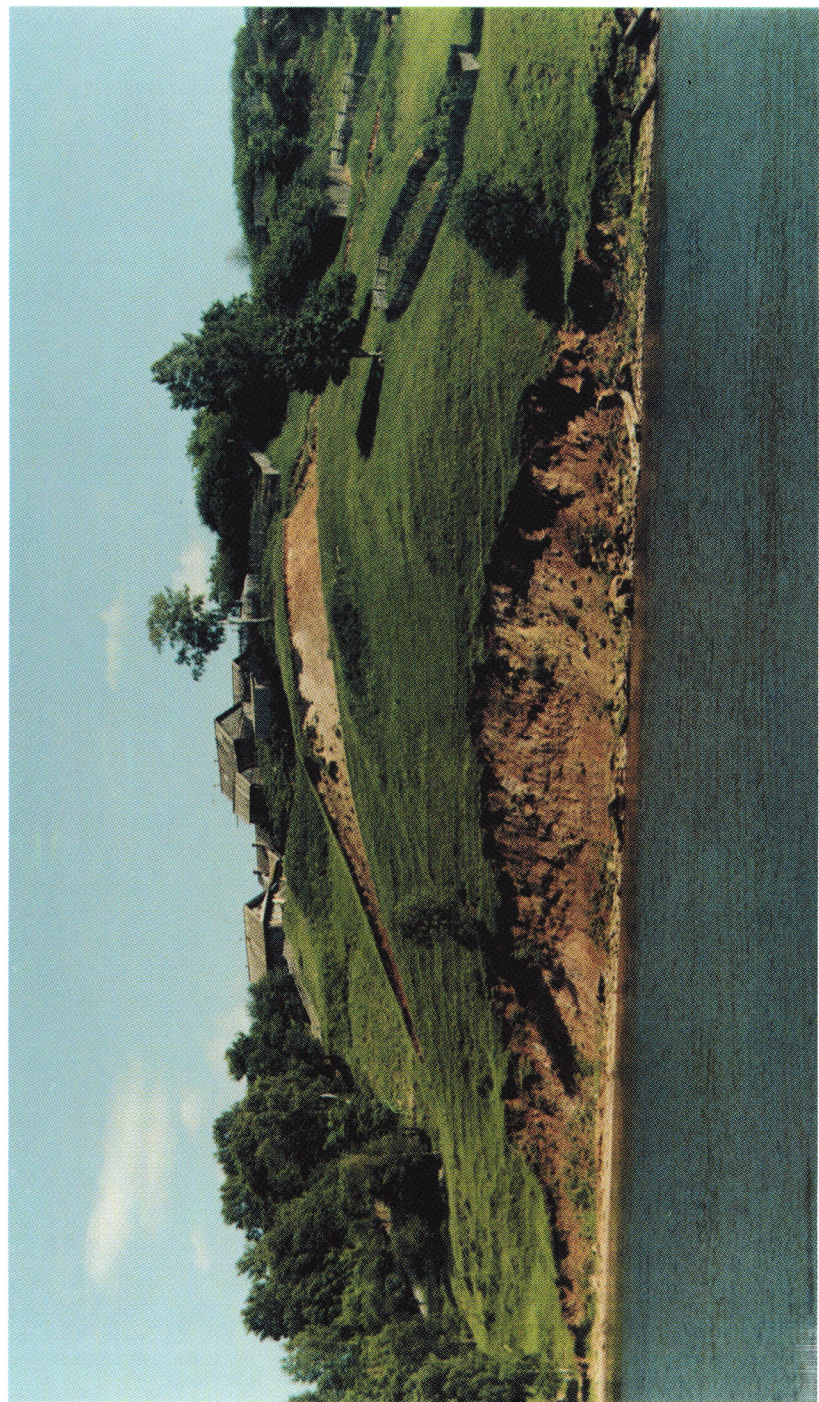
Среди важнейших являлось право собственности. Собственность была личной и коллективной. Коллективная собственность распространялась на пастбища, сенокосные угодья, леса и т.п. В личной собственности находились изба, хозяйственные постройки, инвентарь, бортные угодья. Для обозначения собственности ставили знаки (*тиссте*). В личной собственности находилась также в течение нескольких лет раскорчеванная из-под леса земля.

К концу XVIII века большинство марийцев уже жило в небольших деревнях. Поселения типа хуторов (*илем*) практически исчезли. Поэтому в системе обычных норм определяющим становится общинное право. Община следила за своевременной уплатой податей, выполняла судебные функции. Правонарушителей привлекали к различным формам наказания, вплоть до публичных порок. За тяжкие преступления существовал обычай изгнания из общины.

Знания, накапливаемые из поколения в поколение, в процессе жизнедеятельности передавались от родителей к детям, от старших

Женщины-марийки в национальном костюме

Марийская деревня на берегу Волги

Марийские народные музыкальные инструменты: свирель, гусли

Ворота с резными украшениями

Двухэтажный амбар-клеть

Передняя часть избы

Вторая половина избы

Марийка за ткацким станком

Плетеные изделия

Моление в священной роще

Моркинская свадьба

Женский головной убор:
шымакш луговых мари и шарпан горных мари

к младшим. Они включали в себя также умения, навыки и культуру труда. Это был жизненный опыт, традиции одной семьи, которая одновременно являлась носителем многовековых знаний и народной культуры. В жизни и быту крестьян семья являлась одним из главных общественных институтов воспитания.

В условиях натурального хозяйства каждая семья обеспечивала сама себя почти всем необходимым. Семейное воспитание своей целью ставило подготовку человека к будущей жизни. Поэтому народная педагогика мариЙцев включала в себя два важнейших направления: трудовое и нравственно-социальное воспитание. Человек мог считаться полноправным членом семьи, общины лишь в том случае, если владел необходимыми трудовыми навыками и обладал определенными нравственными качествами.

Трудовое воспитание у мариЙцев начиналось с малых лет. Самой ранней формой приобщения детей к труду являлся присмотр старших за младшими. Это сводилось чаще всего к их совместной игре, где старший выполнял роль организатора и руководителя игры. Дети 6—7 лет уже выполняли по дому посильную работу: кормили домашних животных, убрались в доме, собирали ягоды и грибы, пололи сорняки. Раньше у мариЙцев мальчиков не кормили, пока они, стреляя из лука, не попадали в цель. Детей приучали относиться ответственно к своим обязанностям. С 12—13 лет девочки учились рукоделию, а к 15 годам девушки должны были уметь вязать, прясть, ткать, шить и вышивать. Мальчики-подростки 14—15 лет уже могли выполнять многое из работ взрослых: ухаживали за лошадьми, возили снопы, сено, дрова и навоз, боронили, плели лапти, изготавливали необходимую в хозяйстве утварь, помогали взрослым в лесных и строительных работах.

Существовал своеобразный смотр умений и навыков молодежи. В каждом селении ежегодно выполнялись общественные или совместные виды трудовой деятельности: различного рода помочи (*вѳма*), заготовка сена и т.п. Здесь юноши должны были показать свое умение, сноровку, трудолюбие. Для девушек такого рода испытаниями являлись посиделки, которые устраивались во время зимних календарных праздников.

В системе воспитательных средств, кроме передачи умений и навыков, мариЙцы важное значение придавали пословицам, поговоркам и загадкам. Загадки были своеобразной формой умственного воспитания. Многие загадки представляли собой сжатые мифы, несли в себе характеристики важнейших черт животных, свойств различных веществ, особенностей природных явлений. Пословицы и поговорки являлись средствами и трудового, и нравственного воспитания. Они давали определенные установки познавательной и практической деятельности. Стремясь воспитать в детях трудолюбие и добросовестное отношение к своей деятельности, мариЙские пословицы учили: “Вашке паша важык кая” (торопливый труд боком выйдет), “Ыштымет шужо — паша туныкта” (было бы же-

ление, работа научит), “Ыштет гын, паша эре ушна” (будешь трудиться — будет и результат). Народная педагогика призывала к уважению старших, скромности, добропорядочности: “Ава — кава” (мать — небо, т.е. высшая святость), “Кугурак деч лўд, изирак деч вожыл” (старших чти, младших стыдись), “Моктанышын мокшыжо шелеш” (у хвастуна лопнет печенка, т.е. не будет результата в работе).

В нравственном воспитании социально-педагогическими средствами являлись также религия, обычаи и традиции. У марийцев дети наравне со взрослыми принимали участие в семейных и общественных жертвоприношениях и обрядах. Во время календарных праздников детям различных возрастов поручали выполнение каких-либо ритуальных обязанностей. В некоторых из них они зачастую играли главную роль. Так, обряд *сўрем* (изгнание нечистой силы из деревень), совершали подростки. В скачках во время летнего праздника *Кўсё* также участвовали юноши и подростки. Многие игры магического содержания поручались детям.

Высшими нравственными качествами народная педагогика марийцев считала доброту, соблюдение различного рода предписаний и норм этикета. И вся система воспитания в целом была подчинена формированию этих социально-нравственных черт личности, которые наряду с трудовым воспитанием формировали тип высоконравственного, трудолюбивого человека.

Устное народное творчество

Устное народное творчество марийцев богато по содержанию, разнообразно по видам и жанрам. Возникшее в глубокой древности, оно выражало думы и чаяния людей, их практический ум и смекалку. В нем нашли отражение реальные исторические события, эпические сюжеты, обычаи и обряды, мифологические представления и многие другие стороны жизни народа.

В легендах и преданиях (*тошто ой*) нашли отражение различные моменты этнической и социально-политической истории: расселение и миграции, взаимоотношения с соседними племенами и народами, сражения с чужеземцами, деятельность и подвиги героев и богатырей, основание городищ, поселений и городов, происхождение и появление различных форм и видов хозяйства и культуры, социальных явлений, участие в общественно-политических событиях в различные периоды и другое. Сказки (*йомак, шая*) в аллегорической форме повествуют о социальной жизни народа, бытовых взаимоотношениях людей, восхваляют положительные и высмеивают отрицательные их качества и поступки, выражают торжество добра над злом. Наиболее оригинальны сказки о животных и бытовые, в волшебных сказках многочисленны сюжеты и образы из фольклора тюркоязычных и русских соседей. Во многих сказках встре-

чаются представления, уходящие своими корнями в глубь веков.

Значительное место в устном народном творчестве марийцев занимал обрядовый фольклор. Обрядовый фольклор был тесно связан с различного рода торжествами: календарными праздниками, свадебными церемониями, похоронно-поминальными обрядами, проводами на военную службу и т.п. Эти события сопровождались специально приуроченными для них песнями, плясками, музыкой, закликаниями. Обрядовые песни исполнялись под особую, в каждом случае определенную мелодию, нередко в музыкальном сопровождении.

Песни (*муро, мыры*) — самый распространенный и наиболее самобытный жанр марийского фольклора. В них народ поэтично воспевал родной край и его природу, выражал чувства радости, надежды и горя. Песни сопровождали трудовую деятельность, праздничные торжества, игры и развлечения, семейные обряды. Различаются трудовые, бытовые, гостевые, свадебные, сиротские, рекрутские, поминальные, песни-раздумья и другие. Характерной особенностью марийских песен является двухчастное построение образных выражений на основе сравнения или противопоставления: за изображением природного явления воспроизводится выражение чувства, состояния души или действия личности. В качестве примера можно привести песню из сборника К. А. Четкарева в переводе С. П. Поделкова:

Воды б напилась, да цветиста она,
Взошла бы на берег, да очень высок.
Тебя я хотела бы видеть всегда,
Да встал между нами отец поперек.

Особенно богаты и разнообразны по репертуару и мелодике свадебные песни, как и весь свадебный фольклор. Во время свадьбы свадебные чины должны были исполнять песни, посвященные конкретным лицам, участникам и гостям со стороны невесты. Основную песенную нагрузку несли женщины-участницы обряда (*сѣжан-вате*) со стороны жениха. В своих песнях они извещали о цели приезда, описывали путь следования, песнями выкупали место за столом, выражали благодарность хозяевам и их родне за прием, угощение и воспитание невесты, отдавали должное ей самой. Они непременно воздавали хвалу своей округе и деревне, жениху, его родителям и их хозяйству, выражали пожелания здоровья, счастья, достатка и многочисленного потомства молодежи. Невестина родня также обращалась с песнями к жениху и участникам его свадебного поезда. Перед отправлением поезда в дом жениха, после прощальных песен, женщины-песенницы обращались к невесте:

Айда, шешке, каена, шешке,
Ачат-ават вучалеш, вучалеш.

Едем, невеста, отправляемся,
Свекор-свекровь ждут не дождутся.

Ачат-аватлан — порсын тувыр,
Мыланнаже — шовычо, шовычо.

Свекру и свекрови — рубашки в шелку,
Нам подаришь по полотенцу.

В рекрутских песнях, исполняемых мобилизованными на армейскую службу, наряду с грустным чувством разлуки выражалась надежда на возвращение:

Каена вет, кодыда вет,
Уремнаже яраш кодеш.
Уремнаже яраш кодеш,
Мемнан тагна кӧлан кодеш?

Мы уезжаем, вы остаетесь —
Улицы опустеют,
Сиротливыми останутся,
Подруги наши кому же достанутся?

Ужатыза, ужатыза
Пасугапка лекмешке.
Йогынвӱдшат чарнен шога
Мемнан пӧртыл толмешке.

Проводите, проводите
Нас за полевые ворота.
Течение реки остановится
До нашего возвращения.

Большинство марийских песен имеет протяжную интонацию. Основой музыкального строя является пентатоника (пятизвучный бесполутоновый звукоряд), как и у соседних поволжских народов. Несмотря на ограниченный ладовый звукоряд, мелодии марийских песен довольно выразительны, их ритмический рисунок богат и разнообразен.

Строю народной песни соответствуют марийские музыкальные инструменты. Наиболее распространенными из них были: из духовых — свирель (*шиялтыш*), деревянные трубы, обмотанные берестой (*пуч*), волынка с пузырем (*шӱвыр*), глиняные свистульки (*шун шӱшпык*); из струнных щипковых — гусли (*кӱсле*, *кӱриш*), скрипка (*ковыж*), из ударных — барабан (*тӱмыр*). В XIX веке получили распространение гармонии.

Инструментальная музыка марийцев была тесно связана с семейной и религиозной обрядностью, с песенно-танцевальным творчеством. Под волынку в сопровождении барабана наигрывали песенные и танцевальные мелодии во время праздников и свадеб, ритуальные — на поминках, во время осмотра всходов после посева. Волынщики (*шӱвырзӧ*) считались самыми дорогими и почетными лицами на праздниках и обрядах, выполняющими общественный долг, за что награждались вышитыми рубашками или полотенцами. Особенно престижным считалось участие волынщика в качестве свадебного чина. Наиболее популярные волынщики за свою жизнь играли на десятках свадеб, чему свидетельством была масса свадебных полотенец.

Песенно-танцевальные мелодии исполнялись также на гусях, на них играли и женщины. Во время молений в священных рощах гусли использовались для наигрывания ритуальных мелодий. Трубы являлись сигнальным инструментом охотников, пастухов, лесорубов. Во время праздников *Сӱрем* и *Угинде* игра на трубе приоб-

Игра на гусях

ретала ритуальный характер. Среди луговых марийцев известны были девичьи трубы, в которые в свободные от работ летние вечера трубили невесты на выданье. Оригинальным способом исполнения было воспроизведение женщинами и девушками песенных и плясовых мелодий губами с помощью древесного листа или тонкой кожицы бересты.

К устному народному творчеству можно отнести заговоры и заклинания, представляющие собой средства магического воздействия на окружающий мир посредством особого рода словесных формул. Они имели различную направленность: предохранительную (от порчи), лечебно-целительную (от болезни), любовную (для приворота), а также противоположного к ним действия. Словесные изречения заговоров и заклинаний облекаются в тонкие эпитеты и сравнения. Например, чтобы предохранить от порчи (*локтыш*) или кратковременности жизни, обеспечить долгий век личности, произносили длинный монолог над заговариваемым предметом (еда, напиток): “Когда колдун сможет укоротить век Бога, только тогда пусть возьмет душу (данной личности)”. Далее следует перечисление других природных объектов — земли, моря, молнии, радуги, ветра, облаков, одновременно 77 видов птиц и деревьев, 77 людей, вечное бытие и жизнь которых колдун должен будет суметь отнять, чтобы обречь на преждевременную смерть конкретно заговариваемого человека. Завершается заговор пожеланием: “Как тает масло, лед, растворяется мед, рассеиваются и тают облака, радуга, иней... пусть так же тает, уходит, не достигает успеха порча, насылаемая колдуном”.

Многочисленные словесные формулы произносились при заговорах на любовь, чтобы “присушить” душу и сердце, обеспечить взаимные чувства конкретных партнеров действиями одного из них или третьим лицом. Суть формулы выражалась в перечислении набора образных явлений или предметов, сравниваемых с чувством симпатии и любви. Так, в одном из заговоров произносились следующие изречения: “Как разгорается огонь, занимается заря, светит солнце... пусть так же разгорается (светит) чувство его любви ко мне”. В другом случае приводятся следующие сравнения: “Как солнце (луна) вращается вокруг земли, как хмель обвивается вокруг жерди, колесо вращается вокруг оси, мельничный жернов крутится относительно другого, как молоко (вода) закипает и обращается внутри котла, так и его душа, сердце пусть вращаются, обвиваются вокруг меня, прикипают ко мне”. Используются и такие формулы: “Как 77 видов цветов расцветают, 77 видов плодов зреют, как чело печи и лавка, пара столбов изгороди... обращены друг к другу, пусть так же и его чувства расцветают (зреют), его душа и сердце пусть будут обращены ко мне”. При произнесении заговора каждая формула выговаривается полностью отдельным предложением.

В послеоктябрьское время фольклор получил развитие в форме художественной самодеятельности. Наиболее популярным остается обрядовый фольклор с его традиционным песенно-танцевальным репертуаром в разнообразном музыкальном сопровождении. Наряду с песнями, популярными стали частушки в сопровождении гармони и баяна. В последние десятилетия при сельских и городских Домах культуры, в различных производственных коллективах и учебных заведениях возникли фольклорные ансамбли, в репертуаре и исполнении которых развиты и возрождены традиционные песни, пляски, игры и музыкальные инструменты. Первый в республике фольклорный ансамбль “Марий памаш” (“Марийский родник”) проложил дорогу и за пределы страны, ознакомил с марийским народным творчеством и искусством ряд европейских стран от Финляндии до Испании. Вслед за ним в Венгрии, Финляндии и Эстонии побывали и другие фольклорные коллективы.

С образованием марийской автономии были созданы условия для развития профессиональной культуры и искусства: печати и литературы, театра и музыки, живописи, скульптуры и архитектуры.

Мифологические представления

Марийская мифология включила в себя элементы различных мифологических систем: уральской, финно-угорской, индо-иранской, тюркской и других. Наиболее древней является уральская мифологическая традиция, объясняющая происхождение мира, людей, животных. Согласно уральскому мифу, на поверхность мирового океана прилетела небесная утка. Она снесла два яйца, из которых

родились два брата — Юмо и Йын. Вначале они имели облик птиц-селезней. Юмо и Йын попеременно ныряли на дно океана и в клюве доставали ил, из которого образовалась земля. Затем Юмо стал творить человека и животных, предопределять их будущую судьбу. Йын мешал творению, за что Юмо прогнал его с земли и запер в подземном мире.

Таким образом, еще далекие предки марийского народа выразили идею противоборства добра и зла, положительного и отрицательного начал. Оценочное отношение к этим мифологическим персонажам возникло не сразу. Вначале они не противопоставлялись, о чем свидетельствует такая же по содержанию мифология коми. Но там Йомы (Юмо) наделен отрицательными, а Ен (Йын) — положительными чертами.

Индо-иранский пласт представлен в мифологии марийцев мотивом отделения неба и небожителей от мира людей. Люди осквернили *юмо* (*юмо* здесь уже употребляется в значении “небо”). В наказание *юмо* в течение 7 дней и ночей с шумом поднималось ввысь, оно решило лишить людей хлеба. Лишь благодаря собаке, вымолившей оставить ей на пропитание, остался небольшой колосок на верхушке стебля. Согласно мифу, прежде колос хлебов рос с самого основания, а рожь была ветвистой. В древнеиранской книге священных гимнов и заклинаний “Авеста” сообщается о крылатой собаке Сэнмурв. По поверьям, она являлась посредницей между божеством неба и землей, а также считалась охранительницей хлебов. Сюжет этого древнеиранского мифа лег в основу марийского.

Финно-угорская (финская) мифологическая традиция представлена в астральной мифологии марийцев, то есть в художественно-образной картине звездного неба. Она возникла на основе предшествующих мифологических представлений. В астральной мифологии *юмо* уже понимается как самый верхний ярус неба, как небесная твердь, где живут небожители. Этих небожителей поэтому называли *юмын*.

Астральная мифология в центре небесной тверди помещала “небесный столб” (*кава менге*), т.е. Полярную звезду. Вокруг него во вращательной последовательности располагалось созвездие Лося (*шордышӱдыр*, или *шордо*). Выше него находилось созвездие Лебедя (*ӱӱксӧ*, или *юмын кайык*). Между ними помещали созвездие Небесного барана (*юмын тага*) — фантастического существа, соединяющего в себе черты барана и птицы бекаса. Очень похожую картину звездного неба нарисовал во II тысячелетии до н.э. древний художник на камне близ Онежского озера. Иначе говоря, в марийской мифологии сохранилась художественная картина звездного неба, уходящая своими корнями в глубокую древность.

В дальнейшем эта картина несколько видоизменилась. Ключевым персонажем астральной мифологии стала дочь неба, или небесная дева (*юмынӱдыр*). Ее вначале называли небесной пастушкой. В связи с этим переосмысливаются ранее известные образы.

Небесный лось превращается в небесного коня (*юмын имне*). Появляется новый образ — небесного быка или иногда — небесной коровы. Все они вместе с небесным бараном образуют небесное стадо (*юмын күйтү*). Вращение звезд вокруг Полярной звезды понимается уже как пастьба небесного стада, погоняемого пастушкой (*юмын-йүдыр*). Если раньше астральный мир заключался лишь в пространстве близ Полярной звезды, то теперь осмысливаются и возникают новые образы: небесного хлева (*юмын вүта*) и небесной реки (*юмын-нэгер*). Под небесной рекой понимали Млечный путь. К этой реке спускалось на водопой небесное стадо.

В следующем варианте астральных представлений вращение звезд вокруг Полярной звезды объясняется уже прядением небесной девы серебряной или шелковой нити. Именно она, согласно мифу, вращением своего веретена (*шүдыр*) приводит в движение весь звездный небосвод. В связи с этим в художественной картине звездного неба появляются образы Веретена (*шүдыр*), заменившего образ небесного столба (*кава менге*), прялки, серебряной нити, клубка, небесного круга (*тетра*). Этот уровень астральной мифологии сохранился лишь в устно-поэтическом творчестве, в текстах молитв, заговоров, заклинаний.

Более позднее художественно-образное видение марийцами звездного неба несколько изменилось под влиянием тюркской мифологии, откуда был воспринят сюжет о падчерице (или золовке). Согласно мифу, мачеха (или жена брата), невзлюбив девушку, отправляет ее раздетой в зимнюю стужу с решетом за водой. Сжалившись над девушкой, Луна забирает ее к себе. Марийцы, переосмыслив данный сюжет, составили своеобразную художественную картину звездного неба, которая в значительной степени оттеснила предшествующую. Так возникли новые образы: лунной девушки, коромысла, ковша, решета. Некоторые из них заменили прежние. Созвездие *Шордыш-йүдыр* получило название *Коркаш-йүдыр* (ковш), *Лудо пыжаш* (Плеяды) стало отождествлять с решетом, получив название *Шоктеш-йүдыр*.

Замещение прежних астральных образов заимствованными было связано с превращением древних небесных образов в земных божеств и духов. Низвержение “небожителей” отчетливо проявляется в образе божества *Водыж*. Вначале оно являлось небесным быком. Но в первой половине XIX века уже понималось как божество, охраняющее селение и пасущее домашний скот. Такое низведение божеств означало перенесение астрального центра мира на землю. Деревня в сознании крестьянина принималась за исходный центр Вселенной. Его общинный мир и жилище заменили небесный столб. И небесный бык становится божеством-хранителем селения, а позднее превращается в домового духа (*кудыводыж*). *Кудо*, летняя кухня, была разделена на две половины. В большей (*кугу кудо*) готовили еду и питались, здесь же совершали семейные моления. В меньшей, священной половине (*изи кудо*), хранились семейные реликвии. В ней находился специальный берестяной короб, где, по

поверьям, обитал *кудыводыж*. И, наконец, *водыж* превращается в рядового духа-хранителя различных природных объектов: дорог, ключей, земли, огня и т.п.

Значительные изменения претерпел образ и другого астрального персонажа — *юмынӳдыр*. Небесная дева также была низведена из небожителей и превращена в домовую покровительницу (*кудерткува*). Если зимними вечерами в сениях слышалось жужжание, похожее на шум вращающегося веретена, то считали, что это *кудерткува* прядет свою серебряную нить. Ее появление в жилище, по поверьям, было добрым знаком и свидетельствовало о том, что в доме будет достаток и счастье. Возникнув в глубокой древности, мифологические представления марийцев к концу XIX — началу XX веков перетерпели значительные изменения и сохранились лишь в фрагментах различных жанров устного народного творчества. Многие мифологические персонажи превратились в духов, героев волшебных сказок, в образы народной поэзии.

Религиозные верования

Вплоть до настоящего времени среди марийцев сохранились языческие верования. Приверженцев язычества называют “*чимарий*”. Они обожествляют природу и поклоняются многочисленным богам.

Язычество, как религия, складывалась естественно-историческим путем. Оно возникло в период распада первобытно-общинного строя, когда люди перешли к развитым формам производящего хозяйства, прежде всего, к пашенному земледелию. Язычество включает в себя многое из предшествующих форм общественного сознания: почитание природы, веру в одушевленность предметов и явлений окружающего мира, разделение мира на реальный и сверхъестественный и другое. Предшествующие мифологические представления также стали составной частью языческого мировоззрения. Однако они в значительной степени были переосмыслены. *Юмо* из понятия “небо” превратился в высшее небесное божество. Также и многие “небожители” стали выполнять иные роли в языческих обрядовых действиях. Согласно языческой мифологии, у бога *Юмо* его небесные кони истерли свои копыта, и поэтому он просил себе взамен ежегодно жертвовать коня. Жертвенного коня марийцы отождествляли с небесным конем и называли *юмын ормак*. Верховным божествам жертвовали также и других заместителей “небесного стада” — быков, коров, баранов и овец.

Для языческого миропонимания марийцев являлось характерным отождествление неба с какой-либо стихией: водой, землей, воздухом, огнем и т.п. В соответствии с этим каждая из этих стихий была земным или реальным воплощением бога (*юмо*), понимаемого еще в значении неба. Отсюда вытекало, что все стихии, как и небо, имеют своих праматерей (*ава*). На этой основе возникает и

представление о богинях, женских божествах. Однако не все из них имели равнозначное место в языческих обрядах. Наиболее почитаемыми считались *Мландава* (мать земли), *Вјдава* (мать воды), *Мардежава* (мать ветра), *Шочынава* (порождающая мать). *Юмынава* (мать неба) хотя и возглавляла этот пантеон, но, в отличие от большинства богинь, не имела своего постоянного капища. Ей лишь во время молений в священных рощах зажигали отдельный жертвенный костер.

Одной из самых почитаемых богинь считалась *Шочынава*. Обычно подношения ей совершали дома. Она являлась богиней, покровительствующей всему, что рождается и что имеет начало. Она была одновременно и всеобщей, и индивидуальной богиней. Каждый человек после рождения, по верованиям марийцев, имел свою богиню-покровительницу (*шочынава*). Ее представляли в образе женщины, которая незримо следует за своим подопечным, оберегая его от всяких невзгод.

В языческих представлениях марийцев отдельно от богинь существовал пантеон мужских богов (*юмо*), считавшийся основным. Боги в нем подразделялись на три группы: небесные, или верхние; земледельческие, или аграрные и покровительствующие пчеловодству. В марийском язычестве не было богов леса, охоты, домашнего животноводства.

К небесным или верхним богам относились: *Ош кугу юмо* (белый верховный бог), *Пўрышö* или *Пўйырышö юмо* (бог-предопределятель судьбы), *Кўдырчö юмо* (бог грома), *Тўнямбал юмо* или *Тўня пўрышö юмо* (бог всего сущего), *Эрге пўйырышö юмо* (бог-предопределятель сыновей), *Кава юмо* (бог неба), *Кугу серлагыш* или *Сакче юмо* (бог-хранитель). У каждого из них были в подчинении другие божества и ангелы. Некоторые из богов имели своих посланников (*пиямбар*). Так, в подчинении (личном штате) *Ош кугу юмо* находились *юмын пиямбар* (посланник), *юмын шочын* (прародительница), *юмынава* (мать неба), *юмын витньызе* (докладчик), *юмын шукчо* или *юмын суксо* (хранитель), *юмын перке* или *юмын казначи* (содержатель имущества), *юмын пўрышö* (предопределятель бога) и другие.

Среди верхних или небесных богов высшими считались три: *Ош кугу юмо*, *Пўрышö юмо* и *Кўдырчö юмо*. Этим трем богам в священных рощах посвящались три священных дерева (*онапу*). Ими чаще всего являлись дуб и липа, которые в знак отличия опоясывались особым лыком (*йштö*). В священный пояс вдевались ветки липы и рябины. На свисающих концах лыка делались различные насечки, наносились сакральные знаки (*тисте*). Кроме деревьев, посвященных трем высшим богам, и другим божествам при семейных или личных молениях посвящались священные деревья.

К божествам земледелия относились божества-хранители хлебов и божества пашни, ведающие плодородием земли. И тех и других было по семь.

Божеств, покровительствующих пчеловодству, также насчитыва-

лось семь. В качестве жертвенного подношения им предлагали сотовый мёд. Кроме того, двум из этих божеств — *мўкиш шочын* (прародительнице пчел) и *мўкиш пўрышö* (предопределителю пчел) ставили свечи, другим же предлагалось хлебное угощение.

К числу божеств, почитаемых марийцами, относились также посланники или пророки (*пиямбар*) и ангелы-хранители (*суксо, сакче*), утвердившиеся в язычестве через ислам, христианство и, возможно, через другие религии. Почти все верхние боги да и богини имели ряд конкретных проявлений. Так, верховный бог *Ош кугу юмо*, в зависимости от иерархии религиозных объединений и назначения молений — общинных, окружных, объединенных (*мер, тиште, тўня*), мог называться: *Тўн кугу юмо, Мер кугу юмо, Кава кугу юмо, Тўня кугу юмо, Вуйвал кугу юмо* и далее. В зависимости от ранга моления в его пантеоне мог быть больший или меньший состав богов, что определяло размер жертвоприношений. Женское божество *Шочынава* также имело несколько конкретных проявлений: *Тунямбал шочынава, Мер шочынава, Вуйўмбал шочынава* и другие.

Языческая религия представляла собой открытую религиозно-мифологическую систему, она никогда не была канонизированной. Поэтому изначально в ней могли возникнуть различного рода локальные особенности. Поэтому она вбирала в себя элементы других религий — ислама, христианства. Все это значительно усложняло и запутывало и без того весьма сложную иерархию богов марийского языческого пантеона.

У луговых марийцев, вследствие христианизации, происходила значительная трансформация в языческих верованиях. Формально приняв христианство, многие из них продолжали отправлять в общественной жизни и в быту языческие обряды. Так возникло двоеверие (*марла вера*). Характерной особенностью этого синкретического христианско-языческого культа явилось упрощение прежнего языческого пантеона и включение в новый штат богов христианских святых и персонажей христианской мифологии. В их числе можно назвать Николая-чудотворца (*Миколо юмо*), Иисуса Христа (*У юмо, Кугече юмо*), Илью-пророка (*Эр йжара юмо*) и других. Во время общественных молений и в вероучении “*марла вера*” значительную роль стали играть второстепенные в прошлом боги и божества из личного штата *Ош кугу юмо* — *Серлагыш, Пўрышö, Пиямбар*, а также божества, неизвестные в языческом пантеоне — *мланде юмо* (бог земли), *кинде юмо* (бог хлеба), *саска юмо* (бог овощей и плодов), *паша юмо* (бог труда) и другие.

Во второй половине XIX века происходит разрушение патриархального уклада российской деревни. Этот процесс у марийцев дополняется значительными изменениями в языческих верованиях, усилением роли христианской религии в общественной и духовной жизни. Ответом на кризис языческих верований и перелом в традиционных формах хозяйственной жизни явилось возникновение национального по содержанию, религиозного по форме движе-

ния — секты “*Кугу сорта*”. Оно охватило марийское население, проживавшее в основном в Яранском и частично Царевококшайском уездах. В вероучении секты наметился ряд новых явлений. Это выразилось в отказе употреблять в быту многие предметы фабрично-заводского изготовления. В культовых целях они употребляли исключительно деревянную посуду и утварь. Носили одежду, обувь, головные уборы домашнего изготовления. Во время молений зажигали больших размеров свечу — до 70 см длиной, до 4—5 см в диаметре. Отсюда произошло и название секты “*Кугу сорта*”, т.е. “Большая свеча”. Вместе с тем сектанты не приняли языческую практику кровавых жертвоприношений.

Руководители этой религиозной организации обратились в правительственные органы об официальном признании и легализации деятельности секты. Однако православная церковь, напуганная возможным размахом движения, потребовала и добилась ее запрещения. В результате многие видные деятели секты были высланы в Сибирь. Вплоть до Октябрьской революции преследовались и рядовые члены религиозных общин. В 20-е годы наметилось некоторое оживление культовой деятельности секты. Но в 30-е годы в легальной форме она практически перестала существовать. В настоящее время эта секта пытается восстановить свою религиозную организацию и культовую практику.

Христианизация марийцев происходила в течение нескольких столетий. Еще в XV веке была обращена в христианство часть марийцев, проживающих в пределах Нижегородской земли. В XVI—XVII веках приняли христианство в основном служилые марийцы. Массовая христианизация марийцев началась лишь в XVIII веке. Для крещения народов Среднего Поволжья в Казани государство учредило специальную Новокрещенскую контору, функционировавшую в 40—60-х годах. Несмотря на ряд льгот крещеным, христианизация носила по существу насильственный характер, поэтому принятие крещения в то время зачастую было формальным. Административное принуждение в деле христианизации явилось одной из причин массового переселения марийцев в башкирские земли.

Во второй половине XVIII — в первой четверти XIX веков в христианизации марийцев и других нерусских народов Среднего Поволжья был намечен ряд новых форм и методов. Это выразилось прежде всего в отказе от насильственных методов и в веротерпимости. Для распространения идей христианства начали готовить священнослужителей из числа представителей нерусских народов. В эти же годы на марийский язык был переведен ряд христианских книг, положено начало ведению проповедей на марийском языке.

20 — 30 годы XIX века характеризуются усилением миссионерской деятельности. Православная церковь начинает обращать внимание на усвоение новокрещенными основных догматов христианского учения. Одновременно усиливается деятельность по искоренению языческих культов, поскольку крещенные марийцы вовлекались

в происходящие в различных местах языческие моления. Так, крупнейшие языческие моления произошли в Варангужской роще Царевококшайского уезда (1827 г.) и Куприансолинской Уржумского (1828 г.), собравшие по несколько тысяч богомольцев (некрещеных и крещеных) из уездов Вятской, Казанской и Оренбургской губерний. Власти и церковь не останавливались перед преследованием поклоняющихся языческим богам, особенно руководителей молений и крещеных участников, осквернением мест молений и находящихся там культовых предметов. Имели место и случаи вырубки священных деревьев в рощах. В это же время был совершен варварский акт уничтожения одной из культовых святынь марийцев — Камня Чумбулата на реке Немде, под которым, по поверьям, был захоронен легендарный князь-предводитель Чумбулат.

В 40—50 годах XIX века появляются более гибкие формы распространения христианских идей среди марийцев. Для этого начинают использовать понятные для них традиционные божества. Богородица преподносится как *Шочынава*, Илья-пророк как *Эр ѳжара юмо* или *Кўдырчö юмо* (бог грома), по аналогии с *юмынѳдыр* появляется *юмын эрге* (сын божий). В сюжет росписи некоторых церквей включается и марийская тематика.

Вместе с тем в эти же годы среди марийцев в социально-утопической форме возникают идеи протеста против насаждения и навязывания чуждой им религии. Все это обнаруживается в попытке обоснования равнозначности язычества и христианства, в отступлении от христианства, в подаче прощений об избавлении от наиболее ненавистных священников, в организации всемарийских молений.

Во второй половине XIX века политика христианизации получает ряд новых черт. Церковь начинает уделять внимание качественной стороне пропаганды христианства. Для этой цели расширяется сеть школ, где обучение ведется на родном языке. Шире стали привлекать к миссионерской работе православных священнослужителей-марийцев.

К концу XIX века подавляющая часть марийцев была обращена в христианство. Тем не менее начало XX века вновь характеризуется отходом от христианской религии и отказом от исполнения церковных ритуалов. После революции 1905 — 1907 гг. в Яранском и Уржумском уездах Вятской губернии имели место случаи перехода целых деревень в языческую веру.

Таким образом, христианизация марийцев представляется достаточно сложным процессом. Она способствовала распространению грамотности и образования, возникновению письменности, а через них дальнейшему развитию хозяйства и культуры. В то же время христианство зачастую было орудием преследования иноверцев. Развитие социально-утопических идей, возникновение двоеверия и, наконец, открытый разрыв с православием, будь то создание сектантской религиозной организации или возврат к языческим веро-

ваниям, являлись формами протеста против социального, религиозного и национального угнетения.

К концу XIX — началу XX веков среди марийцев обозначились приверженцы нескольких религиозных конфессий. Горные марийцы, большинство луговых и часть восточных соблюдали христианство преимущественно в форме православия (*рушла вера*). Среди луговых и восточных было немало двоеверцев, придерживавшихся синкретических верований, сочетавших в разной степени православие с язычеством (*марла вера*). Большинство восточных и часть луговых марийцев являлись приверженцами язычества (*чимарий*). Среди восточных марийцев встречались также принявшие мусульманскую религию.

После революции советской властью, несмотря на провозглашение свободы совести и вероисповедания, был взят курс на активную борьбу с религией, как одним из пережитков прошлого, путем антирелигиозной пропаганды и атеистического воспитания. Церковь была отлучена от государства, а школа от церкви. Тоталитарный режим одинаково расправлялся со всеми конфессиями, нередко используя методы и приемы борьбы царской власти и официальной православной церкви против неправославных религий. Под видом борьбы с культурной отсталостью марийцев преследовались традиционно-языческие их верования. Местные власти запрещали моления с жертприношениями в рощах, многие из которых подвергались рубке, служители культа и активные участники молений причислялись к врагам народа, противникам коллективизации, кулакам и подкулачникам, подвергались репрессиям. Аналогично велась борьба и с православной религией: закрывались церкви и монастыри, конфисковывались церковные ценности, репрессировались служители культа.

Однако религиозные верования и культы, имеющие вековые традиции, не были окончательно искоренены, религиозное сознание сохранялось и воспроизводилось частью населения, приверженцами всех конфессий. Традиционно-языческие моления марийцев в рощах происходили по существу нелегально, тайком от местных властей, с ограниченным количеством верующих. Православные марийцы преимущественно пожилого возраста периодически посещали действующие или закрытые культовые объекты (церкви, монастыри, часовни). Двоеверцам приходилось обращаться и к православным, и к языческим святыням.

Некоторые периодические послабления в борьбе с религией в годы Отечественной войны (40-е годы), хрущёвской оттепели (60-е годы), перестройки (80-е годы) вызвали определенное оживление религиозности среди населения. Так, по данным двух социологических исследований культуры, быта и традиций, проведенных в Марийской АССР по единой обширной программе среди взрослого населения, верующие среди марийцев составили в 1973 г. 33,6 процента опрошенных, в 1985 г. — 42,1. Из числа верующих крещенные ма-

рийцы, соблюдающие православие (*рушла вера*) и православие с элементами язычества, составили 49,4 процента. К группе “*марла вера*” относились крещенные мари́йцы, в равной мере соблюдающие православие и язычество или язычество с элементами православия, которых выявилось 33,5 процента. Некрещенные (*чимарий*), соблюдающие лишь языческую веру, составили 5 процентов опрошенных. 0,2 процента опрошенных мари́йцев отнесли себя к приверженцам ислама 11,9 процента верующих мари́йцев не имеют четкой определенности в отнесении себя к той или иной конфессии.

Ныне с правозглашением демократических принципов, общечеловеческих свобод создались условия для подлинной свободы вероисповедания, для более четкого выражения религиозного сознания населения. Заметно выросло количество верующих мари́йцев за счет колебавшихся в прошлом между верой и неверием или тайно исповедовавших ту или иную религию. Активистами языческого культа создана языческая община “Ошмарий-чимарий”, ряды которой увеличиваются за счет части двоеверцев и ранее конфессионально не определившихся. Верующими при поддержке местных властей восстановлены культовые места, стали открыто проводиться общие и местные моления с соблюдением традиционных ритуалов. Усилиями православных верующих и местных органов власти восстановлены и реставрированы несколько церквей, открыт ряд новых приходов, учреждена Мари́йская епархия.

Декоративно-прикладное искусство

Народное искусство мари́йцев имеет глубокие многовековые традиции. С древности мари́йский народ свое отношение к красоте, богатство творческой фантазии и тонкость эстетического вкуса выражал в украшении бытовых, хозяйственных и ритуальных предметов, одежды, головных уборов, ювелирных изделий. В археологических памятниках мари́йцев I — середины II тысячелетий обнаруживается обилие скульптурных фигурок животных и птиц из металла и кости, керамические изделия, украшенные насечными и штампованными геометрическими узорами, металлические и другие украшения костюма, тисненные кожаные изделия и т.п. Издавна мари́йцы знали различные приемы обработки металла, глины, дерева, бересты, кожи, производство и отделку тканей.

Богатые художественные традиции мари́йцев наиболее ярко и самобытно сложились в декоре народного костюма — в вышивке и украшениях. Вышивка (*тӱр*) занимала ведущее место в мари́йском народном искусстве. Искусством вышивки владела каждая женщина-мари́йка, приучаясь с детства ткать и вышивать. Вышитые узоры широко применялись в повседневной, праздничной и обрядовой одежде, в предметах внутреннего убранства избы, в подарочных изделиях. Вышивкой украшали и отделывали все детали костю-

ма — рубашки-платья и кафтаны, головные уборы и передники, свадебные головные покрывала (*вӱргенчык*) и поясные полотенца (*сӱян солык*). Место расположения вышивки в соответствии со строго продуманной издавна сложившейся традицией было связано с покроем, назначением и типом одежды. Наряду с другими украшениями в прошлом вышивка имела магически-обереговое значение. Так, на женской и мужской рубашках вышивка размещалась возле грудного разреза (*мел тӱр*), на плечах (*вачӱмбал*, *вочыгач*) и спине (*туп кадыр*), по краям подола (*урвалте тӱр*) и рукавов (*шокишмучаш*). Вышивкой закрывали швы, соединяющие полотна рубашки (*ургыш воктен*). Женская рубашка снабжалась в прошлом и нагрудной вышивкой, расположенной по сторонам вышивки вдоль грудного разреза. Ее названия (*он тӱр* и *чызе орол*) подчеркивают символическое значение оберега женских грудей. Символическое отличие мужской рубашки выражалось в виде вышитого узора (*орма*) в центре переднего подола, а также огибающей вышивку грудного разреза ломаной линией *пондаш кадыр* (линия бороды).

Женское платье было более нарядным по обилию вышивки, отличаясь у разных групп количеством и размещением ее. У одних нагрудная вышивка была симметричной (при центральном грудном разрезе), у других — асимметричной, так что правый верхний край ее доходил до плечевого шва (при смещенном вправо грудном разрезе). У одних вышивка шла по всей длине рукавов (*шокиӱмбал*, *йырге*), у других отмечалась розеткой в их верхней части, у плеча (*томка*). Вышивка отличалась территориально-этническими особенностями, которые в основном совпадали с комплексами костюма этнографических и территориальных групп марийцев, сложившимися в течение XIX века. На территории края выделялись вышивка моркинской группы марийцев (ныне проживающих в юго-восточных районах республики), сернурской (северо-восточные районы), йошкарولينской (центральные районы), горномарийской (западные районы). Заметно отличалась вышивка ветлужских, или северо-западных, марийцев (ныне Нижегородская область) и восточных (Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Свердловская и Пермская области).

Вышивка выполнялась по белому холсту шерстяными, шелковыми, позднее хлопчатобумажными нитками. Узоры выполнялись без нанесения рисунка, по счету нитей основы холста. Вышивали марийки обычно с изнаночной стороны ткани. Техника вышивания, зависящая от структуры ткани, обусловила геометризированный характер узоров. Наиболее распространенные виды швов, которыми вышивались узоры, сохранились в терминологии марийских вышивок: *темышан тӱр* (косая стежка), *пӱшкыл тӱр* (роспись), *керыштыш тӱр* (набор), *керем* (веревочка) и другие. При исполнении узоров старинными швами, характерными для финно-угров, вышивка получалась двусторонней.

Орнамент марийской вышивки состоит из геометрических, рас-

тительных и зооморфных мотивов. Преобладающим является геометрический орнамент, узоры представляют комбинации из прямых и кривых линий, фигур в виде ромбов, квадратов, прямоугольников, наклонных крестов, реже стилизованных кругов, овалов, сложноузорных мотивов, составляемых в различных сочетаниях и комбинациях. Зачастую фигуры снабжаются отростками, крючками, ответвлениями, заполняются внутри другими фигурами. Ромб, как наиболее часто встречающийся мотив у многих народов, связан с символом солнца. Широко распространенным в вышивке марийцев является мотив звездчатой розетки (*тамга*).

Бытование орнаментальных узоров зооморфного происхождения связано с древними верованиями и магическими обрядами. Наиболее выразительны сюжеты с парой стилизованных оленей или коней (предстоящих “у древа”); с парным изображением водоплавающих птиц, обращенных друг к другу. Встречаются отдельные изображения коней, оленей (лосей). Чаще же вышиваются узоры, стилизованно изображающие отдельные части тела животных, птиц и насекомых. Широко были распространены мотив парных “крючков”, называемых *тага шур* (рога барана), *шарды шур* (рога лося-олени), и мотив головы коня — *имньывуй тӱр*. Известны также узоры, изображающие куриную или воронью ногу, гребень петуха, след мыши, пчеломатку с аналогичными названиями.

Растительный орнамент выражался в виде реалистических и стилизованных изображений представителей местной флоры в виде веток, цветов, кустов, елочек, колосков.

На рубеже XIX — XX веков произошла смена эстетических норм в характере орнамента марийской вышивки, построении и ритме узоров, в цветовой гамме, исподволь начавшаяся еще во второй половине XIX века с развитием капиталистических отношений. Появление на местных рынках фабричной пряжи, ниток и тканей, промышленных красителей способствовало их постепенному распространению в быту марийцев. Эти новшества вносили разнообразие в декор народного костюма, требовали новых технических приемов исполнения вышивки. Традиционная техника вышивания заменялась новой, не зависящей от структуры ткани.

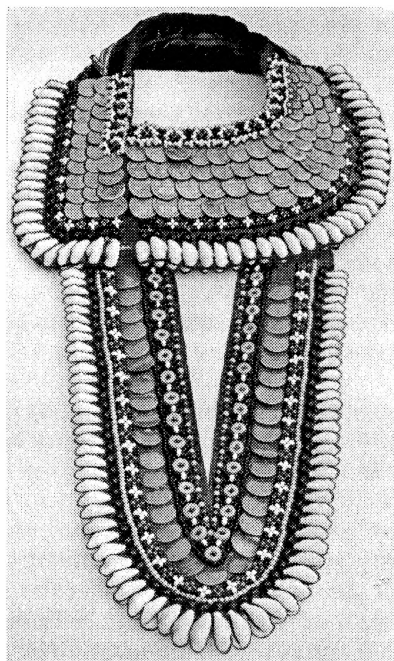
Широкое распространение получила техника вышивания крестом (*вӱлше тӱр*), а также гладью, стебельчатым швом (*жерем*) и другими швами, характерными для вышивки соседних народов. Нетрадиционные приемы вышивания постепенно привели к значительным изменениям в передаче орнаментальных мотивов, вытесняя традиционный геометрический орнамент растительным. Для последнего характерны округлая и плавная конфигурация, более свободное размещение рисунка узоров на ткани. Марийская вышивка стала более полихромной (многоцветной): наряду с традиционными, широко использовались другие насыщенные и светлые тона и оттенки цвета ниток. У горных марийцев изменения в вышивке произошли раньше, чем у луговых, благодаря их рассе-

лению ближе к поволжским рынкам и текстильным центрам.

У восточных марийцев, наряду с традиционной вышивкой, во второй половине XIX века, под влиянием искусства башкир и татар, получило развитие узорное ткачество. Ткаными узорами (*нӧлтыш тӱр*) украшались одежда (рубашки-платья, кафтаны, передники) и предметы интерьера избы (полотенца, занавески, скатерти, покрывала, ковры, дорожки).

В составе марийского костюма богато представлены украшения из бисера, металла, раковин-каури, позумента, монет, блесков, пуговиц, получившие развитие из древних “шумящих” подвесок. Наряду с магически-охранительными, они имели эстетические функции, отражали половозрастное и социально-имущественное положение в семье и обществе. Украшения делились на головные, шейные, нагрудные, поясные, наручные. Большинство съемных украшений характерно для женского костюма. Наиболее полный комплект женских украшений — *шийдарман* (серебряные изделия) — надевали во время свадебных обрядов и на праздники; повседневный набор был более скромным. Большинство украшений составлялось из различных компонентов, где своеобразно и красочно гармонировали разноцветный бисер, белые раковины-каури, медные и серебряные монеты, соединенные цветной нитью и металличе-

скими цепочками или нашиваемые на лоскут ткани, окантованный позументом или тесьмой. Серебро, как один из необходимых компонентов, присутствует и отражается в названиях многих украшений, особенно свадебно-праздничных, словами *ший*, *шийан* (серебряный, с серебром): *ший аршаш* (нагрудник из серебряных монет), *шийан шыркама* (застежка-сюльгама с серебряными монетами-подвесками), *шийан ӱштӧ* (пояс с серебром), *ший шергаш* (серебряное кольцо), *шийан кидшол* (браслет с подвесками из серебряных монет). Металлические пластинчатые браслеты украшались тиснеными или гравированными узорами из геометрических мотивов, многие из которых повторяют традиции старинной орнаментированной керамики. Браслеты и перстни украшались также вставками из цветных бус и стекла, реже драгоценных камней.

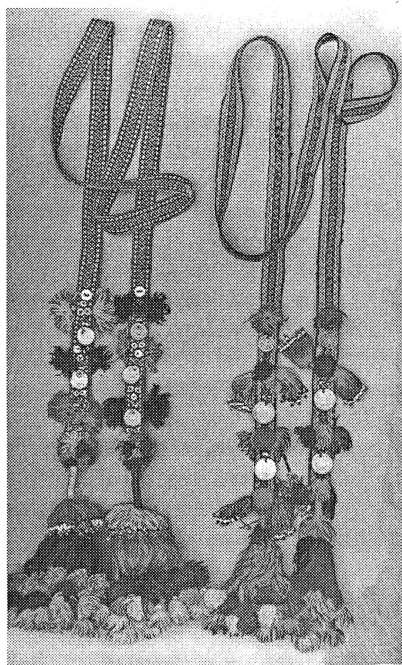

Шейно-нагрудное украшение
(Царевококшайский уезд)

Из металлических украшений особо выделяются шейные узорчатые цепочки (*цепошка, гайтан*) горных марийцев. Их делали из низкопробного “польского” серебра в виде миниатюрных звеньев-колец, соединенных с решетчатыми пластинами. Ширина цепочки, в зависимости от количества звеньев, соединяющих пластины, была различной. Несколько звеньев-пластин соединяли колечками путемковки, получая разную ширину цепочки. Концы этой ажурной ленты оформлялись фигурными литыми формами из того же серебра. Среди луговых марийцев было распространено изготовление поясных цепочек из стальной или медной проволоки. Пояс по всей длине украшался подвесками из серебряных монет, кисточками из цветных ниток с нанизанным на них бисером, раковинами-каури. Концы пояса заканчивались кистью-бахромой с теми же привесками. Повсеместно были распространены цветные вязаные тканые пояса с кистями из бисера, блесков и т.п. Наиболее многоцветной является расцветка горномарийских тканых поясов, декор которых составлен из 6—7 цветных ниток основы. Нитки расположены так, что один цвет постепенно входит в другой, имитируя цвета радуги (такие пояса называют *шанавыл статян*, т.е. — подобные радуге). С конца XIX — начала XX веков подола платьев и кафтанов, иногда концы рукавов украшали также кружевами. Постепенно кружева стали использовать для отделки полотенец и других предметов интерьера избы.

Распространенным видом народного искусства марийцев является художественная обработка дерева в технике различных видов резьбы и плетения. В украшении деревянных предметов сочетались простота и польза с красотой и декоративностью, предметы, не теряя своих бытовых свойств, превращались в произведения искусства. Известны у марийцев скульптурная и различные виды плоскостной резьбы.

Из типично марийских предметов быта выделяются деревянные ковши с резными ручками, завершающимися зооморфными фигурками. Ручки ковшей украшались в технике традиционной выемчатой резьбы мотивами геометрического орнамента: ноготками, полулунками, треугольниками, ромбами, прямыми и зигзагообразными линиями. Навершие ручки ковша

Тканые пояса с серебром

*Берестяной туесок и ковши с
резными ручками*

заканчивалось скульптурным изображением коня или утки, первое преобладало на горномарийских ковшах, второе — на луговомарийских. Сзади навершия вырезался загиб для подвески к краю сосуда для пива и медовых напитков. Нередко под навершием вырезался или обозначался круг с лучистыми выемками или сквозная окружность (символ солнца). В виде утки вырезались и деревянные ритуальные сосуды, противоположные края которых изображали голову и хвост птицы. Таковы крупные чаши для обрядовой пищи и кружки для напитков. В виде коньков или конских голов вырезались блоки ткацкого стана. Головой коня или туловом утки украшались охлупни (венчающие бревна) крыши марийской избы.

Выемчатыми резными узорами украшались лопасти прялок, донца швеек и деревянные замки строений, дуги и задние стенки свадебных повозок.

Яркое своеобразие декоративного искусства марийцев проявляется в художественной обработке растительных материалов — лозы, лыка, соломки (плетение), бересты (тиснение). Из бересты плели кузова и пестери, заплечные крошки для сбора ягод, грибов и других даров леса, коробки для хранения ниток, бисера и украшений, предметов рукоделия. Особо выделяются туеса (прообраз термосов), сшиваемые из 2—3 слоев вываренной бересты (с плоскими вставными крышкой и дном из липы). Орнаментация туесов сводилась к тиснению (вдавливанию) на них деревянными или металлическими штампами или накалыванию узоров. Орнамент геометрический — треугольники, прямые или наклонные линии, зигзаги, кружки. Наиболее любимыми были узоры в виде розеток или ромбов (символов солнца). Нередко встречался мотив елочки.

Плетение традиционных домашних изделий из прута, лозы, корней с 60—70-х годов XIX века превратилось в массовые виды кустарных промыслов. Появление корзин, гнутой черемуховой мебели и других плетеных изделий на рынках вызвало массовый спрос на эту продукцию. А это в свою очередь заставляло мастеров проявлять творческие поиски, расширять ассортимент изделий, совершенствовать качество и разнообразить декоративную отделку.

Особенно широкое распространение получил корзиночный промысел среди горных марийцев. Корзины плели из зеленого неочищенного и светлого очищенного круглого (цельного) и плоского (колотого пополам) тальникового (ивового) прута. Иногда сочетали

очищенный с неочищенным, придавая изделию контрастный колорит. Корзины делали круглые с одной ручкой и овальные с двумя. Последние украшали путем окрашивания прутьев в верхней части корзины анилиновыми красителями.

Повсеместно было распространено плетение тарантасных плетенок, различных емкостей для хранения, переноса и перевозки бытовых изделий (сундучков, солонок, хлебниц, посудниц и т.п.). Из соломки плели коробочки и шкатулки для хранения мелких вещей, подвески в виде люстр и другое. Позднее резаной соломкой, наклеивая ее в виде геометрических узоров, декорировали рамки фотографий, зеркал, шкафов-буфетов. Среди горных марийцев широкое распространение получило производство плетеной мебели (стульев, кресел, столов, диванов) и дорожной утвари (сумок, чемоданов, баулов).

Среди промыслов по обработке дерева известны также производство расписных дуг, саней, коромысел, сундуков, домашней утвари (чашек, черпаков, ложек, ковшей, сосудов для питья). Среди горных марийцев получил развитие промысел по изготовлению деревянных тростей с выжженным и резным орнаментом. Выжженные узоры состояли из комбинаций геометрических фигур и линий, размещенных по всей длине трости, а ручки тростей вырезались в виде фигур птиц или голов животных.

Изделия марийских кустарей, закупаемые для крупных ярмарок, привлекли внимание знатоков и ценителей искусства и рекомендовались на различные кустарно-промышленные и художественные выставки. Образцы вышивок и украшений, плетеная мебель и утварь марийцев были отмечены дипломами выставок в Нижнем Новгороде (1896 г.), Казани (1909 г.), Петербурге (1913 г.). Высоко было оценено искусство марийских вышивальщиц на Международной выставке 1892 г. в Чикаго, посвященной 400-летию открытия Америки.

Архитектурная резьба марийцев не имеет давних традиций. Декор жилища получил массовое распространение в основном с середины XIX века, когда на смену курным избам с волоковыми окошками пришли избы “по-белому” с косячатыми окнами с наличниками, обращенные фасадом на улицу. Раньше резьбой украшались столбы ворот — традиционной выемчатой или контурной. Узоры располагались в 2—3 яруса по вертикали на плоскости столбов. Ярусы разделялись горизонтальными линиями. Нижний ярус заполнялся вертикальными контурными порезками, изображающими колонны, средний — изображениями фигур (ромбы, квадраты, треугольники), выполненными в трехгранно-выемчатой технике, верхний увенчивался изображением солярного круга с лучами или вихревой розеткой.

В декоре жилища стало уделяться внимание украшению оконных наличников, а затем фронтона крыши (по мере смены самцового перекрытия стропильным). Наряду с традиционной выемчатой

(трехгранной, ногтевидно-скобчатой) и скульптурной резьбой, в украшении изб марийцы стали применять русские виды: рельефную (судовая, корабельная резь) и прорезную или пропильную. Первая встречалась в приволжских марийских селениях Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов, вторая получила повсеместное массовое распространение. Орнамент в традиционных видах резьбы оставался преимущественно геометрическим, реже зооморфным. С рельефной техникой пришли мотивы растительного орнамента, первоначально занесенные русскими резчиками Нижегородской губернии. В этой технике украшали наличники и подкарнизные доски фасада. Прорезно-пропильная резьба, распространившаяся в Поволжье из центральной России, благодаря легкости и доступности исполнения стала наиболее массовым видом украшения жилищ в Марийском крае к концу XIX — началу XX веков. Ажурными узорами в этой технике декорировались наличники окон, боковые и нижние доски фронтона и горизонтальные доски над полотнищами ворот. Наряду с нетрадиционными растительными узорами в этой технике обретали жизнь и традиционные узоры геометрического и отчасти зооморфного орнамента. Место рельефной резьбы стала занимать накладная. Резные накладки преимущественно геометрических форм прибавлялись к украшаемым доскам, реже к полотнищам ворот, что было характерно декору соседних татар и чувашей. В ближних к татарам селениях эпизодически встречалась раскраска некоторых деталей фасада, в основном накладок наличников.

Таким образом, декоративно-прикладное искусство марийцев имело давние традиции, развиваясь в тесной связи с этнографической средой. Представляя область бытового творчества, оно несло в себе функции художественно оформленных предметов и изделий.

Традиции марийского народного искусства получили дальнейшее развитие в послеоктябрьский период с образованием автономии. В возрождении традиционной вышивки заметную роль сыграли вышивальные артели и кружки, открытая в Йошкар-Оле в 1929 году Школа женского труда имени 8 Марта. В 30-е годы в районах республики возникали промартели по изготовлению вышитых изделий. Школы и артели способствовали объединению и профессиональному росту вышивальщиц, подготовке кадров. Их изделия поступали в торговую сеть, для выставок, шли на экспорт. В орнаментике вышивок наряду с традиционными узорами использовались элементы советской символики (серп и молот, пятиконечная звезда и другие). В 1936 году в артели “Труженица” (позднее — фабрика) был открыт вышивальный цех, который продолжил освоение и развитие традиционной вышивки на промышленной основе. Получив высокую оценку экспонатов с марийской вышивкой на Всесоюзной выставке декоративно-прикладного искусства 1946 г. в Москве, фабрика “Труженица” стала непременным участником последующих всероссийских и всесоюзных выставок и ярмарок и вышла на мировую арену. Вышитые изделия марийских художниц и вы-

шивальщиц фабрики достойно представляли декоративное искусство марийского народа на всемирных выставках-ярмарках почти десятка стран Европы, Америки и Азии, неоднократно отмечались дипломами и медалями.

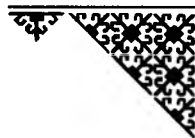
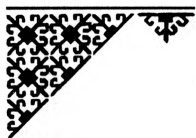
Изделия фабрики, помимо высокого качества исполнения, сохраняют связь с исторической художественной традицией, которая отчетливо выражается в композиционном построении орнаментальных узоров, использовании многих технических приемов вышивания и характере основной расцветки. Помимо одежды традиционных и современных форм создаются оригинальные выставочные произведения и изделия сувенирного назначения. Большой популярностью и спросом пользуются декоративные занавесы, портьеры, используемые в декоре театров, учреждений культуры, науки, медицины, административно-хозяйственных зданий, учебных заведений. Население охотно покупает, помимо одежды, салфетки и полотенца, занавески и дорожки с марийской вышивкой. Орнаменты марийской вышивки широко используются в оформительском искусстве, книжной графике и рекламе. Архитекторы все чаще применяют их в наружном декоре и интерьере зданий.

На современном этапе возрождаются многие виды художественных ремесел марийцев. В системе министерств лесного и сельского хозяйства созданы производственно-художественные цеха и участки. В 1969 г. образовано художественное объединение надомного труда "Пöлек" ("Подарок") с филиалами в районах республики. В его ассортименте поделки из лозы, бересты и лыка (шкатулки, стаканы для карандашей и салфеток, конфетницы, туалетные коробочки, корзиночки для цветов), декоративные вешалки, расписные кухонные разделочные доски, деревянные ложки, ополовники, чашки, "марийские" матрешки, плетеная мебель, скульптурные фигурки, сувенирные ручки с трехместной матрешкой, швейные изделия с вышивкой, кожаные изделия с аппликацией, вязаные изделия из шерстяной пряжи, изделия для детей из отходов древесины и из винилискожи. Новыми являются декоративные панно — расписные или выполненные в технике чеканки. На предприятиях горномарийского филиала разработано более 200 видов традиционных изделий, в том числе плетеных из лозы и бересты, орнаментированных выжженными узорами, выполненных из серебряных цепочек и других материалов. Во многих сувенирных цехах освоена разнообразная продукция, выполняемая на основе русской хохломской технологии росписи, Полхова-Майдана, богородской резьбы по дереву (в поселках Килемары, Дубовский, Морки, Зеленогорск).

К традициям народного художественного творчества обращаются художники-профессионалы, используя их в книжной графике, керамике, изделиях из орнаментированной бересты, в различной сувенирной продукции с вышивкой, плетением. Выявляется также тенденция художников выйти за пределы традиционных видов декоративно-прикладного искусства, идет поиск новых форм и материалов.

Марийское население продолжает заниматься изготовлением плетеных изделий, поделок из дерева, бересты, глины, изготовлением национальных украшений, музыкальных инструментов. Не потеряла своего значения вышивка, занимая важное место в декоре народного костюма и предметов интерьера. Наряду с ней встречается роспись узоров цветными масляными красками на белой ткани по трафаретам. Среди горных марийцев развивается ткачество цветных поясов и наплечников к местному костюму. Повсеместно среди плотников и столяров немало мастеров-резчиков, которые по заказу украшают жилища односельчан и своей округи. Ныне наиболее распространенными являются пропильная и накладная виды резьбы, часто исполняемые в сочетании. Наряду с традиционными мотивами резьбы (соллярный знак в виде ромба, другие геометрические узоры, звезды-розетки, зооморфные стилизованные фигуры, “елочка”) широко распространены растительные мотивы. Нередко используются элементы орнамента традиционной вышивки. В отличие от прошлого, широкое применение в наружном декоре жилища нашла многоцветная раскраска архитектурных деталей, что было характерно ранее искусству соседних татар и чувашей. Архитектуру жилища оживляют мезонины, балконы, ложные решетки, различной формы слуховые окна на фронтонах жилища, декоративные переплеты остекленных веранд, архитектурная отделка и раскраска ворот, уличных заборов, палисадников и т.п.

Периодически проводимые в последние десятилетия районные и республиканские смотры и выставки изделий народных мастеров способствуют возрождению и развитию различных видов традиционного и современного народного искусства марийцев, как и других народов, проживающих на территории республики, расширению ассортимента художественно оформленных изделий бытового назначения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Усложнение межнациональных отношений, возникновение конфликтных ситуаций между отдельными этническими группами населения, порой проявляющиеся в многонациональных странах, подтверждают важность этнографических знаний народов друг о друге. Все более очевидной становится теоретическая и практическая значимость этнографической науки для принятия официальными органами власти научно обоснованных оптимальных рекомендаций ученых в осуществлении национальной политики. Исторический опыт показывает необходимость знания особенностей образа жизни, культуры и быта народов-соседей, ибо незнание, игнорирование и неуважение их может способствовать межнациональному отчуждению и противостоянию. По словам видного советского этнографа, профессора Ленинградского университета Р. Ф. Итса, “такое знание, которое само по себе способно породить чувства сопереживания, соучастия в жизни соседей, не может придти само, а должно быть получено как в семье, так и в системе образования”.

Этнография в нашей стране долгое время считалась академической наукой. Профессиональные кадры этнографов готовились в основном в аспирантуре академических учреждений. Преподавание курса “Основы этнографии” ограничивалось университетами, причем специализированные кафедры этнографии функционировали лишь в нескольких из них. Большинство же вузов, техникумы и школы практически не давали этнографических знаний студентам и учащимся. Естественно, что за многие десятилетия сложилась “этнографическая неграмотность” населения нашей многонациональной страны, а профессионалов-этнографов в России значительно меньше, чем в США, Канаде и ряде стран Европы.

Ныне общепризнана в качестве актуальной задача изучения, популяризации и пропаганды этнографических знаний в стране. Этнография, как учебный предмет, постепенно выходит за рамки университетского образования, вводится в виде спецкурсов и факультативов в программы гуманитарных вузов, средних специальных учебных заведений и общеобразовательных школ. В популяризации культуры и быта, традиций и обычаев народов значительную роль игра-

ют средства массовой информации — периодическая печать, радио и телевидение, а также этнографические музеи и отделы этнографии краеведческих музеев. Различные издательства заметно увеличили выпуск популярной этнографической литературы, книг и брошюр, посвященных народным традициям, обычаям и обрядам, народной медицине, кухне, костюму и др.

Необходимость этнографического всеобуча осознана в национальных республиках, в том числе и в Республике Марий Эл. В соответствии с республиканской программой “Национальная школа” и республиканским стандартом образования в школах и других учебных заведениях введен и постепенно расширяется учебный курс “История и культура марийского народа”, в котором предусмотрено, в соответствии с возрастными особенностями учащихся, ознакомление их с определенным минимумом этнографических знаний. В помощь учителям и учащимся издаются пособия-хрестоматии по этому курсу. В перспективе — подготовка учебных пособий по истории и культуре народов, проживающих на территории края в тесном соседстве с марийцами, а также по культуре финно-угорских народов из цикла “Мировая культура”. В старших классах в качестве специального или факультативного обучения намечается введение курса “Этнография марийского народа”, рекомендуемого также в учебных заведениях гуманитарного профиля.

Этнографическая тематика все чаще находит место в изданиях Марийского книжного издательства, МарНИИ, Министерства культуры, вузов. Не обходят ее и республиканские газеты и журналы. “Марийская правда” периодически знакомит читателей со статьями и подборками о традициях и обычаях марийцев, русских и татар. В газете “Марий Эл” этнографические материалы представляются в рубриках “Шочмо кундем”, “Марий йӱла” и других. В новом журнале “Марий Эл: вчера, сегодня, завтра” имеется раздел “Этнография”. Статьи и заметки с этнографическим содержанием публикуются в республиканских журналах “Ончыко”, “У сем”, в детском журнале “Кече”, молодежных газетах “Кугарня” и “Молодежный курьер”, в детской газете “Ямде лий”. По марийскому радио звучат передачи, посвященные родному языку, фольклору и этнографии. В последние годы Марийской студией телевидения засняты и показаны несколько телефильмов о фольклорно-этнографических ансамблях и их репертуаре, об отдельных исполнителях, этнографическом музее. Телефильмы о народных целителях и национальном костюме консультировали марийские этнографы.

В 1983 году в г. Козьмодемьянске был открыт Этнографический музей под открытым небом, проектирование которого не обошлось без научной консультации этнографов МарНИИ и ученых вузов. Музей стал уникальным природным памятником народной архитектуры, хранилищем богатых коллекций орудий труда и промыслов, одежды и утвари, предметов народного искусства. Этнографические экспозиции значительно расширены в Национальном музее

им. Т. Е. Евсеева г. Йошкар-Олы, в Горномарийском историко-художественном музее им. А. В. Григорьева г. Козьмодемьянска. В последнее десятилетие в ряде райцентров республики созданы местные музеи, получившие статус филиалов Национального музея, в которых также открыты этнографические экспозиции (в Оршанке, Сернуре, Волжске, Новом Торъяле, Мари-Туреке, Морках, Советском, Медведеве). Этнографические предметы экспонируются также в музеях и уголках ряда школ и сельскохозяйственных предприятий. При дворце творчества юных г. Йошкар-Олы создан этнографический кружок.

Приведенные факты являются убедительным свидетельством возрастающего интереса общественности и населения к этнографии (и вообще к краеведению), что способствует преодолению этнографической неграмотности, особенно свойственной послевоенным поколениям. Очевидно, изучение особенностей культуры и быта, традиций и обычаев своего и других народов, их популяризация среди широкой массы населения являются важным средством пополнения интеллектуального багажа знаний, способствуют воспитанию уважительного к ним отношения, чувства дружбы и интернационализма в многонациональных коллективах и в обществе в целом.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Акцорин В. А. Шорыкйол. Йошкар-Ола, 1991 (Новогодний марийский народный праздник).

Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв.: К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Этнография народов Среднего Поволжья: Учебное пособие. Казань, 1984. Ч.1.

Герасимов О. М. Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола, 1996.

Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1976 (Археология и этнография Марийского края. Вып.1. В дальн.: АЭМК).

Древние этнические процессы Волго-Камья. // АЭМК. Вып.9. Йошкар-Ола, 1985.

Евсеев Т. Е. Калык ойпого: Тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме... Йошкар-Ола, 1994 (Марийский фольклор: Марийские сказания, сказки, предсказания, сновидения...).

Иванов А. Г., Сануков К. Н. История марийского народа. Йошкар-Ола, 1999.

Иванов И. С. Марий сѳан. Йошкар-Ола, 1994 (Марийская свадьба). Из истории хозяйства населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1979 (АЭМК. Вып.4).

Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Йошкар-Ола, 1984 (АЭМК. Вып.7).

История Марийской АССР. Т. 1. Йошкар-Ола, 1986; Т. 2. Йошкар-Ола, 1987.

Итс Р. Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Л., 1974; 2-е издание — Л., 1991.

Калиев Ю. А. Семьк. Йошкар-Ола, 1993 (Марийский народный праздник Семик).

Китиков А. Е. Модыш — уш погыш: Марий калык модыш-влак. Йошкар-Ола, 1993 (Марийские народные игры).

Китиков А. Е. Ёдыр сий. Йошкар-Ола, 1993 (Марийский праздничный обряд “девичье угощение”).

Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

- Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964.
- Крюкова Т. А.* Марийская вышивка, Л., 1951.
- Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956.
- Крюкова Т. А.* Марийцы // Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 2 (Серия "Народы мира").
- Кырык мары сӱан.* / Сост. К. Г. Юадаров. Йошкар-Ола, 1991 (Горно-марийская свадьба).
- Марий кумалтыш мут* / Сост. Н. С. Попов. Йошкар-Ола, 1991 (Марийские молитвы-заклинания).
- Марийская крестьянская кухня* / Сост. К. Г. Юадаров. Козьмодемьянск, 1995.
- Марийские праздники.* Йошкар-Ола, 1992.
- Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания* / Сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола, 1991.
- Марийцы: Статистический сборник.* Йошкар-Ола, 1992.
- Марийцы* // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000 (Серия "Народы и культуры").
- Материальная и духовная культура марийцев.* Йошкар-Ола, 1981 (АЭМК. Вып.5).
- Межэтнические связи населения марийского края.* Йошкар-Ола, 1991 (АЭМК. Вып.20).
- Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992.
- Никитина Т. Б.* Марийцы (конец XVI — начало XVIII вв.): По материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992.
- Никитина Т. Б.* К вопросу об истоках марийского этноса // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. №2. С. 50—65.
- Петров В. Н.* Марийцы // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1986.
- Петров В. Н.* Марийская народная медицина. Йошкар-Ола, 2000.
- Полевые материалы марийской этнографической экспедиции 80-х годов.* Йошкар-Ола, 1993 (АЭМК. Вып.22).
- Попов Н. С.* Марий веран йыжынже. Йошкар-Ола, 1985 (Языческие верования марийцев).
- Попов Н. С.* Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987.
- Поселения и жилища Марийского края.* Йошкар-Ола, 1982 (АЭМК. Вып.6).
- Происхождение марийского народа: Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23 — 25 декабря 1965 года).* Йошкар-Ола, 1967.
- Сенеев Г. А.* Восточные марийцы: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975.
- Сенеев Г. А.* Марийцы // Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985.
- Сенеев Г. А.* Финские этнографы на марийской земле // Марий Эл:

вчера, сегодня, завтра. Йошкар-Ола. 1993. 2—3. С. 121—126; 1994. 2. С. 77—80.

Смирнов И. Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.

Смирнов И. Н. Марий сѳан йѳла // Ончыко. 1994. № 11. С. 132—149 (Марийский свадебный обряд).

Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Йошкар-Ола, 1991 (АЭМК. Вып. 18).

Соловьев В. С. Многонациональность — наше богатство. Йошкар-Ола, 1991.

Соловьева Г. И. Марийская народная резьба по дереву. Йошкар-Ола, 1986; 2-е издание — Йошкар-Ола, 1989.

Соловьева Г. И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982.

Таныгин А., Попов Н. Марий юмо-влак. // Ончыко. 2000. №2—10 (Марийские божества).

Черных С. Я. Ожнысо илышын йыжынже. Йошкар-Ола, 1990 (Жизнь марийцев в прошлом).

Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1988 (АЭМК. Вып. 16).

Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988 (АЭМК. Вып. 14).

Этнографический музей под открытым небом в Козьмодемьянске. Йошкар-Ола, 1994.

Этнография: Учебник для студентов-историков / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М., 1982.

Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987 (АЭМК. Вып. 11).

Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986 (АЭМК. Вып. 10).

Юадаров К. Г. Горные марийцы. Йошкар-Ола, 1995.

Timofej Jevsejjevs ethnographische Sammlungen uber die Tscheremissen (Herausgegeben von Ildiko Lehtinen). Helsinki, 1985 (Этнографические материалы Тимофея Евсеева о марийцах).

Lehtinen Ildiko. Tscheremissischer Schmuck: Ethnographische Untersuchung. Helsinki, 1994 (Марийские украшения: Этнографическое исследование).

Heikel A. O. Die Geb ude der C eremissen, Mordwinen, Esten und Finnen. — Helsingfors, 1988 (Постройки черемис, мордвы, эстов и финнов).

Iso Karhu. Arkistokuvia et aiseten kielisukulaistemme asuins oilta / Toimittaneet Edited by I. Lehtinen, J. Kukkonen. — Lahti, 1980 (Большой Медведь. Старые фотографии родственных финно-угорских народов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
1. Общие сведения	
Этнонимия. <i>Г. А. Сепеев</i>	17
Расселение. <i>Г. А. Сепеев</i>	17
Этнографические группы. <i>Г. А. Сепеев</i>	18
Территория. <i>Г. А. Сепеев</i>	19
Этнодемографическая характеристика. <i>В. Д. Шаров</i>	21
Происхождение (этногенез) и этническая история. <i>Г. А. Архипов</i>	24
2. Хозяйство и материальная культура	
Историко-этнографическая область и хозяйственно-культурные типы. <i>Г. А. Сепеев</i>	32
Особенности хозяйственного быта. <i>Г. А. Сепеев</i>	33
Поселения. <i>Г. А. Сепеев</i>	43
Усадьба и двор. <i>Г. А. Сепеев</i>	51
Жилище. <i>Г. А. Сепеев</i>	57
Костюм. <i>Т. Л. Молотова</i>	66
Пища и утварь. <i>Г. А. Сепеев</i>	79
Средства передвижения и транспорт. <i>Г. А. Сепеев</i>	94
3. Общественный и семейный быт	
Социальная структура. <i>Г. А. Сепеев</i>	103
Община. <i>Г. А. Сепеев</i>	103
Семейно-родовые связи. <i>И. Н. Смирнов</i>	105
Народные праздники, игры и развлечения. <i>Ю. А. Калиев</i>	106
Структура семьи, внутрисемейные отношения. <i>И. Н. Смирнов</i>	117
Родильные обряды. <i>Т. Л. Молотова</i>	126
Свадебные обряды. <i>И. Н. Смирнов</i>	128
Похоронно-поминальные обряды. <i>Т. Л. Молотова</i>	139
4. Духовная культура	
Народные знания. <i>Ю. А. Калиев</i>	146
Устное народное творчество. <i>Ю. А. Калиев</i>	154
Мифологические представления. <i>Ю. А. Калиев</i>	158
Религиозные верования. <i>Ю. А. Калиев</i>	161
Декоративно-прикладное искусство. <i>Г. И. Соловьева</i>	167
Заключение	177
Рекомендуемая литература	180

ЭТНОГРАФИЯ МАРИЙСКОГО НАРОДА

**Учебное пособие
для старших классов**

Допущено Министерством
образования Республики Марий Эл

Составитель
Г. А. СЕПЕЕВ

Редактор
А. Я. Спиридонов
Обложка художника
С. И. Тупицыной
Художественный редактор
И. А. Шехурдина
Технический редактор
Ю. М. Пирогова

Компьютерный набор *В. Ф. Конечниковой*
Компьютерная верстка *С. В. Виногорова и*
А. П. Белоусова

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукция ОК—005—92
953005 — учебная литература

ЛР № 01.0040 от 18.02.1997

Подписано к печати 30.08.2001. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура школьная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 11,5 + 0,5 вкл. Учетно-изд. л.
12,06 + 0,52 вкл. Тираж 7000. Заказ № 1869. Изд. 9

Марийское книжное издательство,
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Палантая, 114

Марийский полиграфическо-издательский
комбинат, 424000, г. Йошкар-Ола,
ул. Комсомольская, 112